Казахский национальный педагогический университет имени Абая

УДК 81'37:82-3

На правах рукописи

АРЗИЕВА ЕВГЕНИЯ РУСЛАНОВНА

Проспективные основы семантики возможных миров в художественном тексте

6D011800 – Русский язык и литература

Диссертация на соискание
степени доктор философии (PhD)

Отечественные научные консультанты
Сафронова Людмила Васильевна
доктор филологических наук, профессор
(Казахский национальный
педагогический университет им. Абая)

Кажигалиева Гульмира Абзалхановна
доктор педагогических наук, профессор
(Казахский национальный
педагогический университет им. Абая)

Зарубежный научный консультант
Александр Киклевич
доктор филологических наук, профессор
(Варминско-Мазурский университет,
Польша)

Республика Казахстан
Алматы, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЯ 4
ВВЕДЕНИЕ 6
1 ПРОСПЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА В КОНТЕКСТЕ ВОПЛОЩЕНИЯ ВОЗМОЖНОГО МИРА 17
1.1 Философская основа времени в свете категории виртуального пространства 17
1.2 Проблема интерпретации проспективной семантики в современных лингвистических исследованиях 19
1.3 Возможный мир в проспективной семантике 30
1.4 Исследование художественного текста в свете футуральной семантики и семантики возможных миров 48
2 ВОПЛОЩЕНИЕ ВОЗМОЖНОГО МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОСПЕКТИВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 60
2.1 Содержание текста как основа формирования проспективной семантики 60
2.2 Особенности различных языковых конструкций в формировании проспективной семантики в художественном тексте 75
2.3 Участие глаголов будущего времени и лексико-семантических средств вербализации в формировании возможных миров с проспективной семантикой 95
2.4 Текстовые фрагменты воплощения возможных миров с проспективной семантикой 109
3 ОБУЧЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ МНОГООБРАЗИЯ ИНТЕЛЛЕКТА ОБУЧАЮЩИХСЯ 118
3.1 Типология интеллектов в контексте актуализации дифференцированного обучения 118
3.2 Модель опытно-экспериментальной работы, ориентированной на формирование креативной личности обучающегося на основе художественного текста 124
3.3 Экспериментальное обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта обучающихся 135
3.4 Результаты педагогического эксперимента: их оценка и интерпретация 144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 150
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 153
Приложение А Акт внедрения научно-исследовательской работы в учебный процесс 163
Приложение Б Силлабус дисциплины «Филологически анализ постмодернистского художественного текста» 164

Приложение В Разработка лекции «Теория возможных миров в исследовании художественного текста литературы постмодернистского направления» 181
Приложение Г Методическая разработка семинарского занятия «Обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта обучающихся» 194

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЯ

В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями.

Аксиологическая семантика – это значение, воплощающее систему человеческих ценностей, предопределяющих смысловую направленность и мотивированность человеческой жизни.

Аспектуальность – функционально-семантическая категория, выражающая посредством системы морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексических, лексико-грамматических и др. языковых средств характер протекания и распределения действия во времени.

Базовая семантическая структура – строение и взаиморасположение основных составных компонентов, формирующих семантическую категорию.

Будущее время – грамматическое значение категории времени, выражающее реализацию действия после момента речи.

Виртуальная реальность – созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и др.

Возможный мир – все возможные ситуации, совместимые со всем тем, что известно в данный момент, не выходящие за пределы человеческой логики.

Гипотетическая семантика – содержание, выражаемое предположительность действий, событий, явлений.

Грамматическое значение – обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное выражение.

Когнитивная модель – конструкт, схематически передающий степень фоновых знаний участниками коммуникации, необходимых для реализации перлокутивной функции речевого акта.

Лексическое значение слова – содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. [1, с. 261].

Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [1, с. 303].

Онтология – метафизическое учение о бытии.

Постмодернистская культура – совокупность ценностей, основанных на постмодернистском сознании как отказе от дуальных оппозиций, на равноправии ядерного и периферийного. В контексте этого сознания реальность предстает как виртуальная, идеальная, что способствует вариативности восприятия любого фрагмента мира и приводит к нестабильности [2, с. 467].

Пресуппозиция – когнитивная категория; компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не

воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте.

Перспектива – представление предполагаемых событий.

Пропозиция – семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций.

Пропозициональность – семантическая категория.

Пропозициональная структура – конструкция, свойственная всем модификациям высказывания.

Проспектив – форма глагола, включающая два временных плана, предыдущий из которых обусловливает облигаторность последующего действия.

Проспективность – семантическая категория объединяющая семантику направленности в будущее.

Реальный мир – максимально приближенные к действительности события, факты, явления, характерные для окружающей действительности.

Семантика – все содержание, информация, передаваемая языком или отдельной его единицей. То же, что значение: «Значение есть употребление» (Л. Витгенштейн).

Сослагательное наклонение – значение одного из наклонений русского глагола, выражающее гипотетичность, желательность, возможность действия.

Текст – объединение смысловой связью последовательных знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность.

Футуральная семантика – содержание, выражаемое протеканием действий в грядущей перспективе.

Художественный текст – объединенное в смысловом и структурном отношении творческое произведение, наделенное идейным содержанием, композиционно и сюжетно выстроенное, обладающее эстетической функцией.

Эпистема – совокупность правил отношений в конкретном месте и времени, формирующих условия существования исторических форм культуры и знания. Кроме того, это центральное понятие теории «археологии знания» Мишеля Фуко, введенное в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук».

АЭС – атомная электростанция

ВЧ – Внеклассное чтение

К – Колечко

КГ – контрольные группы

П – Пуруша

Пр.Гос.П. − Принц Госплана

ЧМ − Чернобыльская молитва

ЭГ – экспериментальные группы

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современная культурная парадигма, основанная на принципе антропоцентризма, предопределяет необходимость актуализации лингвистического знания в постмодернистском направлении, презентующем своеобразный способ мышления, запечатленный в языке. Между тем еще достаточно много нерешенных проблем остается в области семасиологической парадигмы (а в ее структуре − функционального направления), специфические принципы которой легли в основу постмодернистской парадигмы. Необходимость предпринятого исследования диктуется значимостью определения семантических моделей, базирующихся на проспективе виртуальной реальности, запечатленной в художественном тексте.

Как известно, проблема репрезентации художественного мира в современном художественном тексте основательно разработана в литературоведческих исследованиях. С литературоведческих позиций она находит решение во множестве трудов как зарубежных (В. Лурье, У. Эко), так и отечественных ученых (Л.В. Сафроновой, В.В. Савельевой).

Между тем, как справедливо подчеркивает Е.В. Падучева, описание специфических характеристик языковых единиц художественной литературы относится к области лингвистики. Отмечая значимость лингвистического анализа текста, ученый пишет: «... литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более «примитивный», но в то же время и более основательный (объективный) лингвистический. Толкуя текст, следует, прежде всего, найти в нем те смыслы, которые в нем заложены в силу только того, что он написан на данном языке. Лишь после этого и на основе этого можно «вчитывать» в него те лингвистические смыслы, которые порождаются многочисленными контекстами – социальными, историческими, литературными и проч.»[3]. Как нам представляется, комплекс значимых лингвистических смыслов заложен главным образом в языковых единицах, выражающих пространственно-временные характеристики текста.

Согласно располагаемому материалу, лингвистическая составляющая в этом аспекте отличается фрагментарностью сбора и анализа данных. Между тем за период последнего десятилетия XX века и начало XXI века в отечественной и зарубежной, в частности, в российской, лингвистике сформировалась солидная теоретическая база для такого рода исследований. Анализ лингвистических источников позволяет выделить несколько направлений, обусловливающих возможность исследования, в частности, темпоральной семантики с проекцией на семантику возможных миров.

Первое из них связано с понятием категории времени в лингвистике как понятийной категории [4], в связи с чем значительное количество исследований посвящено функциональному направлению и описанию семантических категорий темпоральности и смежной с ней категории аспектуальности [5] и средствам их выражения в разных языках.

Отдельным направлением является исследование семантических и прагматических свойств некоторых языковых единиц футуральной семантики. В частности, семантический инвариант прилагательных, описание сочетаемости обозначений отрезков времени посредством прилагательных футуральной семантики описывается в работах В.Ю. Апресяна и А.Д. Шмелева [6].

С учетом принципа антропоцентричности разработаны исследования, излагающие репрезентацию феномена времени посредством постижения этого феномена человеком. Время интерпретируется в соответствии с направлениями постмодернистской парадигмы. В рамках когнитивной лингвистики время представлено в связи с категоризацией мира [7], в языковой картине мира [8] − как концепт «время» [9]; в рамках лингвокультурологии − в лингвокультуремах [9], этнолингвистики − в историко-культурном аспекте его постижения носителями языка [10], психолингвистики − в языковом сознании носителя языка [11].

В контексте темы диссертационного исследования значимость представляет изучение функционирования языковых единиц футуральной, а именно проспективной семантики в художественном тексте. По данным лингвистических источников, в настоящее время исследования этого направления носят спорадический характер. В большей мере они представлены отдельными фрагментами в общей системе исследования времени в художественном тексте. Так, некоторые из такого рода исследований посвящены главным образом художественной картине мира писателя [12, 13, 14, 15], другие, например работы Н.А. Николиной, – функционированию глагольных форм в зависимости от рода и жанра художественного текста [16, 17].

Особой фрагментарностью разработки отличается категория проспективности, относительно недавно заявленная в трудах ученых как самостоятельная лексико-семантическая категория. В частности, неопределенным остается ее статус, структура и языковая репрезентация. Попытки разрешения данной проблемы нашли отражение в монографии Э.М. Рянской, Р.В. Федоровой [18], в которой авторы производят сравнительный анализ единиц со значением проспективности в русском, английском и французском языках. Вместе с тем, как нам представляется, разграничение данной категории от смежных и взаимопересекающихся с ней семантических категорий имеет достаточно зыбкий характер. Не установлен четкий семантический критерий, на основе которого данная категория может быть отграничена от тождественной, но не идентичной ей категории футуральности. Также требуется дальнейшая разработка семантических оснований для интерпретации определенных языковых единиц как средства репрезентации семантики данной категории. В этом смысле предопределяется необходимость дальнейших исследований в данном направлении, в частности актуализируется исследование: а) функций и репрезентации языковых единиц

проспективной семантики в художественном тексте, б) семантики возможного мира в проекции на проспективную семантику.

Анализ лингвистических источников позволяет также обнаружить терминологический разнобой в определении понятия «возможный мир». Несмотря на определенное количество работ по проблеме возможных миров, в лингвистике до настоящего времени отсутствует единая типология возможных миров по семантическому признаку, а также описание своеобразия его онтологического, эпистемологического и аксиологического уровней. Совершенно очевидно, что само понятие «возможный мир» связывается прежде всего с футуральной семантикой. Исследованная в достаточной степени на языковом материале с позиций синхронического и диахронического подходов как самостоятельная семантическая область, футуральная, и, как ее составляющая, проспективная семантика в контексте ее интерпретации в фокусе возможных миров должна получить более обоснованное толкование как своеобразный лингвистический феномен, на что и направлено предпринятое исследование.

Лакуной является также определение функции проспективной семантики, фокусирующей на возможные миры, в воплощении идейного замысла художественного текста. Насущной потребностью, на наш взгляд, является дополнение анализа вербальных средств репрезентации проспективной семантики с проекцией на возможный мир в зависимости от функции, которую данные вербальные средства выполняют в том или ином художественном тексте, с учетом эпохи развертывания событий, авторской позиции и литературной задачи, стоящей перед конкретным художником слова. Это актуализирует необходимость детального лингвистического анализа художественных текстов разных современных писателей, что в очередной раз подчеркивает значимость настоящего исследования.

Еще одним аспектом, актуализирующим данное исследование в социальном ракурсе, является аспект семасиологический. Он позволяет осмыслить проспективную семантику в контексте семасиологического треугольника Г.Фреге: реальное/предполагаемое действие в фокусе физического будущего времени − языковой знак, используемый для передачи данного действия − отражение значения данного действия в грамматических словарях. Это может послужить ключом для оптимального восприятия текста читателем, включающего проспективную семантику, главным образом художественного текста.

В контексте постмодернистского сознания данные эпохи не имеют тех границ, которые им предписываются исторически. Воссоздание параллельных миров, темпоральный синкретизм, размывание пространственных границ провоцирует достаточное количество языковых единиц, воплощающих возможные миры сквозь призму проспективной семантики в разнообразии ее форм и конструкций, что позволяет реализовать поставленную цель и решить обозначенные в исследовании задачи.

Цель диссертационного исследования − произвести системное описание проспективной семантики в контексте возможного мира, воссоздающей идейный замысел современного художественного текста и осуществить разработку научно обоснованной и экспериментально проверенной методической системы обучения филологическому анализу художественного текста в вузе с учетом типов интеллекта обучающихся.

Данной целью определяются следующие **задачи исследования:**

1) уточнить дефиницию проспективной семантики и смежных с ней понятий;

2) доказать значимость проспектива в моделировании виртуального пространства;

3) установить спектр вербальных средств, репрезентирующих онтологическую, эпистемологическую и аксиологическую семантику основанных на проспективе возможных миров в художественном тексте;

4) выявить способы моделирования основанного на проспективе виртуального пространства в художественном тексте;

5) определить функции проспектива, репрезентирующего возможные миры, в формировании основной идеи художественного текста;

6) разработать методику обучения филологическому анализу художественного текста студентов-филологов на основе теории многообразия интеллекта Говарда Гарднера и экспериментально проверить эффективность предлагаемой системы обучения.

Объектом исследования является проспективная семантика как совокупность двух временных планов, предшествующий из которых обусловливает облигаторность действия в последующем.

Предмет исследования − разноуровневые языковые средства проспективной семантики, воплощающие возможные миры в художественном тексте.

Гипотеза исследования заключается в том, что проспективная семантика, обусловливающая формирование семантики возможных миров, позволяет автору современного художественного текста воплотить онтологический, эпистемологический и аксиологический уровни виртуального пространства художественного образа.

Кроме того, проведение филологического анализа художественного текста способствует повышению его эффективности, а также созданию психологически комфортной среды обучения и повышению мотивации студентов, если дифференциация обучения строится на учете типов интеллекта обучающихся.

Фактическим материалом исследования послужил комплекс языковых единиц, репрезентирующий возможные миры, основанные на проспективной семантике. В качестве языковых средств рассматривались языковые элементы и отдельные фрагменты текстов, в которых проспективная семантика, провоцирующая возможные миры, передается как эксплицитным путем, так

иимплицитно. Всего в результате сбора фактического материала объем картотеки составил 1256 языковых единиц, извлеченных из соответствующих фрагментов избранных в качестве исследования текстов художественных произведений. Отбор фактического материала производился как методом сплошной выборки, так и избирательным методом. Из них в диссертационном исследовании анализу подверглось 647 языковых единиц.

Кроме того, фактическим материалом исследования послужили данные словарных статей, дефинирующих анализируемые в диссертации глаголы.

С целью уточнения отдельных дефиниций, связанных с понятийным аппаратом настоящего исследования, использовались научные данные ученых, производящих исследования в обозначенном направлении.

Источниками фактического материала послужили произведения современной литературы разных жанров. Художественная проза – роман Б. Акунина «Внеклассное чтение», повесть В. Пелевина «Принц Госплана», рассказы М. Веллера «Колечко» и И. Одегова «Пуруша»; документально-художественная проза – произведение С. Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)».

Выбор источников обусловливается идентичностью следующих фактов: 1) в каждом из обозначенных произведений четко прослеживается два временных и два пространственных плана как возможных параллельных мира с проекцией на проспективную семантику; 2) в их сюжетной линии имеет место элемент перевоплощения субъекта вплоть до оборотничества.

Дополнительным источником фактического материала послужили толковые словари: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова; Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич; Современный толковый словарь русского языка: В 3-х томах Ефремовой Т. Ф.; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва; Словарь русского языка в 4-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой; Словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой; Большой толковый словарь. Правильность русской речи / под ред. Л.И. Скворцовой; Малый толковый словарь В.В. Лопатин, Л.С. Лопатина.

Научная концепция исследования состоит в том, что был предпринят филологический подход к анализу, а именно: лингвистический анализ языковых единиц проспективной семантики, формирующей возможные миры, проводился не просто на художественных текстах, а тех, в которых имеет место два временных плана, и предыдущий обеспечивает реализацию последующего. Иными словами, в сюжетах анализируемых нами текстов схематически представлена модель проспективной семантики, способная формировать возможные миры, участвующая в передаче идейного замысла автора художественного произведения, актуализирующего аксиологический аспект

как морально-нравственную характеристику воплощаемого в произведении образа.

Научно-методологическую базу исследования составляют научные труды в соответствии со следующими подходами:

а) функционально-семантический – исследования Г. Фреге, А. Киклевича, А.В. Бондарко, Е.В. Падучевой, Е.Н. Широковой, В.Ю. Апресяна, А.Д. Шмелева, Т.В. Булыгиной, Л.К. Жаналиной, Л.Т. Килевой, Г.Р. Кадыровой, А. Бохановой и др.

б) проблема проспективности – труды Э.М. Рянской, Р.В. Федоровой, Е.С. Масловой, В.А. Плугняна;

в) онтологические, эпистемологические и аксиологические признаки возможных миров – работы Вяч. Вс. Иванова, А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Э.В. Бардасовой, Е.Е. Бразговоской, О.В. Емельяновой С.Д. Левиной, Е.Д. Луговой, Т.Р. Медведевой, М.Ф. Мисник, Ю.С. Степанова, З. Я. Тураевой;

г) языковые средства воплощения проспективной семантики, проецирующей на возможные миры, в художественном тексте – исследования А. Киклевича, Г.А. Золотовой, Л.О. Чернейко, Т.Б. Радбиля, Н.С. Новиковой. Н.В. Черемисиной, А.П. Бабушкина, С.Л. Михеевой, О.В. Давыдовой и др.;

д) технология дифференцированного обучения – работы А.А. Кирсанова, Е.С. Рабунского, И.М. Осмоловской, М.Н. Шахмаева, И.С. Якимской и др.

Методы и приемы исследования. Цель и задачи исследования предопределяют комплекс методов и приемов исследования фактического материала. В работе использовались общенаучные методы исследования: метод наблюдения и описательный метод. С учетом теории категории проспективности и теории возможных миров, представленных в лингвистических исследованиях, нами была разработана методика наблюдения и подачи проанализированного материала в последовательности, презентирующей степень значимости проспектива в воплощении возможного мира в художественном тексте.

Метод структурно-семантического анализа, предполагающий исследование языковых знаков, особым образом структурированных в системе художественного текста, применялся при выявлении языковых единиц, включающих проспективную семантику как доминирующую сему, а также смежные с ней семы в спектре аспектуальной, футуральной и модальной семантики.

Метод функционального анализа, основанный на приеме исследования от набора форм к набору функций и от набора функций к набору форм, использовался при выявлении употребления языковых единиц проспективной семантики для вербализации возможного мира в художественном тексте.

Методом исследования явился также когнитивный анализ, основанный на идее о том, что существует связь между знаниями и их воплощением в когнитивных моделях. При анализе совмещались два приема: от когнитивов к смыслам и их языковому выражению – с одной стороны; от языкового

выражения к смыслам и соответствующим когнитивным моделям – с другой стороны.

Конструктивный метод применяется при построении разного рода моделей, отражающих изучаемый языковой феномен в виде абстракта, а также отдельные его составляющие.

В рамках статистического метода исследования был использован прием количественного анализа. С его помощью были получены количественные данные по превалированию определенных языковых единиц, репрезентирующих проспективную семантику в проекции на возможные миры, в анализируемых художественных текстах. Также был произведен анализ и обобщение полученных в процессе исследования результатов и их практического внедрения.

Герменевтический метод применялся с целью раскрытия идейного содержания художественного текста в целом или отдельных его фрагментов. В составе данного метода использовались приемы контекстологического анализа, композиционного анализа и семантико-стилистический прием, позволившие определить смысловые трансформации языковых единиц в системе анализируемых художественных текстов.

Экспериментальный метод (проведение констатирующего, формирующего и контрольного этапа опытно-экспериментальной работы).

Положения, выносимые на защиту

1 Проспективная семантика является составляющим компонентом, входящим в разных пропорциях в семантические зоны категорий футуральности, аспектуальности и модальности. Она передает значение благоприятного условия для осуществления будущего действия в совокупности с самим совершаемым действием, основанным на эффективности и результативности. Данное действие может содержать как позитивную, так и негативную коннотацию. Доминирующим структурно-семантическим элементом данной семантики является проспектив как языковая единица, тождественная по своему значению древнерусскому глаголу условного будущего времени и современному английскому глаголу Future Perfect.

2 Проспективная семантика предопределяет спектр возможных будущих событий как возможных миров. Входящая в ее состав сема 'благоприятное условие для будущего действия' передает значение виртуализации некоей совокупности реальных миров; другая ее облигаторная сема воплощает значение футурального плана действия в одном из возможных аспектов его реализации.

3 Репрезентация онтологической, эпистемологической и аксиологической семантики возможных миров, основанных на проспективе, осуществляется в современном художественном тексте за счет сочетания используемого автором комплекса семиотических средств. Онтологическая семантика воплощается благодаря изображению в произведениях двух параллельных миров с учетом их временной и пространственной плоскостей. Эпистемологическая семантика

организуется путем авторской интерпретации проспектива, проецирующего на возможные миры; данная интерпретация базируется на культурных знаниях современной эпохи. Аксиологическая семантика воплощается путем коннотативной окрашенности проспектива в составе контекста с целью выражения оценки изображаемых действий.

4 Проспектив, проецирующий на возможные миры, участвует в воплощении идейного замысла художественного произведения. В контексте футуральной, аспектуальной и модальной семантики он способствует эпистемологической и аксиологической интерпретации потенциального будущего героев, тем самым раскрывая точку зрения автора на изображаемую действительность.

5 Дифференциация обучения филологическому анализу художественного текста, основанная на учете типов интеллекта обучающихся, эффективно влияет на качество указанной аналитической деятельности обучающихся, создает психологически комфортную среду обучения, поскольку изменяет уровень негативных эмоциональных переживаний, связанных с процессом обучения, до уравновешенной нормы, значительно повышает мотивацию студентов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в докторской диссертации *впервые* осуществлено системное описание репрезентации возможных миров сквозь призму проспективной семантики в современном художественном тексте. Новизну исследования представляют:

- проанализированная и уточненная дефиниция проспективной семантики и проспектива;
- доказанная значимость проспектива в моделировании возможных миров;
- описанные свойства вербальных средств, репрезентирующих онтологические, эпистемологические и аксиологические семантические признаки основанных на проспективе возможных миров в современном художественном тексте;
- представленные способы моделирования основанных на проспективе виртуальных миров в художественном тексте;
- выявленная роль проспектива, репрезентирующего возможные миры, в формировании идейного содержания художественного текста.

Кроме того, впервые в методике преподавания русского языка предложена модель филологического анализа художественного текста постмодернистской литературы, ориентированной на формирование креативной личности обучающегося с учетом их типов интеллекта; успешно апробирован лингвопсихологический метод с целью формирования у студентов читательской грамотности и осмысление идейного замысла автора через лексико-грамматический и семантический анализ языковых единиц художественного текста, что дополнительно характеризует собственно

лингвистическо-дидактический аспект научной новизны настоящего исследования.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что оно углубляет понятие проспектива как ядерного компонента проспективной семантики, вносит определенный вклад в разработку категории проспективности, теории возможных миров, а также их интерпретации в контексте художественного времени. Исследование также репрезентует потенциальные способы воплощения проспектива, проецирующего на возможные миры, в русской языковой системе. Теоретически значимым является тот факт, что данное исследование дополняет, развивает и оправдывает идею интерпретации феноменов времени (а в его рамках – проспектива) и возможного мира в художественном тексте.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов анализа при проведении практических занятий по лингвистике текста, стилистике, для разработки спецкурса по филологическому анализу художественного текста. Выводы могут стать опорой для дальнейших разработок в области изучения лингвистической теории времени и возможных миров.

Результаты когнитивного анализа могут быть использованы как материал для лекций по теоретическим и прикладным филологическим дисциплинам. В частности, проанализированный фактический материал и полученные результаты эффективны для применения в преподавании дисциплин «Филологический анализ текста», «Стилистика русского языка» на уровне бакалавриата, «Современный литературный процесс», «Автор и герой в постмодернистской литературе», «Структура современного языкознания», «Актуальные проблемы языкознания» «Славянские языки в когнитивном аспекте» на уровне магистратуры, а также в отдельных теоретических курсах докторантуры.

Материалы диссертации могут быть также использованы в курсе методики преподавания русского языка.

Кроме того, представленные уточнения и дополнения по теории проспективной семантики можно эффективно использовать при создании семантических словарей и функциональных грамматик разных языков.

Научное исследование проводилось в три взаимосвязанных этапа. Предварительный этап (2015/2016 г.) был связан с определением предмета исследования, разработкой методологических, философских, социальных, исторических, литературоведческих, лингвистических, культурологических, психолого-педагогических и методических аспектов изучения проспективной семантики возможных миров в художественном тексте. На этом этапе также был проанализирован и систематизирован материал по теме исследования, изучен современный отечественный и мировой опыт преподавания филологического анализа художественной литературы в постмодернистском направлении.

В рамках основного этапа (2016/2017 г.) был проведен констатирующий и обучающий эксперименты, осуществлена апробация эффективности дифференциации обучения филологическому анализу художественного текста, основанной на учете типов интеллекта обучающихся как условия повышения качества указанного вида анализа, осуществляемого студентами-филологами, уточнены и откорректированы основные теоретические и методические тезисы и положения.

На завершающем этапе (2017/2018 г.) были проанализированы и обобщены итоги опытно-экспериментальной работы, сформулированы основные выводы исследования, доказывающие эффективность полученных результатов предложенных приемов отобранных технологий.

Структура докторской диссертации

Диссертационное исследование состоит из Введения; трех разделов: теоретического, аналитического и методического; Заключения, Списка использованных источников и приложений.

Во Введении основное внимание акцентируется на актуальности исследования, его цели и задачах, фактическом материале, применяемых для его анализа основных научных методах, определяется теоретическая и практическая значимость исследования.

В первом разделе разрабатывается понятийный аппарат диссертации, в частности, интерпретируются малоразработанные в лингвистических источниках понятия «проспективная семантика», «проспектив», уточняется дефиниция возможного мира. Второй раздел посвящен анализу языковых единиц с проспективной семантикой и выявлению их роли в воплощении идейного замысла автора художественного текста. В третьем разделе предлагается обучение филологическому анализу художественного текста на основе теории многообразия интеллекта обучающихся и обосновывается эффективность данной методики. В Заключении обобщаются полученные в первом, втором и третьем разделах выводы.

Апробация исследования

Результаты представленного исследования обсуждались на семинарах кафедры русского языка и литературы (27.06.2016 г.; 26.06.2017 г.; 25.06.2018 г.) КазНПУ им. Абая.

Основные положения работы изложены в статьях:

1) Арзиева Е.Р. Вербальная репрезентация концепта «будущее» в «Чернобыльской молитве» С. Алексиевич //Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. − 2016.− № 1(147). − С. 278-282.

2) Арзиева Е.Р. Сослагательное наклонение как средство реализации возможного мира в художественном тексте // Матер. Междунар. науч.-прак. конф. «Экономика, право, культура в эпоху общественных преобразований» АФ Санкт-Петербургского Гуманитар.-го универ.-та профсоюзов. − 2016 г. − С.401-406.

3) Арзиева Е.Р. Футуральная семантика в свете воплощения основной идеи «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич // Сб. ст. по матер. LXV междунар. науч.-прак. конф. «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи» №10 (65). Новосибирск: Изд. «СибАК, 2016. – С. 108-114.

4) Арзиева Е.Р. Степень креативности в восприятии времени документально-художественной прозы современными студентами //Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Педагогика и психология». Научно-педагогический журнал. – 2016. – №3 (28). − С. 157-161.

5) Арзиева Е.Р. Семантика возможных миров в повести Виктора Пелевина «Принц Госплана» // Матер. междунар. науч.-прак. конф. «Экономика, право, культура в эпоху общественных преобразований», приуроченной к 100-летию со Дня рождения академика Д.С. Лихачева. АФ Санкт-Петербургского Гуманит.-го ун.-та профсоюзов. − 2017 г. − С.158-162.

6) Арзиева Е.Р. Виртуальная реальность в прозе В. Пелевина // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия филологическая. − №4 (58). − 2016. − С. 93-99.

7) Арзиева Е.Р. Репрезентация футуральной семантики в произведении М. Веллера «Колечко» // Humanistica21. Tom 2: Człowiek na skrzyżowaniu materialno-duchowych wyzwań współczesności. Монография по материалам Международной научной конференции // Świecie: Wydawnictwo ULT w Świeciu, 2018. – С. 145-165.

8) Арзиева Е.Р. Лингвофилософские основы взаимопересечения времен в документально-художественной прозе // Przegląd Wschodnioeuropejski, IX/1, 2018. –V. 9. – Iss. 1. –P. 343-355.

9) Арзиева Е.Р. Автор как речевая личность сквозь призму темпоральной семантики // Сб. ст. по матер. IX-X междунар. науч.-прак. конф. «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки», №4-5 (8). Новосибирск: Изд. «СибАК, 2018. − С. 50-56 (РИНЦ).

Автор диссертации прошла научную стажировку на базе Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша) на кафедре социальной коммуникации в период с 10.03 2018 г. по 22.03.2018 год.

Кроме того, апробация материалов настоящего исследования осуществлялась в процессе проведения автором опытно-экспериментальной работы (Приложение А), разработкой силлабуса элективного курса «Филологический анализ постмодернистского художественного текста», лекционного и практического занятий (Приложения Б, В, Г).

Перспектива исследования заключается в экстраполяции полученных данных анализа моделирования возможных миров, основанных на проспективной семантике, в художественных текстах других литературных направлений и течений.

1 ПРОСПЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА В КОНТЕКСТЕ ВОПЛОЩЕНИЯ ВОЗМОЖНОГО МИРА

1.1 Философская основа времени в свете категории виртуального пространства

Многовекторный характер феномена времени заключается в разных подходах к его осмыслению. Можно выделить по крайней мере четыре таких подхода, определяющих время как физическую, психическую, философскую и лингвистическую категории [19, с. 343].

Физическое время определяется классиками современной физики как реальное и, вслед за Лейбницем, интерпретируется как упорядоченное через отношение «раньше» W множество моментов, представляющих собой классы абстракции отношения одновременности R в множестве событий S [20, с. 118]. На базе представленной интерпретации З. Аугустынек разрабатывает следующую модель физического времени (1.1):

$$x \wedge y\ [xRy \equiv \infty\ (xWy)\ (yWx) \qquad (1.1)$$

Примечание – Составлено по источнику [20, с. 111]

На основе данной модели в дальнейшем была разработана модель лингвистического времени. Однако данное время не может быть осмыслено без постижения перцептивной сущности времени, репрезентирующей течение жизни человека. Согласно Б. Величковскому, в когнитивной психологии выделяется две прямо противоположных гипотезы интерпретации перцептивного времени, основанных на факторе дискретности/недискретности времени. Дискретное представление о времени заключается в восприятии его в процессе перцептивной деятельности человека как цепочки поставленных «в затылок друг к другу» перцептивных моментов. И хотя данная гипотеза была опровергнута благодаря проведенным зарубежными учеными-психологами экспериментам, она остается актуальной до настоящего времени. Гипотеза недискретного времени, состоящая в интерпретации его как перцептивного момента, подобного движущемуся вместе с физическим временем окну, обеспечивающему охват некоторого события [21, с. 126], предопределяет взаимопересечение физической и психологической составляющей времени.

Анализ работ показывает, что наиболее сложным и неоднозначным представляется философское толкование времени [19, с. 344]. Об этом красноречиво свидетельствует высказывание Блаженного Августина в его Исповеди: «И еще признаюсь Тебе, Господи, что я все же не знаю, что такое время. Я сознаю только, что когда говорю о времени, то говорю во времени, и что давно говорю об этом времени, и что это самое «давно» есть только продолжение того же времени. Каким же образом я знаю это, когда я не знаю,

что такое время. Быть может, я не умею выразить то, что знаю? О, как я беден, что не в состоянии даже различить, что знаю и чего не знаю»! [22].

Актуализация в приведенном высказывании таких элементов, как *давно* (план прошлого), *продолжение времени* (планы настоящего и будущего), предопределяют необходимость комплексного подхода к интерпретации феномена времени с учетом его физического (реального) и когнитивного планов.

Взаимосвязь физического и философского аспектов феномена времени представлена Т.И. Дешериевой в модели лингвистического времени, сконструированной на основе физической модели времени Аугустынека (1.2):

$$(x, y)\,(m, n)\{mWn \equiv [x \in m \wedge y \in n \wedge Wy]\}, \qquad (1.2)$$

где *m, n* – моменты времени*; x, y* – события; *W* − исходное отношение между событиями множества *S,* ∧ − знак логического пересечения [23, с. 113]. Содержание представленной модели состоит в том, что момент *m* может интерпретироваться раньше момента *n* только в том случае, если событие *x* принадлежит моменту *m,* событие *y* принадлежит моменту *n*, и при условии, что событие *x* происходит раньше события *y*.

Представленная лингвистическая модель времени в ее классическом варианте не позволяет, однако, постигнуть всю сущность феномена времени вне его философской составляющей. Более того, она не позволяет постигнуть сущность взаимодействия времени в контексте пространства, на которое оно проецирует. Именно только в процессе философского постижения сущности времени очевидны взаимопересечения прошедшего, настоящего и будущего временных планов и их взаимосвязь с пространством. Об этом свидетельствуют главным образом художественные произведения, в которых представлены два параллельных мира и их предполагаемая интерпретация [19, с. 345].

Так, две вечные, до конца не постигнутые философские категории – пространство и время – осмысливаются в современной документально-художественной прозе, в частности в произведении С. Алексиевич «Чернобыльская молитва». Излагаемое в нем трагическое событие на территории Восточной Европы (современной Украины), каким явилась техногенная катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции, передается автором в виде полифонической исповеди его невольных участников. Повествование в виде полифонии сводит до минимума дискурсную составляющую произведения. Многоголосие в единой тематике и в едином мнении об исходе своей судьбы предопределяет нивелирование социального статуса участников исповеди: в произведении малозначимыми оказываются профессиональные, возрастные, гендерные и подобные составляющие, формирующие дискурс. Кроме того, малозначимой оказывается коммуникативная функция языка: информанты вряд ли ждут ответной реакции слушателя как психолога, который обнадеживает, успокаивает. Наряду с

повествовательной, доминирующей оказывается эмотивная функция языка: крик души воплощается в виде аффективности изложения. Концептуализация мира участников трагических событий сводится главным образом к двум временным планам: прошлому и настоящему. Будущее в их сознании аннулировано уверенностью в том, что либо они вскоре умрут, либо станут маргиналами, изгоями, в которых общество не нуждается [19, с. 343, 346].

Встает вопрос: есть ли место в такой интерпретации будущего для проспектива? Ответ на него возможен исключительно на основе анализа проспективной семантики как разновидности феномена будущего времени.

1.2 Проблема интерпретации проспективной семантики в современных лингвистических исследованиях

Проспективность как семантическая субкатегория

Несмотря на возросший интерес последних десятилетий нынешнего века к антропоцентрической (постмодернистской) парадигме, под пристальным вниманием ученых по-прежнему остаются семантические исследования. Одним из объектов таких исследований является проспективная семантика, не получившая, однако, до настоящего времени единообразной дефиниции в лингвистической литературе. Разнообразие трактовки данной семантики и связанных с ней понятий проспектива и категории проспективности требует изложения отдельных положений ученых на данную проблематику, равно как и собственное видение возможного ее разрешения.

Согласно располагаемым данным, проспективной семантике как самостоятельному лингвистическому феномену посвящено очень незначительное количество работ. Чаще всего этот вопрос рассматривается учеными на материале сопоставления нескольких языков, вследствие чего элементы русского языка рассматриваются наравне с элементами других европейских языков. Часть исследований посвящено интерпретации данной семантики в контексте трактовки иных семантических и грамматических элементов, в связи с чем семантика проспектива не актуализуется, а лишь служит вспомогательным элементом для их анализа. В лучшем случае она рассматривается в семантике грамматики в кругу других, смежных с ней, категорий, что также не позволяет ученым акцентировать внимание на проблеме проспективной семантики и дать им однозначное четкое определение данному феномену.

Среди исследований, специально посвященных проспективной семантике, следует выделить прежде всего монографию Э.М. Рянской, Р.В. Федоровой [18], в которой учеными выделяется проспективность, интерпретируемая как самостоятельная категория. Языковая объективация данной категории исследуется авторами монографии на основе сравнения ее репрезентации в семантических элементах русского, английского и французского языков. Главным выдвигаемым ими критерием, формирующим данную категорию, является способ действия. Это обусловливает помещение категории проспективности в пространство категории аспектуальности.

Интерес представляет предлагаемая учеными дефиниция данной категории. Она интерпретируется как способ действия, характеризующий протекание процесса в его доначальной фазе, как самостоятельная категория, обозначающая доначальную стадию аспектуальной характеристики действия [18, с. 4]. Основой такой интерпретации, согласно ученым, служат следующие факторы: 1) общетеоретические вопросы аспектологии: взаимодействие категорий аспектуальности, темпоральности и модальности; 2) теория понятийных категорий; 3) когнитивная лингвистика: а) когнитивные основы концептуализации времени, б) построение темпоральных моделей.

Представленная интерпретация рассматриваемой категории в таком виде предопределяет необходимость некоторых уточнений, вплоть до возражений. Прежде всего усматривается противоречие между определением категории проспективности как способа действия и доначальной стадии протекания самого действия. На наш взгляд, поскольку действие еще не началось, а лишь предполагается в будущем, то определить способ его протекания достаточно проблематично. Расплывчатым и неопределенным представляется также самое понятие доначальной стадии. В этой связи хотелось бы сослаться на более объективную интерпретацию проспектива как семантического ядра категории проспективности, предлагаемой в трудах российских ученых Г.М. Зельдовича [24], С.И. Бурковой [25], В.А. Плунгяна [26], Е.С. Масловой [27, с. 212-225], равно как и ученых дальнего зарубежья Б. Комри [28, с. 64-65], С. Дика [29, с. 238-239], Б.Хайне [30].

Следует подчеркнуть, что в трудах данных исследователей единодушно выдвигается доминирующий критерий проспективной семантики, который можно определить как благоприятно сложившуюся ситуацию, способствующую облигаторности будущего действия. Думается, именно данный критерий авторы вышеобозначенной монографии Э.М. Рянская и Р.В. Федорова имели в виду, когда говорили о доначальной стадии развития действия.

К сожалению, понятие «благоприятно сложившаяся ситуация» не находит в трудах ученых своего однозначного определения. Так, Г.М. Зельдович рассматривает проблему проспективной семантики в связи с употреблением видовых пар и акцентирует внимание на факторе «намерение». Отмечая тот факт, что проспективному употреблению способствуют или препятствуют разные факторы, ученый пишет: «Если мы говорим в будущем времени об агентивном действии, то это почти всегда значит, что уже в момент речи у субъекта созрело или созревает соответствующее *намерение,* то есть почти заведомо к соответствующему действию есть очень важная предпосылка». В качестве иллюстрации приводятся конструкции типа *X пошел (делать P)*; *X собирается (намерен) делать P*; *пора (делать P)* [24, с. 137]. В другой части своего труда, уточняя понятие «намерение», ученый предлагает следующую дефиницию проспективности: 'мысля какую-то предшествующую ситуацию P1, говорящий сообщает о P' [24, с. 161]. Обусловленность будущего

действия ситуацией как важнейший критерий семантики проспективности подчеркивается ученым на протяжении всего его труда. При этом важным условием является то, что предшествующая ситуация по времени обязательно возникает прежде той ситуации, которую она провоцирует в будущем [24, с. 136].

В таком же аспекте трактуется проспективная семантика в исследованиях С.И. Бурковой, В.А. Плунгяна, усматривающих общее значение проспективных форм в указании на связь потенциальной ситуации с некоторым предшествующим положением дел: X таков, что позже произойдет P [26, с. 385].

Согласно справедливому утверждению ученых [3, с. 23], проспективное употребление не может быть алогичным. Подчеркивая данную мысль, Г.М. Зельдович пишет: «Обратим также внимание на тот факт, что, в соответствии с прагматическим постулатом «сообщай только релевантные сведения», ситуацию P1 говорящий мыслит не беспредметно, то есть не просто *мыслит*: она должна быть так или иначе дана действительностью (как реальная или какими-то реально существующими обстоятельствами уже *подготовленная*)». Данная мысль иллюстрируется примером *Я думаю о переезде в другой город,* который сопровождается следующим комментарием: «переезд в другой город − вероятное развитие событий: идея переезда привязывается в сознании говорящего к реальности, то есть она ближе к реальному, чем наоборот» [24, с. 136].

Объективация категории проспективности в виде языковых единиц в текстах художественных произведений предопределяет значимость интерпретации ее категориального статуса. В монографии Э.М. Рянской, Р.В. Федоровой ее статус сводится к лексико-грамматической категории способа действия. Авторы подчеркивают тот факт, что ни в русском, ни в английском, ни во французском языках для передачи проспективности специальных морфологических средств нет [18]. На наш взгляд, с такого рода определением статуса категории проспективности трудно согласиться уже потому, что самое понятие «лексико-грамматическая категория» предполагает грамматические оппозиции внутри определенной грамматической категории, на основании чего к таким категориям относятся категория рода существительного, категория разрядов прилагательного, категория вида глагола и т.д. Иными словами, к подобным категориям могут быть отнесены группы слов, обладающих определенными постоянными грамматическими характеристиками. В лингвистической литературе данные категории определяются как словообразовательные грамматические категории. Использованный авторами монографии иллюстративный материал из русского, английского и французского языков, однако, свидетельствует о том, что речь идет в данном случае о проспективности как о понятийной (семантической) категории. В пользу такой интерпретации свидетельствуют также следующие факторы, основанные на произведенном авторами монографии анализе:

1) выделение данной категории внутри семантической категории аспектуальности: авторы монографии отмечают ее самостоятельный статус;

2) общая семантика способа действия в виде его протекания в начальной стадии: авторы монографии указывают на связь данной категории с категориями темпоральности (будущности), модальности (гипотетичности, долженствования);

3) основное значение заложено в семантике слов разных частей речи: авторы монографии обозначают базовые когнитивные параметры данной категории, к которым относятся целенаправленность (намеренность), динамичность и поэтапность совершения действия;

4) ядерным компонентом семантической структуры является глагол с футуральным значением, а периферийными − другие части речи: авторы монографии определяют неоднородность структуры категории проспективности, что обусловлено отражением субъективных представлений о совершении действия в ближней либо дальней перспективе как большей или меньшей степени вероятности, а также в наибольшей − неизбежности, предопределенности действия.

Наиболее значимыми среди модальных значений, сопряженных со значением проспективности, является потенциальность и интенциональность. Как отмечает И.Р. Федорова, потенциальность предполагает возможность, в которой угадываются черты будущей действительности, необходимость, желательность, ситуацию со скрытой динамикой, развитие ситуации в определенном промежутке времени [31]. Интенциональность базируется на прагматике и одновременно на семантике намерения.

Существенным модальным оттенком категории потенциальности является долженствование. Как подчеркивают ученые, данный «оттенок предполагает выполнение потенциального действия субъектом как долг. Проявлением крайней степени необходимости (при отсутствии возможности альтернативных действий) является неизбежность» [32].

Сказанное свидетельствует о том, что проспективность представляет собой семантическую категорию, подчиненную категории футуральности. Следовательно, ее статус рационально было бы определить как статус семантической субкатегории. Схематически проспективность как семантическую субкатегорию футуральности и ее взаимосвязь со смежными семантическими категориями представим на рисунке 1.

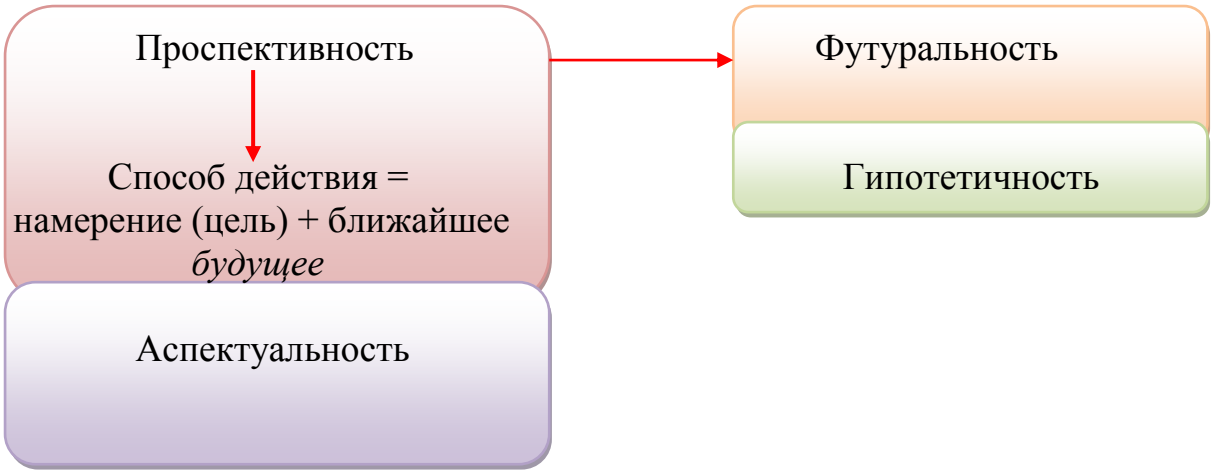

Рисунок 1 − Интерпретации категории проспективности

Примечание – Составлено по источнику [18]

В основе разграничения проспективной семантики лежит, однако, не фактор «намерение». Значение намерения включает, прежде всего, семы ’цель’ и ’желание’ говорящего осуществить действие. Приведенные же выше рассуждения о проспективной семантике и о проспективе как ядерном компоненте данной семантики свидетельствуют о том, что важнейшим критерием проспективности является фактор благоприятных условий, способствующих успешности осуществления будущих действий. Таким образом, семантическую категорию проспективности составляют семы ’благоприятное условие’, ’будущее действие’ и в контексте данной семы ’модальность действия’. Схематически данную категорию представим в следующем виде (1.3):

$$X \in U \longrightarrow Y \in F(M), \qquad (1.3)$$

где x – предшествующее действие, y – будущее действие, U – условие, F – план будущего, M – модальный план.

Предлагаемая схема эксплицируется следующим образом: действие x принадлежит условию, обеспечивающему облигаторность действия y, принадлежащего плану будущего в разнообразии модальных оттенков.

Проспекция – это направление действия в сферу ближайшего будущего, что свидетельствует о способе действия, то есть о плане аспектуальном. Здесь речь идет о категории аспектуальности, которая, несомненно, затрагивает проспективную семантику. При таком подходе актуализация категории футуральности остается практически вне соотношения с категорией проспективности. То же в равной мере относится и к гипотетичности как субкатегории модальности.

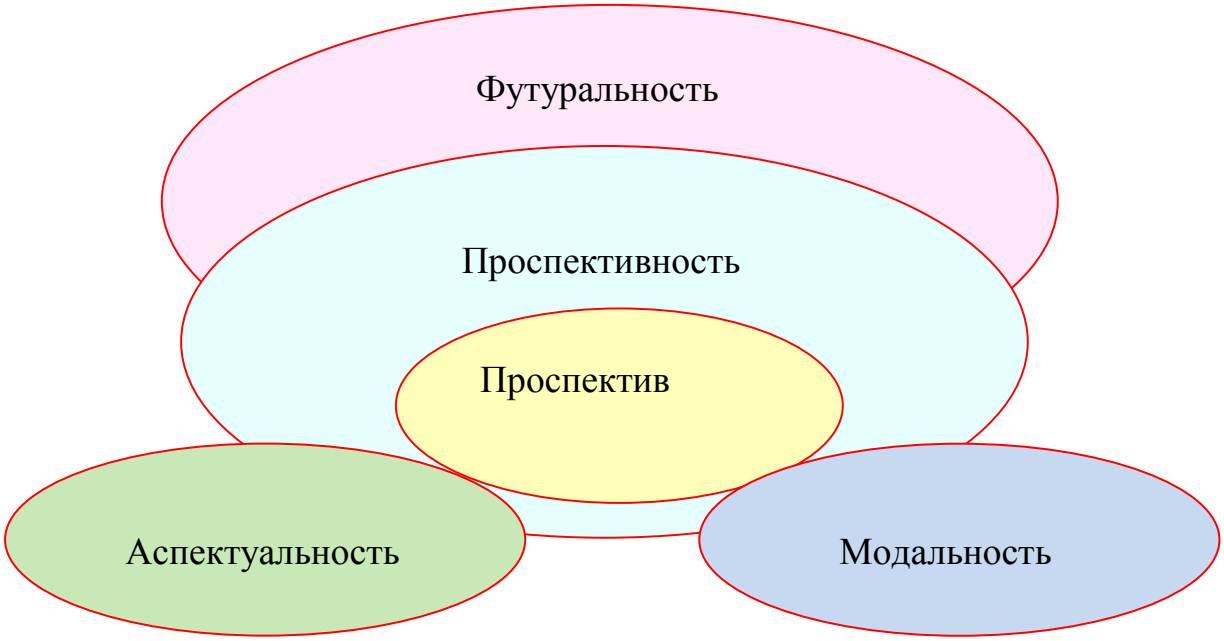

Рисунок 2 − Соотношение категории проспективности со смежными семантическими категориями в авторской интерпретации

Не претендуя, в силу недостаточной разработанности проблемы, на окончательную интерпретацию категории проспективности как категории семантической, отметим, что выделенные факторы в большей степени свидетельствуют о правомерности данной интерпретации. При этом за ядерный семантический компонент этой категории принимается понятие «проспектив».

Проспектив как семантический ориентир субкатегории проспективности

В словаре подается следующая дефиниция слова *проспектив*: один из основных показателей внешних стадий при линейной аспектуальности, маркирующий *подготовительную работу*. Общее значение – X *таков, что позже произойдет* P [33].

Рассматривая проспективу как доминирующую семантику категории проспективности, отметим, что особого внимания заслуживает факт отмежевания ее от смежных с ней в семантическом плане ориентиров. Наиболее семантически близким к данному понятию является ориентир «будущее». Попытку разграничения обозначенных семантических ориентиров производят авторы упомянутой выше монографии «Категория проспективности: специфика, вербализация». Однако четкие критерии разграничения данных понятий обнаруживаются в ней с трудом. Если сема «предпосылка» совершенно справедливо представляется как благоприятный контекст для осуществления действия, то фактор близости/отдаленности предполагаемого действия [18, с. 111] является, на наш взгляд, достаточно сомнительным. Отметим, однако, что данный фактор выдвигается и в

исследованиях Г.М. Зельдовича. Но проявление ближайшего оттенка реализации действия, доминирования идеи движения к осуществлению действия связывается ученым не с проспективностью как сущностью семантической категории, а с употреблением в контексте проспективной семантики глаголов несовершенного вида: «Чем более удалено действие, тем хуже проспективный несовершенный вид» [24, с.142].

Интерес представляет также приведенный Э.М. Рянской и Р.В. Федоровой в качестве иллюстрации следующий пример: *Я мало спал, я* ***иду сейчас отдыхать*** [18, с. 20]. Как видим, выделенный глагол *иду* в форме настоящего времени передает значение будущего времени, что свидетельствует о его переносном грамматическом значении. Иными словами, в данном примере отмечается явная футуральная семантика. На реализацию действия в ближайшей перспективе указывает лишь наречие *сейчас.* На наш взгляд, вряд ли семантика ближайшей перспективы может служить существенным фактором для выделения самостоятельной категории как внутри категории аспектуальности, так и категории футуральности.

Разграничивая сферу проспектива и сферу будущего, некоторые ученые связывают последнюю с неопределенным будущим. Так, своеобразие категории будущего времени, заключающееся в отсутствии в семантике данной категории семы «опыт», отмечает Л.В. Ипатова [34, с. 15]. Того же мнения придерживаются Э.М. Рянская, Р.В. Федорова, которые пишут: «Будущее, по сравнению с настоящим или прошедшим, обладает меньшей определенностью, поскольку имеет отношение к событиям, о которых «нет опытных данных»» [18, с. 20]. Представленные разграничения сферы проспектива и сферы будущего носят зыбкий характер и не убеждают в необходимости выделения проспективности в самостоятельную семантическую категорию. Сказанное подтверждает наше мнение о том, что проспективность с проспективом как ее ядерным компонентом следует определять как субкатегорию категорий футуральности.

Представленная интерпретация проспективности предопределяет рассмотрение семантики репрезентирующих ее языковых единиц в свете модальных значений. Не случайно, как подчеркивает Г.М. Зельдович, «в некоторых контекстах проспективность порождает особые смысловые нюансы». Ученый подтверждает свой тезис на примере предложения *«Чай будем пить?»* В семантике формы глагола будущего времени он справедливо усматривает явное «побочное действие» желательности ('захочет ли') [24, с. 142]. Это свидетельствует о том, что будущее время глагола, как и футуральная семантика в целом, обладает значительной степенью модальности. В основе этой семантики заложены действия, основанные на идее гипотетичности, неопределенности, потенциальной возможности. Причем она основывается на субъективной градации действия, что обусловливается субъективной интерпретацией времени как такового. В трудах исследователей

оно определяется как «субъективное время», сущность которого сводится к проживаемому времени − времени жизни [35, 36].

Подчеркнем, что Э.М. Рянская, Р.В. Федорова указывают на еще один существенный аргумент высокой степени модальности в футуральной семантике, справедливо объясняя этот факт отсутствием в ней фактуального начала: «Футуральность, имеющая нулевую степень фактивности, предполагает свободу для использования различных оттенков отношения к будущему: желательность/нежелательность, оценка вероятности наступления события, личное долженствование» [18, с. 23].

С высокой долей вероятности можно утверждать, что в основе модальности футуральной семантики лежит, прежде всего, исторический фактор формирования будущего времени как самостоятельного грамматического значения внутри грамматической категории времени глагола. История становления данного грамматического значения в русском языке путем морфологизации целого ряда перифрастических конструкций подробно описывается в исследованиях Л.Т. Килевой [37].

Интерпретация такого сложного языкового феномена, каким является проспектив, невозможно вне соотношения проспективной семантики со смежными понятиями. Наибольшего разграничения, на наш взгляд, требует понятие «перспективная семантика».

Дефиниция термина «перспектива» представлена в словаре следующим образом: вид вдаль, пространство, охватываемое взглядом [33].

Исходя из представленной дефиниции, равно как и поданой дефиниции термина «проспектив», мы выделили следующие факторы их разграничения:

а) доминирующая семантика, передаваемая соответствующей языковой единицей;

б) количество временных планов по отношению к моменту речи;

в) степень темпоральной отдаленности будущего действия от момента намерения его осуществления;

г) степень модальности;

д) степень соотношения с возможным миром;

е) соотношение с онтологией;

ж) соотношение с эпистемологией;

з) соотношение с аксиологией.

Относительно первого и второго из обозначенных факторов укажем на тот момент, что, в отличие от проспективного значения, будущее время глагола с перспективной семантикой констатирует факты, то есть наделено главным образом фактологическим значением. Оно опирается на точку отсчета момента речи, формируя таким образом один временной план. Для проспективной семантики облигаторным является пласт значения «благоприятные условия для будущих действий», который основывается на прошлом опыте говорящего. Так формируется имплицитно выраженный дополнительный временной план прошлого опыта.

Важным фактором разграничения данных семантик является степень темпоральной отдаленности будущего действия от момента намерения его осуществления, так как «ближайшее будущее» как одна из сем проспективной семантики составляет ее сущность. Реализация будущего действия как реального события в спектре возможных миров для перспективной семантики имеет одну траекторию, в то время как проспективная семантика представлена несколькими траекториями. Это способствует формированию семантики будущих возможных действий как возможных миров.

Разграничения касаются также фактора оценки. Если для перспективной семантики, основанной главным образом на фактологичности, оценка не является облигаторным признаком, то для проспективной семантики этот признак представлен в числе доминирующих.

Обобщение вышеприведенного анализа по обозначенным различительным признакам представим в следующей таблице (таблица 1).

Таблица 1 − Проспективная семантика vs − перспективная семантика: критерии разграничения

Тип семантики	Проспективная семантика	Перспективная семантика
1	2	3
доминирующая языковая единица	проспектив	будущее время глагола фактологичное
количество временных планов по отношению к моменту речи	2 временных плана: прошлый (настоящий) и будущий	1 временной план: будущий
степень темпоральной отдаленности будущего действия от момента намерения его осуществления	ближайшее	далекое
степень модальности	высокая	незначительная
степень соотношения с возможным миром	облигаторный: несколько траекторий реализации действия	необлигаторный: единая траектория реализации действия
соотношение с онтологией	два параллельных возможных мира как реальных	один возможный мир как реальный
соотношение эпистемологией	основан на эпистеме	основан на эпистеме
соотношение с аксиологией	облигаторность оценки действия	потенциальность оценки действия

Языковая объективация как средство семантических маркираторов проспектива

Проспектив, заключающий в своей семантике взаимосвязь семантики благоприятных условий протекания действия в будущем и самого этого действия, которое обязательно займет свое место на временной оси, обусловливает воплощение его значения в определенной конструкции с четко устоявшейся структурой. Предшествующая часть этой конструкции передает значение благопрятно сложившихся условий для действия, которое намеревается осуществить субъект. Последующая часть конструкции представлена самим намереваемым действием.

Трудно не согласиться с тем, что сема 'намерение' способствует ее выраженности в языке в виде грамматического значения будущего времени. По справедливому утверждению В.А. Плунгяна, исследования о будущем времени можно выделить в самостоятельную область грамматики, определяемую как футурология [26, с. 278-279]. Однако, несмотря на многочисленное количество работ в этой области грамматики, многие проблемные вопросы остаются не разрешенными среди лингвистов до настоящего времени.

Как известно, разногласия в канве будущего времени как грамматического значения грамматической категории времени касаются отнесенности его к реальным либо ирреальным наклонениям. Не случайно, сопоставляя будущее время с настоящим и прошедшим временами, В.А. Плунгян подчеркивает: «Утверждения о будущем коренным образом отличается от утверждений о прошлом и настоящем: если (многие) прошлые и (большинство) настоящих событий или говорящий, или кто-то другой имеет возможность – хотя бы в принципе – наблюдать лично, то будущие события не принадлежат реальному миру: любое утверждение о будущем представляет собой пусть даже и очень достоверную, но гипотезу. Употребляя граммему футурума, говорящий скорее сообщает не то, что 'данная ситуация следует за моментом речи', а то, что данная ситуация не принадлежит (и не принадлежала) реальному миру, но что такая возможность существует» [26, с. 267-268]. Таким образом, согласно справедливому мнению ученого, «будущее время оказывается очень близко от семантической зоны ирреальности» [26, с. 268].

Интерес представляет приводимый ученым пример предложения, излагающего реализацию действия в проспективе «*Мы опаздываем».* Следует указать на следующую значимую особенность рассматриваемой формы: в данном случае мы имеем дело с переносным значением настоящего времени глагола. Как известно, она употребляется с целью выражения большей уверенности говорящего в произошедших в будущем действий, в связи с чем он представляет себе их уже совершаемыми в момент речи. В форме глагола *опаздываем* просматривается по крайней мере два основных значения: говорящим утверждается значительная предпосылка к реализации действия; говорящий убежден в неизбежности осуществления действия в будущем. При

этом проспектив обозначается ученым термином «аспектуальная граммема» [26, с. 269]. Не умаляя справедливости данного термина, отметим, однако, что в нем значимый упор делается на сферу аспектуальности, то есть на внутреннее время протекания действия. Ученый обусловливает данную трактовку путем выявления различий между аспектом и временем, которые «проявляются в том, что время соотносит окно наблюдения не столько с фрагментом описываемой ситуации, сколько с некоторой выделенной точкой на временной оси, тогда как аспект соотносит окно наблюдения с фрагментом описываемой ситуации» [26, с. 282]. В случае принятия данной трактовки проспектива следует говорить о его грамматикализации в категориальных значениях вида, чему посвящена вышеупомянутая монография Г.М. Зельдовича.

Вместе с тем маркирующий предполагаемое действие проспектив и само будущее действие принадлежат, на наш взгляд, к сфере внешнего времени. В этой связи стоит обратить внимание на тот факт, что применительно к будущему времени В.П. Казарян вводит понятие «открытости времени», утверждая, что в отличие от прошлого и настоящего, наполненных событиями, будущее время открыто для созидания [38]. Подтверждение проспектива как составляющей будущего времени находим также у В.А. Плунгяна, который пишет: «Дальнейшая грамматикализация проспективов часто приводит к развитию у них более общего значения будущего времени» [26, с. 288]. На наш взгляд, значимым является то обстоятельство, что термин «проспектив» (prospectif) был введен французским лингвистом Э. Бенвенистом для обозначения будущего времени, выражаемого перифразами [39, с. 5].

На тот факт, что проспектив следует связывать скорее с грамматическим значением будущего времени, указывает также экскурс в историю формирования будущего условного времени в древнерусском языке, чему посвящены исследования Л.Т. Килевой. Анализируя перифрастические конструкции древнерусского языка, ученый рассматривает последовательную их морфологизацию, в результате которой сформировалось так называемое будущее условное время в виде форм *иму читалъ*, *буду читалъ,* постепенно уступившее в русском языке место аналитической форме будущего времени в составе с инфинитивом [37]. Думается, что данные формы по сути своего содержания вписываются в концепцию проспектива и могут быть интерпретированы с помощью данного термина. По сути утратившиеся в русском языке данные формы сохранились, в частности, в современном английском языке, где они представлены как Future Perfect либо Future Continuous Perfect. Подтверждение данной мысли находим в исследованиях Л.Т. Килевой и Э. Стэрналь [37, 40]. Схематически семантика проспектива может быть выражена в следующей формуле (1.4):

$$Pr. \in U + D(F), \tag{1.4}$$

где Pr. − проспектив, € − знак принадлежности, U − благоприятное условие, D(F) − действие в будущем.

Таким образом, проспектив как ядерный элемент категории проспективности является одним из семантических компонентов будущего времени, формальное выражение которого в настоящее время ограничивается рядом языковых систем. Применительно к настоящему исследованию значимым является то, что использование проспектива в текстах, в том числе и в текстах художественной литературы, формирует проспекцию, которая квалифицируется ими как текстовая категория. Как отмечает Т.В. Матвеева, «как текстовая категория проспекция обозначает смысловую перспективу с помощью высказываний, ориентированных на будущее относительно момента восприятия текста» [41].

Важно также подчеркнуть, что план будущего ученые единодушно связывают с семантикой возможных миров. Согласно Э.М. Рянской, Р.В. Федоровой, «модель будущего может быть представлена в форме дерева, ветви которого символизируют возможные варианты события. Настоящее и прошлое составляют, таким образом, сферу «безвозвратности», а будущее относится к модальности «возможности». Ученые вводят термин «проспективный глагол», определяя его как глагол, в семантике которого прослеживается «устремленность в будущее». К ним они относят, в частности, в качестве ядерных глаголов − глаголы *затевать, готовиться, назначать, надеяться* и периферийных глаголов − глагол *кричать* (*чтобы услышали*) [18, с. 45]. С неизбежной проекцией на возможные миры проспективную семантику связывает Т.А. Кадало, подчеркивая, что «при анализе проспективных пропозиций (в «панораме возможных миров») находится множество вероятностных вариантов развития событий» [42, с. 9-10]. Сказанное дает основание для исследования проспективной семантики в свете возможных миров.

1.3 Возможный мир в проспективной семантике

Понятие «возможный мир» в контексте антропоцентризма

«В уме своем я создал мир иной /И образов иных существованье; / Я цепью их связал между собой, / Я дал им вид, но не дал им названья», – писал М.Ю. Лермонтов. Эти слова великого русского поэта всецело отражают сущность такого феномена, как возможный мир.

Антропоцентризм как принцип постмодернистской культуры современности реализуется в лингвистике в целом ряде направлений, одним из которых является когнитивное направление. В рамках этого направления актуализируются понятия «когнитивная картина мира» и «когнитивная модель мира». Понятие «мир» определяется при этом как окружающая действительность и одновременно как ментальное устройство, воспринимающее его, то есть как «мой мир». До настоящего времени в целом

цикле гуманитарных наук остаются открытыми вопросы: насколько адекватно мы воспринимаем мир? Какова степень иллюзорности его восприятия?

Согласно исследованиям Л.Т. Килевой, объем и содержание понятия «мир» определяются историко-культурными факторами, то есть зависят от исторических условий существования человека. В частности, в эпоху принятия христианства древними славянами «центральное место в общечеловеческой картине мира занимает христианская картина мира, основанная на геоцентризме мироперживания», в связи с чем изменяется самое содержание понятия «мир». Оно актуализирует Бога как бытие высшей силы [37, с. 223].

Целый ряд исследователей, в частности А.К. Бычко, подчеркивают такой факт, что в этот период «позитивно оценивается понятие «потусторонности» по отношению к реальному миру». Как подчеркивает исследователь, «именно потустороннее и есть средоточие истинного, божественного бытия, земное же бытие выступает со знаком минус, так как, в отличие от потустороннего, тленно и приходяще» [43, с. 132]. Как видим, в этом контексте происходит смещение акцентов с реального мира на возможный мир. Причем последний из миров противопоставляется, находится в оппозиции к первому. Отсюда палитра возможных миров, предопределяющих возможную ситуацию и предсказывающих предстоящие действия.

Совершенно очевидно, что сложившиеся в воображении возможные ситуации как составляющие возможного мира основываются на прошлом положительном опыте человека, моделирующего этот мир. Свидетельством этого является и тот факт, что для данного периода характерна сакрализация прошлого. В составе оппозиции «прошлое − непрошлое» первый компонент интерпретируется как сакральный, святой, а второй как профанный. План настоящего связывается с рутиной дел, мыслей, событий, следовательно, не подлежит сакрализации [37, с. 142-146].

Период XIV-XVI вв. в памятниках письменности русского языка характеризуется, согласно исследованиям ученых, сменой коллективного, «соборного» авторского начала на личностное начало [44, с. 8]. Это способствует совершенствованию содержательности возможного мира в рамках именно «моего мира». Формирование значения желательности в спектре категории гипотетичности обусловливается судьбоносными историческими событиями. Прежде всего, это победа русского народа в Куликовской битве, утвердившая реальность мечты и одновременно породившая другие человеческие желания. Иными словами, именно в этот период происходит трансформация возможного мира в реальный мир. Предположительно-желательное значение, формируемое, согласно исследованиям Г.Р. Кадыровой, в данный период актуализируется на фоне уже сформировавшегося ранее значения возможности [44, с. 66].

Следует подчеркнуть, что значение возможности, ирреальности, изменяется в исторической перспективе его развития. Анализируя историко-культурные основы формирования русской ментальности, Ю.А. Вьюнов

подчеркивает, что «душевный строй и ментальность народа менялись на протяжении веков, по мере изменения общественной жизни страны» [45, с. 130]. Ученый указывает на противоречивые факторы, способствовавшие развитию России. К ним он относит одновременное сосуществование язычества и христианства, славянского и инородного, западноевропейского и восточного, консервативно-традиционалистского и заимствованного и т.п. [45, с. 130]. Поэтому совершенно не случайно одновременное сосуществование реального и возможного миров в русской душе, основанное на двойственности национального характера.

Отмечая целый ряд положительных свойств русского характера, ученые, в частности В.В. Колесов, подчеркивают как одну из его значимых черт мечтательность [46]. Иногда она интерпретируется как нечто невыполнимое, так как не подкрепляется никакими предпринятыми для осуществления мечты действиями. Такого рода мечтательность закрепилась в гуманитарных науках в термине «маниловщина», связываясь с образом помещика Манилова из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Формирование возможного мира строится здесь по модели, применимой не только к периоду, изображенному в произведении, но и к периодам структуралистской, постструктуралистской и постмодернистской культур.

В советский период возможный мир формируется благодаря распространенной идеологии о построении коммунизма. Иными словами, его становление основывается на «светлой мечте», «далекой и нереальной, как царство небесное» [45, с. 142].

Мечтательность, опирающаяся в своей основе на деятельность, способствует преобразованию возможного мира в реальный мир. В языке это выражается в трансформации гипотетической семантики в футуральную, темпорально-презентную, на что указывают исследования Л.Т. Килевой [37]. Сказанное свидетельствует о том, что возможный мир в контексте футуральной семантики формируется в неотрывной связи с мыслительной деятельностью человека, что предопределяет необходимость рассмотрения понятия «возможный мир» в философском аспекте.

Понятие «возможный мир» в логико-философских и лингвофилософских источниках

Истоки семантики возможных миров зарождаются в философских изысканиях известного философа, физика второй половины XVII в. Готфрида Лейбница. Зарождение этого понятия кроется в его известном утверждении о том, что Божественный разум «непременно и извечно содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каков он есть» [37]. Из этого утверждения следует, что теория возможных миров представлена в исследовании ученого как представление существующего мира в контексте оппозиции необходимого и случайного.

Продолжателями Г. Лейбница явились философы С. Крипке и Д. Льюис. В контексте лингвистического анализа значимыми являются исследования С. Крипке, который рассматривает реальный мир сквозь призму множества возможных миров. При этом возможный мир интерпретируется ученым как некоторое абстрактное понятие, в котором заключается взгляд на реальную действительность. Согласно ученому, это сущность, относительно которой определяется истинное значение пропозиции [47].

У истоков теории возможных миров находится также Людвиг Витгенштейн. В своем «Логико-философском трактате» он подчеркивает: «Каждый предмет существует как бы в пространстве возможных событий». В связи с этим ученым выдвигается понятие «воображаемый мир». Воображаемый мир противопоставляется действительному миру, так как он резко отличается от последнего. Картина фактов, по Л. Витгенштейну, которую мы создаем в ментальном пространстве, соответствует как существующим, так и несуществующим событиям [48, с. 6-7].

С планом будущего связывает понятие «возможный мир» В.П. Руднев, согласно которому «представление о том, что у настоящего существует не одно, а несколько направлений в будущем, и составляет содержание понятия «возможные миры» [49, с. 3].

На основе изложенной теории возможных миров формируется теория семантики возможных миров, представленная в трудах лингвистов последних десятилетий.

Следует отметить, что обозначенная дефиниция этого понятия на протяжении длительного периода не находит в лингвистических исследованиях терминологического единообразия. Так, в трудах Ю.С. Степанова отмечаются термины «воображаемый мир», «Вселенная Универсум», «ментальный мир», первый из которых является доминирующим. Значимым для настоящего исследования в теории возможных миров ученого является утверждение о том, что воображаемый и реальный миры как два члена оппозиции по-разному проецируют на временные планы. Реальный мир включает в себя, прежде всего, все старое, известное, а воображаемый мир соотносится главным образом с новым, с будущим. Иными словами, возможный мир соответствует миру будущего [50, с. 216-218].

Вместе с тем и действительный мир рассматривается в философии как один из возможных миров (Г. Лейбниц, Р.Монтельо, С. Крипке, Я. Хинтикка) [51, с. 3]. Так, Я. Хинтикка подчеркивает: «Пафос философии возможных миров в том, что абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетеля событий» [51, с. 3]. Не случайно, развивая теорию семантики возможных миров, В.П. Руднев строит ее на идее виртуальных, «искусственных» реальностей. Проспективной семантики напрямую касается наблюдение ученого, состоящее в том, что векторное развитие любого события, связанного с планом настоящего (реального) мира, характеризуется разветвленностью, то есть наличием у настоящего нескольких возможных

развитий в будущем. Схематически данную идею можно представить следующим образом:

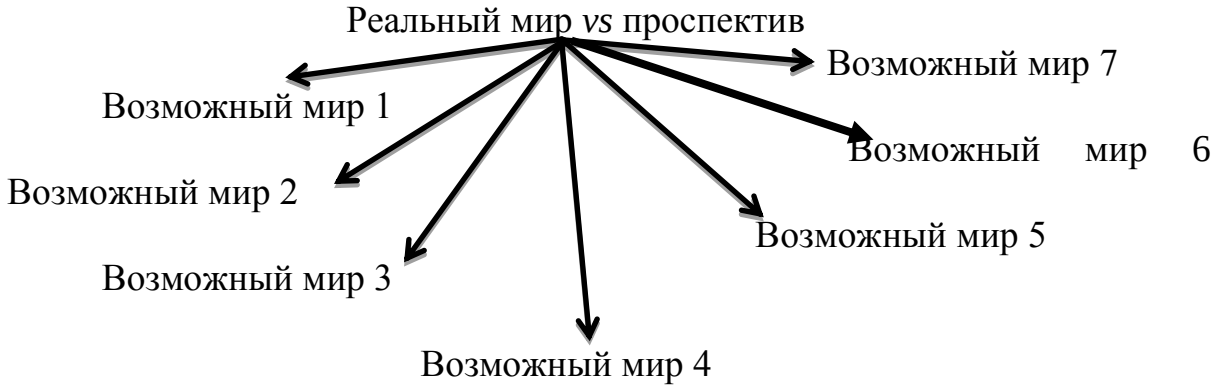

Рисунок 3 − Идея виртуальных реальностей в контексте проспектива

Примечание – по источнику [49, с. 260]

Как видно из приведенной схемы, единый реальный мир как событие одного из временных планов, а именно плана прошлого либо плана настоящего, предполагает некое множество, свидетельствующее о том, что реальный мир отражает, как обстоят дела в действительности, а возможные миры передают то, как они могли бы обстоять. Именно на этой идее построена теория семантики возможных миров Дж. Серля и Д. Вандервекина [52].

Непосредственно же термин «возможный мир», в отличие от тождественных ему терминов, относится к логике, из которой он и был заимствован лингвистической наукой. Его авторство соотносится с личностью Янко Хинтикки и его трудом «Логико-эпистемологические исследования». Теорию возможных миров ученый разрабатывает применительно к логико-понятийному уровню. В основе же данной теории лежит теория игр [51].

Продолжателем идей Я. Хинтикки явился Г.Х. фон Вригт, который определяет возможный мир как комбинацию некоторого положения дел, которая формируется на основе совокупности возможных действий. Самая действительность, что показательно, трактуется как некий вариант возможности, а именно как реализация одной из возможностей. Кроме того, ученый подчеркивает необходимость «исчисления» возможных миров, благодаря которому любые действия можно либо развить, либо предотвратить, то есть изменить в зависимости от их оценки [53]. Несомненным в данном случае является взаимосвязь проспектива и возможного мира. В этой связи интерес представляет определение возможного мира известным российским ученым Н.Д. Арутюновой посредством терминов «случаи», «денотативные пространства» [54, с. 210]. При этом встает вопрос: насколько эти случаи либо

денотативные пространства референциальны действительности при ее изображении в художественном тексте?

Интерпретация возможного мира в филологических исследованиях: к вопросу о проспективе

Согласно проанализированным научным исследованиям, посвященным теории возможных миров, вопрос о взаимосвязи возможного мира и проспектива специально в них не обсуждается. Как уже отмечалось выше, затрагиваются лишь отдельные проблемы, в которых данная проблема представлена в имплицитной форме. В частности, в литературоведении возможный мир трактуется как «литературная» истина, а его теория связывается с изучением природы вымысла и определением соотношения миров литературы и реального мира. Такого рода анализ сочетания вымысла и реальности обнаруживается в исследованиях В. Лурье [55], а анализ альтернативной истории − в работах М. Назаренко [56]. Кроме того, теория возможных миров в литературоведении связывается с именем У. Эко, в работах которого возможные миры ранжированы по признаку ролевого предназначения автора, персонажей и читателя [57].

Лингвистический анализ возможных миров с опорой на художественный текст производится в исследованиях А.В. Новиковой. Ученый отмечает, что понимание возможного мира в лингвистике базируется на логико-философской основе и интерпретируется как множество «потенциальных миров в их проекции на действительный мир». В свете этой трактовки художественный текст является вторичной моделирующей системой, предполагающей двойную референциальную соотнесенность: а) внешнюю − к действительному миру и б) внутреннюю − к миру субъекта. В соответствии с этим данную систему ученые трактуют так:

1) «внешний» и «внутренний» возможные миры, в терминологии О.В. Емельяновой,

2) оппозиции «вне урны» и «внутри урны» − в терминологии Э.В. Бардаловой,

3) «свои» и «чужие» миры − в терминологии Ю.С. Степанова. Наиболее удачной, на наш взгляд, являются первые из представленных терминов. «Внешние» возможные миры определяются как «трансформационные модели, не имеющие аналогов в действительном мире»; а «внутренние» − как «истинные миры субъектов» [58].

Схематически описанную оппозицию в контексте художественного текста можно представить следующим образом:

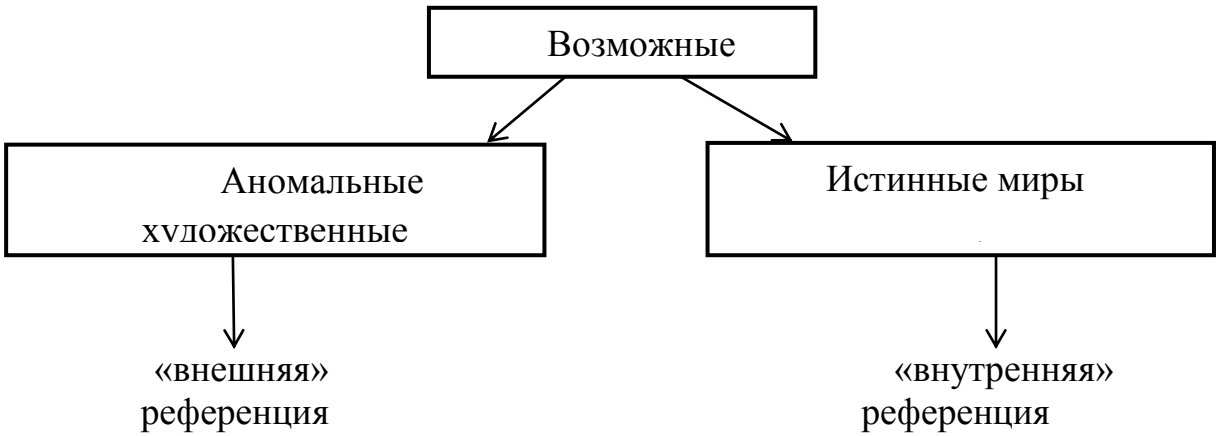

Рисунок 4 − Референциальная отнесенность художественного текста в свете возможного мира

Анализ лингвистических источников свидетельствует о том, что референция в проекции на художественный текст рассматривается в исследованиях Е.Е. Бразговской [59], С.Д. Левиной [60], Е.А. Луговой [61], Т.Р. Медведевой [62], З.Я. Тураевой [63] и других ученых.

С точки зрения «внутренней» референции возможный мир анализируется в работах Н.Д. Арутюновой [54], Т.Р. Медведевой [62], Ю.С. Степанова [50], З.Я. Тураевой [63]. Вопрос взаимосвязи возможного мира и проспектива в данных исследованиях специально не затрагивается.

Не отражена обозначенная проблема также в исследованиях Н.Д. Арутюновой. Ученый трактует категорию возможного мира как одну из категорий истины/правды. Анализируя механизмы номинализации предложений, в качестве их последствий она выдвигает отделение мира событий и процессов от логического пространства фактов и пропозиций, организованного истинным значением. Предлагая для рассмотрения разные прагматические ситуации, Н.Д. Арутюнова излагает полученные в результате их анализа способы выражения истинности в русском языке с проекцией на национальный менталитет. При этом особое внимание уделяется бытийным и безличным предложениям, поскольку именно в них отражена специфика русского менталитета [64].

Актуализируя понятие истины, ученый подчеркивает, что оно является обязательным для любой языковой системы. Но, «для того чтобы это понятие сложилось, необходимы условия, определяющие восприятие мира человеком» [64, с. 21]. Согласно ученому, дуализм бытия человека заключается в постижении окружающего мира, с одной стороны, а с другой стороны − разумом. Истина «всегда апеллирует либо к «другому миру», либо к отношению между двумя мирами» [64, с. 21-22]. Исследователь указывает при этом на принципиальное различие в природе этих «соотносительных друг с другом миров. Один из них принадлежит к реальному плану, а другой − к

плану идеальному. Отсюда оппозиция подлинного и мнимого миров. На основании этого в образе мир противопоставляются следующие сущности:

1) временное – вечное;

2) изменчивое – неизменное;

3) наблюдаемое – ненаблюдаемое;

4) настоящее – ненастоящее. Данные противопоставления объединяются на основе понятия истины» [64, с. 22]. Схематически приведенное наблюдение можно сконструировать следующим образом.

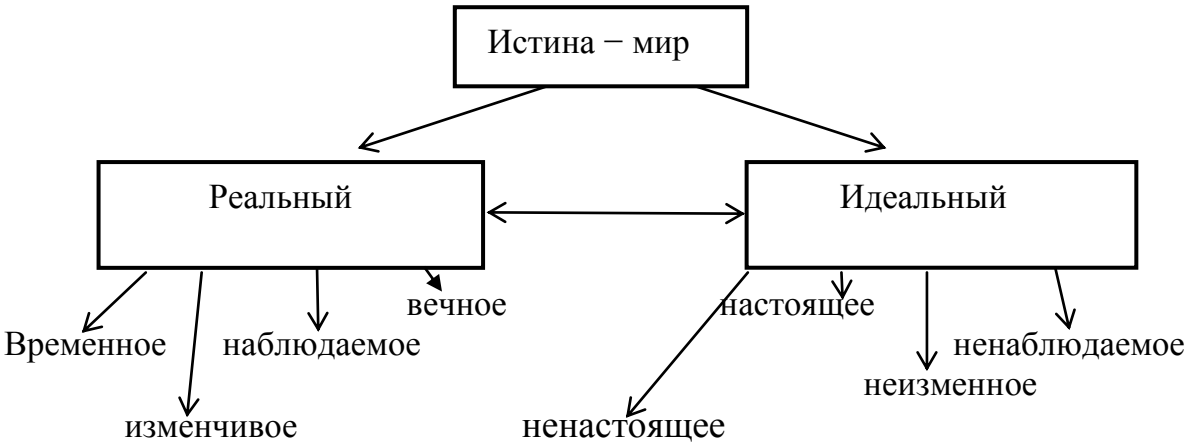

Рисунок 5 − Двойственность бытия в свете истины

Дуалистическое восприятие мира обусловливает существом «другого мира» и неотделимый от него концепт истины. Ученый рассматривает два представления об истине: религиозное и эпистемологическое. К онтологическим признакам Н.Д. Арутюнова относит вечность и неизменность; к гносеологическим – связь с модусом веры, доступность через откровение; к аксиологическим – благодать, идеал и конечную цель бытия; к модальным – необходимое существование и прескриптивности [64, с. 25]. Нетрудно заметить, что второй из членов представленных дуальных оппозиций заключает в своей семантике футуральную сему перспектива или проспектива.

Применительно к современному русскому употреблению Н.Д. Арутюновой рассматриваются понятия истины и правды и выражающие их языковые средства, прежде всего лексемы *истина, правда*. Следует подчеркнуть, что исследователь, определяя двойственность бытия человека и соответствующие ей два мира, однако, не вводит понятия «проспектив» и «возможный мир». Но, как видим, сущность этих понятий в той или иной мере ученым раскрывается.

Как подчеркивалось выше, категория проспективности взаимосвязана с категориями возможности и необходимости. Поскольку возможность включается в состав более широкой категории модальности, то возможный мир в лингвистике связывается, прежде всего, с грамматикой, а именно с ее

синтаксическим уровнем. Это понятие, в частности, используют Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, анализируя предложения гипотетической семантики. Авторы выделяют онтологическую и эпистемологическую модальности. Онтологическая модальность при этом передает возможность, или потенциальность, иллюстрируя ее следующим предложением «*Петька мог и соврать»*. В высказывании «*Петька мог и соврать, но решил сказать правду»* передается возможность, которая имела место в прошлом (*мог соврать*), но которая, однако, не реализовалась ни в настоящем, ни в будущем. Вместе с тем, независимо от этого, тот факт, что возможность имела место, является объективным. Эта возможность интерпретируется ученым как онтологическая возможность [65].

В контексте фразы «*Есть ли основания верить Петьке*?» высказыванием «*Петька мог и соврать»* передается тот факт, что говорящий не знает, соврал ли Петька. В связи с этим высказывание приобретает гипотетический характер. Такого рода возможность в виде гипотезы определяется учеными как эпистемологическая возможность, или проблематичность. Разграничивая оба типа возможности на семантическом уровне, авторы исследования отмечают также различное их языковое выражение [65, с. 210-211].

Для нашего исследования значимым является то, что в теории семантики возможных миров обнаруживается деление модальности на алетическую и деонтическую. В контексте алетической модальности реальный мир определяется как относящийся к множеству возможных миров, что соответствует высказываниям типа: *во время поста разрешается*… Деонтическая модальность выражает долг, а именно нормативное /ненормативное поведение субъекта в настоящем и будущем [65, с. 209-233].

Как показывают проанализированные лингвистические источники, концепция возможных миров разрабатывается в лингвистической науке с расстановкой разных акцентов. Если ряд ученых последовательно соотносят трактовку возможного мира с его интерпретацией в логике, то у некоторых ученых при трактовке акцент смещается в сторону «моего мира». Так, В.Б. Касевич интерпретирует возможный мир в качестве возможного состояния мира или любого его фрагмента в любой момент времени. Это исходит из того, что существует некоторое множество возможных миров, которым задается определенная семантика языка. И она проецирует на один из временных планов: настоящий, прошедший или будущий [66].

В аспекте «граница моего мира» возможный мир трактуется у Вяч. Вс. Иванова. Заметим, что ученый рассматривает семантику возможных миров еще в 70-80-е годы прошлого столетия. Основываясь на концепции Л. Витгенштейна, в которой возможные миры замыкаются, что совершенно справедливо, на границах «моего мира», ученый определяет семантику возможного мира как границы «моего языка» [67]. Семантика возможных миров в концепции Вяч. Вс. Иванова сводится к следующему: «Если мы рассматриваем некоторого индивида − личность *a* в возможном мире W, он не

примет любого другого возможного мира в качестве альтернативы к миру W. Только некоторые из возможных миров рассматриваются им в качестве таких альтернатив». В данном контексте ученый предлагает следующую дефиницию возможного мира: «все возможные ситуации, совместимые со всем тем, что известно в данный момент». Из представленной дефиниции следует, что «возможный мир» определяется Вяч. Вс. Ивановым на эпистемологической основе, а именно посредством понятий «энциклопедические знания», «языковые знания», и связывается с отдельным субъектом определенным коллективом людей [68, с. 16]. Пределы знания ограничивают множество возможных миров, их семантику. Она определяется не только наличием предшествующего опыта говорящего, что, несомненно, также формирует его знания, но и тем обстоятельством, что он знает, что некоторое событие возможно как таковое, не является алогичным применительно к определенному пространству и времени. Не случайно Л. Витгенштейн в этой связи предостерегал от нелогичности, что «можно изображать мир верно или неверно, но всякая картина должна быть логической картиной» [48, с. 9].

Концепция возможных миров А. Вежбицкой созвучна Вяч. Вс. Иванову, но вопрос проспектива в ней также специально не затрагивается. Для обозначения семантики возможных миров она сводит воедино ряд основных семантических понятий естественного языка, получивших в ее исследованиях определение «семантические примитивы». В данной концепции возможный мир трактуется как ситуация, которая может иметь место в жизни и не противоречит логике человеческого мышления.

Как видим, представленная трактовка идентична интерпретации Вяч. Вс. Иванова. Оба исследователя исходят из того, что «существует допущение, согласно которому мы не можем говорить о некоем нелогичном мире», о том, как он выглядит. В частности, А. Вежбицкая иллюстрирует это на примере высказывания «*Все собаки верны»*. В семантическом плане данное высказывание носит делокализованный во времени характер. Его можно свести к модальному утверждению типа «*Ни одна часть мира не представляет собой неверную собаку»*. Все временные состояния (вневременной характер высказывания) в совокупности составляют возможные миры, ни в одном из которых не найдется неверной собаки. Приведем полностью данное толкование А. Вежбицкой: «Я думаю о мире в целом; я говорю: нельзя сказать, думая о каком-либо мире: часть мира − это неверная собака. Мир в целом понимается как совокупность возможных миров» [69, с. 252].

Важно, что представленная методика используется семантической грамматикой. В частности, ее применяет В.Б. Касевич в трактовке ряда грамматических значений в составе грамматических категорий. Определяя специфику категории вида, ученый отмечает, что в значении этой категории представлено определенное множество ситуаций. Действие, выражаемое глаголом несовершенного вида, в этом контексте интерпретируется не как единичный акт, единственный мир, а как целое множество миров, действия в

которых представлены как недоведенные до предела [66, с. 198]. Эту же связь двух миров (плана прошлого и плана настоящего) применительно к категории времени обнаруживаем в значении перфекта, а также в значении сослагательного наклонения.

На основе сказанного реальный мир определяется как один из возможных миров. Подчеркивая значимость такого вывода, Л.Т. Килевая приводит следующее определение возможного мира: это «такие ментальные модели действительности, которые позволяют описывать события в мире на правах альтернатив» [37, с. 227]. В подтверждение того, что «действительный мир − это один из возможных миров», исследователь приводит следующее высказывание М. Хайдеггера: «Желание есть экзистенциальная модификация понимающего самонабрасывания, которое, подпав в брошенности, уже лишь волочится за возможностями. Такое волочение замыкает возможности; что есть «вой» в желающей завлеченности, становится «действительным миром» [37, с. 227]. Нетрудно заметить, что в приведенном высказывании имплицитно представлен вопрос проспектива, который, однако, не находит специального разрешения.

Семантику возможных миров Вяч. Вс. Иванов также связывает с пропозициональными структурами. Опираясь на семантические универсалии, выдвинутые в трудах И.И. Мещанинова, А.А. Холодовича применительно к грамматике, ученый выдвигает понятие «порождающая семантика», сущность которой заключается в выделении глубинной структуры языка, которая может быть соотнесена с записью на логическом (или другом искусственном) языке [68, с. 5].

Применительно к художественному тексту данная мысль обозначается и интерпретируется в исследованиях Е.В. Падучевой. Рассматривая семантику нарратива, ученый акцентирует внимание на понятиях «пропозиция» и «пресуппозиция». Она пишет: «Художественный текст устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую читатель должен «извлечь», пройдя через цепочку умозаключений» [3, с. 201]. Исходным принципом при сопоставлении естественного языка с логическим языком, согласно Вяч. Вс. Иванову, является допущение, согласно которому «мы не могли бы сказать о каком-либо «нелогичном» мире, как он выглядит…». Невозможно изобразить в языке нечто, противоречащее логике [68, с. 8]. Е.В. Падучева проецирует такого рода построения на понятие «семантическая пресуппозиция» и указывает на аномальность данных высказываний: «Суждение P называется семантической пресуппозицией суждения S, если и из истинности, и из ложности S следует, что P истинно, т.е. если ложность P означает, что S не является ни истинным, ни ложным. Высказывание S в ситуации, где ложно его пресуппозиция, аномально» [3, с. 234].

Значимым для нашего исследования является тот факт, что, согласно Вяч. Вс. Иванову, различие между возможными мирами существенно также для

описания грамматических временных различий. Так, в предложении «*Тогда Володя был толстяком»* слово *тогда* представляет собой шифтер, относящийся к некоторому миру, который имел место до мира, частью которого является говорящий − «я». Это получает, с опорой на А. Вежбицкую, интерпретацию в виде «становления» одного мира из другого [69, с. 14], что соотносимо с теорией проспектива. Как такого рода интерпретацию можно трактовать категорию вида в предложении «*Володя смотрит на картину»*, в которой отражается не единичный акт, то есть один-единственный возможный мир, в котором Володя один раз взглянул не на картину, а на целое множество миров [69, с. 15].

Как видим, возможный мир как в исследованиях А. Вежбицкой, так и Вяч. Вс. Иванова, интерпретируется как некоторое множество миров, задаваемых семантикой языка. Кроме того, Вяч. Вс. Иванов связывает данную теорию с говорящим «я». Важно подчеркнуть, что в его концепции «я» получает несколько своеобразную трактовку. Он понимает его следующим образом: «В значительном числе языков понятие *я* по существу мыслится как гораздо более широкое, чем то, к которому привычны люди, говорящие на современных европейских языках. *Я* включает не только тело человека и его части, но в определенном смысле и другие предметы и даже других людей, от этого *я* неотделимых» [68, с. 129]. Это положение оказывается важным при интерпретации возможных миров в художественном тексте.

На основе того, что «говорящий субъект оказывается в центре как временной, так и пространственной картины, изображаемой в естественном языке» [68, с. 129], ученый делает вывод о возможном представлении о том, что «у настоящего может быть не одно, а несколько направлений развития в будущем». Так, высказывание «*Завтра будет дождь»* является возможным миром, поскольку у него есть альтернатива: не будет дождя [68, с. 260].

Семантика возможных миров с проекцией на проспектив усматривается на мышлении возможными мирами, что реализуется в предложениях типа «*Он полагает, что … Он думает, что …Он верит, что…»* [68, с. 261], в которых очевиден футуральный аспект. Не случайно семантика возможных миров связывается у Вяч. Вс. Иванова с идеей виртуальных реальностей (выдуманный, сконцентрированный, возможный мир), которые он определяет как «искусственные реальности» [68, с. 53]. При этом следует подчеркнуть, что в концепции исследователя «действительный мир не занимает привилегированного положения» [68, с. 260].

Исследование языковых средств воплощения возможных миров в художественном тексте

Анализ языковых единиц, передающих семантику возможного мира в художественном тексте, представлен в целом ряде научных исследований. Е.В. Падучева справедливо связывает данную семантику с текстовыми функциями языковых единиц, выделяя следующие функции:

1) в отдельном высказывании;

2) изменение значения в зависимости от контекста, т.е. меняющийся коммуникативный контекст;

3) выявление тех аспектов текста, которые имеют смысл для читателя, т.е. интерпретация (понимание) текста [3, с. 56].

Об ограничении реального, следовательно, и возможного мира границами языка говорит в своих исследованиях О.Г. Почепцов. Исследователь опирается на тот факт, что как представление мира, так и его осмысление, интерпретация осуществляется в форме языка [70, с. 111]. Он справедливо утверждает, что мир является единым для всех, но люди живут в его разных частях, поэтому для них характерны различные психологические и ментальные миры. И, хотя информацию о себе мир содержит в полном объеме, языковое представление мира может быть неполным и неточным, поскольку зависит от уровня знаний о мире [70, с. 111-112]. Не случайно, как отмечалось выше, в рамках «моего языка» рассматривает множество миров Ю.С. Степанов, который подчеркивает, что «в границах языка отражается, фиксируется множество миров, в том числе и «миры» как «все возможные ситуации», известные человеку, то есть некие «микромиры», фрагменты единого мира» [50, с. 42].

Совершенно в ином ключе, то есть не с позиций предложения и его глубинной, пропозициональной структуры, рассматривает возможные миры Н.В. Черемисина [71]. Она соотносит семантику возможных миров с лексическим уровнем языковой системы, а именно с полисемантами. Кроме того, для нашего исследования интерес представляет обнаруживаемый ученым факт многомирия в семантической структуре однозначного слова, поскольку «стилистическая, эмоциональная, экспрессивная окраска слова может выводить в особые, иные миры». В качестве иллюстрации ученый сравнивает ситуации употребления слов *лик, лицо* и *морда, рыло* применительно к описанию непохожих друг на друга людей. Обнаруживаемая связь многомирия и лексико-семантических законов демонстрируется на примере фразы «*Давным-давно в некотором царстве в некотором государстве жил-был царь*…» Данная фраза «сразу же переключает нас из сферы мира житейского в мир народной сказки. Вместе с тем ее стандартный для многих сказок зачин имеет множество вариантов, то есть возможных миров». Н.В. Черемисина отмечает, что в художественном тексте наблюдается сочетание, взаимосвязь различных и даже противопоставленных друг другу миров. Это утверждение обосновывается анализом творчества Ф. Тютчева, в поэзии которого «ассоциативность и многоплановость находит проявление в антагонизме и сближении в художественной образности поэта различных миров» [71, с. 116].

Для нашего исследования существенным является вывод ученого о том, что «в контексте художественного произведения взаимодействие различных «миров» может содействовать представлению-изображению целостной

художественной картины мира либо избранного фрагмента мира в его целостности» [71, с. 117].

С семантикой возможных миров на лексико-семантическом уровне языка А.П. Бабушкин связывает перевод художественного текста, в частности поэтического произведения. На основе приводимого анализа нескольких переводов одного и того же стихотворения ученый делает следующее заключение: «Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что проблема сопряжена с идеей «возможных миров» − сюжет стихотворного произведения в его переложении на русский язык развивается в двух параллельных мирах, хотя и близких по своему содержанию» [72, с. 81].

На лексическом уровне семантика возможных миров рассматривается также в исследованиях И.А. Юдиной [73]. Утверждая, что лексика представляет собой наиболее подвижный уровень языковой системы, исследователь рассматривает семантические сдвиги в лексемах под влиянием исторических изменений в обществе.

Семантику возможных миров в художественном тексте, связанную с реализацией эстетической функции языка, анализирует В.И. Заика [74]. Ученый подчеркивает, что «высота эстетического, которое оказывается наиболее удаленным от низшего, собственно языкового уровня, коррелирует с наличием в тексте множества «тайн и загадок», разгадывание которых понимается как поиск ключей к эстетическому коду и составляет суть интерпретационной деятельности» [74, с. 4]. Несомненно, что в основе художественного текста в целом лежит вымышленный мир. Это обусловливает проблему истинности при анализе художественного текста, о чем уже говорилось выше.

В аспекте функциональной грамматики термин «возможный мир» использует А.В. Бондарко. Он соотносит его с семантической категорией возможности, включая ее в состав категории потенциальности. Устанавливая взаимосвязь понятия «возможный мир» с категорией возможности, ученый суживает это понятие до гипотетического мира, с чем трудно, однако, согласиться. На основе признака модальности он разграничивает ситуации следующим образом:

1) отнесенность ситуации к реальному миру;

2) отнесенность ситуации к одному из возможных миров.

В связи с данным разграничением А.В. Бондарко определяет языковые средства выражения категории возможности в русском языке. Это следующие три вида языковых средств:

1) лексические, включающие модальные глаголы и предикативные прилагательные (предикативы);

2) морфологические, видо-временные формы глагола в изъявительном наклонении и видовые формы в сослагательном наклонении;

3) синтаксические, включающие инфинитивные конструкции.

Представленные языковые средства и передаваемые ими соответствующие гипотетические значения образуют функционально-

семантическое поле гипотетичности. При этом с формой сослагательного наклонения, по А.В. Бондарко, связывается гипотетическая возможность, а также условия, при которых действие могло бы быть выполнено [75, с. 129].

Языковые средства выражения возможных миров, как уже отмечалось, исследуются А.П. Бабушкиным. Согласно ученому, «возможные миры» выявляются в конструкциях, включающих глаголы в сослагательном наклонении. Не случайно он определяет сослагательное наклонение как «окно» в возможные миры» [76, с. 20].

Представив в своем исследовании экскурс в грамматическое значение формирования сослагательного наклонения с металингвистических позиций, А.П. Бабушкин выделяет несколько семантических пространств языка, сопряженных с «возможными мирами» и выражаемых с помощью сослагательного наклонения. Это следующие семантически пространства:

а) пространство ближайшего мира;

б) пространство возможного мира;

в) мир «чужих» ролей;

г) пространство мира упущенных возможностей;

д) ирреальный мир.

Анализируя предложения с условной семантикой, ученый выделяет следующие семантические пространства языка, соотносительные с «возможными мирами»:

а) максимально приближенный мир;

б) потенциальный мир.

Согласно ученому, мыслительные пространства, связанные с «возможными мирами», способны выявляться в сравнениях разного рода. Он выделяет следующие семантические пространства:

а) мир реальных аналогий;

б) мир фиктивных аналогий;

в) мир сомнений, догадок и гипотетических допущений.

С участием разделительных союзов *или, либо* формируются разного рода миры возможных альтернатив.

Кроме того, как последовательно раскрывается в исследованиях А.П. Бабушкина, возможный мир репрезентируется также в вопросительных предложениях, в формах будущего времени. Особое внимание уделяется понятию «антимир» [76].

Следует подчеркнуть, что предложенная методика исследования языковых средств репрезентации «возможных миров», иерархия последних, основанная на анализе произведений главным образом классической литературы, представляется целесообразной и может быть эффективной применительно к произведениям постмодернистской литературы, поэтому она положена в основу анализа фактического материала в нашем исследовании.

Прежде всего, логичным представляется выявление возможного мира посредством сослагательного наклонения. Как известно, сослагательное

наклонение способно передавать одно из семантических пространств возможного мира; поскольку оно «имеет категориальное значение возможности, предположительности» [77, с. 625]. Кроме того, «в зависимости от синтаксических условий и контекста значение предположительности может варьироваться и представлять как значение желания (1), побуждения (2) или возможного обусловливающего действия (3)» [77, с. 626]. Данные положения принимаются нами в связи с возможностью выявления в данных контекстах проспективной семантики.

Согласно Е.В. Михальковой [78], каждое предложение характеризуется предикативностью и модальностью. Ирреальная модальность соотносится в предложении с временной неопределенностью.

С учетом предлагаемой методики, разработанной А.П. Бабушкиным, эффективно, как нам представляется, выявлять семантические пространства возможных миров, выражаемых в придаточных предложениях со значением условия, поскольку в нем также можно выявить элемент проспективной семантики. Ведь, как известно, в сложноподчиненных предложениях придаточная часть выражает значение условия, а главная часть – действие, событие, этим условием предопределяемое. Значимым для нашего исследования является тот факт, что «условие и обусловливаемое могут представляться говорящему либо как потенциально возможные, либо нереальные (желательные, предполагаемые). В соответствии с этим в рамках условных отношений различают потенциально-условное и нереально-условное синтаксическое значение» [79, с. 281].

Следует особо оговорить, что ряд анализируемых языковых средств, воплощающих возможные миры, но, на наш взгляд, не заключающие, семантику проспектива, нами не рассматриваются. К ним относятся сравнительные конструкции, сравнительные обороты, а также придаточные предложения со значением сравнения. Альтернативность, сопряженная с возможными мирами, организуется в синтаксических конструкциях, включающих разделительные сочинительные союзы и вопросительные предложения типа «*Так Вы не уехали?»; «Как Надежда Кирилловна?»* [79, с. 39], что также остается за пределами настоящего исследования.

Для нашего исследования значимым является то, что репрезентация возможного мира, согласно А.П. Бабушкину, реализуется в формах глаголов будущего времени. Соотнесенность футуральной и возможной семантики подчеркивается в целом ряде исследований. Это обусловливается спецификой значения будущего времени, которое ряд ученых не случайно склонны относить к сфере ирреальных наклонений, поскольку передаваемое им действие еще не осуществилось [76, с. 20]. Предполагаемость его реализации после момента речи как раз и способствует связи будущего времени с возможным миром.

Лексико-семантические единицы, участвующие в репрезентации возможных миров, равно как и текстовые фрагменты, структурируют

возможные миры на основе когнитивных моделей. Как подчеркивают представители когнитивной лингвистики, «наши знания, отражаемые в языковой форме, организуются с помощью определенных структурно-когнитивных моделей» [80, с. 13]. В.В. Болдырев, с опорой на исследования Дж. Лакоффа, Ж. Фоконье, выделяет следующие когнитивные модели: образно-семантические (вместилище), пропозициональные (пропозиция, сценарий, пучок признаков и т.д.), метафорические, метонимические, символические. Для нашего исследования актуальны пропозициональные модели, основанные на фреймовой семантике, поскольку в рассматриваемых художественных текстах нами выделены фреймы и сценарии.

С опорой на Ч. Филлмора ученые предлагают следующую дефиницию фрейма: это когнитивная структура, «знание которой предполагается ассоциирование с концептом, представленным тем или иным словом» [80, с. 15]. Вместе с тем исследователи актуализируют широкий подход к термину «фрейм». В частности, с точки зрения В.В. Болдырева, это структурированная единица знания, в том числе схема, сценарий [81]. Мы рассматриваем данный термин в первоначальном его толковании как собственно фрейм, отграничивая его от сценария, скрипта, гештальта и других когнитивных структур [81].

В качестве особой когнитивной структуры сценарий выделяет А.Г. Хлебодарова, интерпретируя эту структуру как когнитивный сценарий. С опорой на М. Минского ученый наделяет этот термин следующей дефиницией: «сеть, состоящая из ряда терминов (узлов, слотов) и отношений между ними» [82, с. 34]. Рассматриваемый исследователем когнитивный сценарий дискурса мечты, по ее справедливому мнению, «представляет собой алгоритм конструирования определенного возможного мира» [82, с. 35-36]. Именно как алгоритм (пошаговые действия) интерпретируется сценарий в нашем исследовании. Алгоритм позволяет переводить одну реальность, основанную на прошлом опыте, в другую, виртуальную. В результате происходит замена референтов реального мира на референты мира виртуального (возможного). Данный постулат учитывался нами при анализе проспектива с проекцией на возможные миры, передаваемые лексико-семантическими и контекстуальными средствами языка.

Возможный мир в совокупности с проспективной семантикой раскрывается в контексте объективной и субъективной модальности. Высказывания, включающие модально-вводные слова со значением возможности, как справедливо указывают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, представляют собой «категорические суждения о ситуациях, в которых имеет место та или иная возможность, и гадательные предположения о том, имеет ли место некоторая ситуация» [65, с. 293]. По показаниям ученых, вводные слова, как *возможно, может быть, вероятно, должно быть, наверно, несомненно* и т.д. могут соответственно рассматриваться как показатели иллокутивной силы гипотетичности» [65, с. 294]. Как видим, гипотеза интерпретируется в данном

случае в аспекте речевого акта. Условие его успешности заключается не столько в том, чтобы изложить реальное положение дел, которое к тому же неизвестно говорящему, сколько в том, чтобы предложить адресату речи рассмотреть возможность этого положения дел, изложенного в гипотетической конструкции. В нашем исследовании акцент делается не столько на прагматическом аспекте гипотетических конструкций, предопределяемом проблемой ожидаемого перлокутивного эффекта, сколько на семантике. Именно семантика конструкции позволяет определить в свою очередь семантику проспектива с проекцией на возможный мир.

С семантикой проспектива в контексте возможных миров могут рассматриваться, на наш взгляд, также повествовательные предложения с глаголом *мочь* в функции гипотезы. Как свидетельствует анализ исследований Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, данные предложения «могут интерпретироваться как сообщения о возможностях, которые в заданных коммуникативных условиях оказываются функционально близкими выдвижению гипотез о действительности» [65, с. 296-297].

С возможными мирами соотносится главным образом субъективная модальность, одним из проявлений которой является сомнительность. Под сомнительностью Т.В. Куклева понимает «проявление и выражение состояния неуверенности, нерешительности, колебания в том, что следует считать истинным или правильным». К грамматическим средствам выражения модального значения сомнительности ученый относит глаголы с семой «сомнения», как *сомневаться, казаться*, отглагольные имена существительные (*сомнение*), прилагательные (*сомнительный*), фразеологические сочетания, грамматические средства выражения, в частности частицы *вроде, якобы*, вводно-модальные компоненты (*может быть, пожалуй, наверное* и др.). Особое внимание ученый уделяет инфинитивным предложениям, содержащим модальное значение сомнительности. В качестве примеров приводятся вопросительные предложения типа «*Не спрятаться ли нам»? «Разве из платья что-нибудь пустить в оборот*?» В приведенных предложениях значение сомнительности передает независимый инфинитив в сочетании с вопросительной частицей *ли* либо в сочетании с интонационными средствами [83, с. 86]. Как видим, обозначенные языковые средства, участвуя в передаче значения сомнительности, способствуют импликации проспектива с проекцией на возможные миры, что особенно применительно к нашему исследованию.

Трудно соотносимой с проспективом, однако передающая семантику возможного мира, оказывается субъективная модальность, связанная с изображением иллюзорности описываемых событий и передаваемая посредством сочетания *как бы*. Как свидетельствует данные анализа О.В. Трофимовой, это сочетание сигнализирует о том, что автор текста сознательно описывает реальную действительность в иллюзорном плане. В отдельных случаях сочетание *как бы* представляет собой результат поиска

автором соответствующего плана выражения или является «знаком определенных ассоциаций» [84, с. 91].

1.4 Исследование художественного текста в свете футуральной семантики и семантики возможных миров

Семантика нарратива в свете категорий времени и возможного мира

Субъективная модальность связывается со способами выражения авторской позиции в художественном тексте. Этому вопросу посвящен целый ряд исследований. Применительно к предпринятому нами исследованию важным оказывается целостный филологический анализ, предполагающий, по справедливому указанию Н.А. Николиной, взаимодействие литературоведческого и лингвистического подходов [16]. Отмечая условный, вымышленный характер художественного текста, ученый подчеркивает тот факт, что референция в нем «обычно осуществляется к объектам возможных миров, моделируемых в произведении» [16, с. 8].

Взаимодействие реального и воображаемого, размытость их границ, обусловливающие своеобразие временных отношений в художественном тексте, исследователь рассматривает на материале автобиографических текстов Владимира Набокова. Согласно ученому, в них «не существует жестких границ между прошлым, настоящим и будущим. Членение временного континуума носит субъективный характер и связано с воспоминаниями, сменяющими друг друга в определенной последовательности». Относительно возможных миров значимым является тот факт, что «Набоков не столько повествует о былом, сколько моделирует прошедшее: перед нами квазивоспоминания, рождающиеся в воображении и обретающие словесную форму в момент творчества» [16, с. 10]. В повествовании «Других берегов», как отмечается в исследовании, «исторические факты оказываются нерелевантными для повествования». Вымысел, воображение доминируют над реальностью, а «документальность автобиографии сочетается с фикциональностью» [16, с. 11].

В контексте нарративного режима, «режима интерпретации», Е.В. Падучева в своих исследованиях определяет время как «текстовое время», «нарративное время», связывая данное понятие с неким условным моментом начала текста. Значимость для настоящего исследования представляет введенное ученым понятие «будущее нарративное». Оно сводится к тому, что глаголы будущего времени передают настоящее время повествователя, например: «*Упадут стены..., потухнет огонь»; «Я не знал, что меня встретят»*. Такая интерпретация возможна лишь в контекстных условиях, позволяющих учитывать дополнительные факторы. Так, в первом из приведенных примеров таким фактором может быть эксплицированное или имплицитно выраженное наречие *вскоре,* во втором примере − повествовательный контекст, позволяющий определить, что действие, передаваемое глаголом будущего времени *встретят,* уже произошло в прошлом ’уже встретили’.

Следует подчеркнуть, что исследователи категории времени единодушно сходятся во мнении, что в художественном тексте данную категорию следует интерпретировать как художественное время. Согласно В.А. Плунгяну, «в нарративах, описывающих вымышленные события, отсутствует категория дейксиса, так как они не могут (и не должны) соотноситься с реальным пространством и временем адресата» [26, с. 258]. Акцентируя данный факт, Е.Н. Широкова дает следующее определение данной категории: «Художественное время − это текстовая категория, участвующая в моделировании виртуальной реальности художественного текста и являющаяся средством индивидуально-авторской концептуализации времени» [4, с. 35]. Ученый подчеркивает такое важное свойство художественного времени, как его полиаспектность. Она заключается в том, что художественное время «коррелирует со временем онтологическим на основе опыта взаимодействия автора со средой» [4, с. 16]. Несомненно, из этого следует, что с проспективом в большей степени соотносится эмотивное время, основанное на определенных сюжетообразующих мотивах, таких как тревожное ожидание, в котором актуализируется психологическое или физическое состояние персонажа [4, с. 23].

Как подчеркивает А.В. Новикова, в лингвистике возможный мир рассматривается как множество «потенциальных миров в их проекции на действительный мир, обусловивший взгляд на текст как на вторичную моделирующую систему» [85, с. 3]. Исследователь ставит перед собой цель выявить «роль возможных миров в порождении дополнительных сил в художественном тексте» [85, с. 3].

Формирование возможного мира обусловливается спецификой русской литературы постмодернистского направления. Как известно, современная русская литература по большей части формируется в рамках постмодернистской культуры, которая наложила на нее существенный отпечаток [86, с. 93].

Представляет интерес тот факт, что постмодернизм вписывается в специфику русского менталитета. Так, И.П. Ильин говорит о «повышенной сослагательности русского менталитета с его постоянным стремлением переоценивать реальность прошлого и настоящего с точки зрения предположительного». Как утверждает исследователь, «любое явление неизбежно сопровождается длительным шлейфом интерпретаций и окутано туманной аурой исторического коллективного бессознательного, укорененного в мифологизирующей природе человеческого сознания» [87, с. 17]. Приведенная цитата как нельзя лучше обосновывает соотношение русского менталитета с «возможными мирами».

В. Курицын определяет постмодернизм как явление, «для которого не характерны дружеские отношения со строгостью структур и четкостью системы». Согласно ученому, для постмодернистской культуры характерна разорванность классической зависимости означающего от означаемого. Он

характеризует постмодернистскую ситуацию следующим образом: «состояние, в котором субъект теряет некую адекватность течению времени; ситуация, предполагающая возможность «одновременного» нахождения в разных временах» [88, с. 34]. Значимым для нашего исследования является характеристика ситуации постмодернизма, основанная на возможности субъекта находиться одновременно в разных временах, что, несомненно, провоцирует моделирование проспектива с проекцией на возможные миры.

В обозначенном контексте постмодернистский литературный процесс характеризует и Л.В. Сафронова. Определяя специфику современной литературной ситуации, ученый утверждает, что «прежняя динамика литературного процесса уходит из литературы в нелитературу: в публицистику, философию, религию, культуру в целом». Следовательно, о современной литературе говорят не как о процессе, а как о ситуации, «литературном пейзаже» или даже «натюрморте», имея в виду быстроту сменяющихся художественных событий и их наметившуюся ситуацию» [89, с. 4]. В современные литературные течения, обозначенные Л.В. Сафроновой [89, с. 79], вписывается прозаическое творчество проанализированных нами современных художественно-документальных и художественных текстов.

На необходимость исследования языка художественного произведения в контексте постмодернистского направления современной культурной парадигмы указывают многие ученые. Отмечая значительный вклад структуралистов в изучение поэтического языка и художественного текста, польский лингвист А. Киклевич подчеркивает значимость такого рода исследования в свете антропологической парадигмы. Ученый пишет: «… совершенно очевидно, что изучение художественного текста в контексте идей и методов лингвистической прагматики и когнитологии представляет значительный интерес − и как возможность верификации репрезентативных интенций указанных научных направлений, и как возможность нетрадиционного подхода к традиционным проблемам художественного текста» [90, с. 270].

Обусловленность класса возможных миров ученый связывает с прагматическими пресуппозициями, определяя их как общие для коммуникантов пропозиции, определяющие границы речевой ситуации [90, с. 270]. Он подчеркивает значимость этих границ для успешной коммуникации: «Это означает, что речевая стратегия формируется с учетом возможных состояний референциальной ситуации. Осмысленность высказывания требует, чтобы оно было истинным хотя бы в одном из возможных миров, задаваемых пресуппозициями» [90, с. 270].

На наш взгляд, в данном случае требует уточнения представленная в приведенных цитатах терминология, в частности термины «пресуппозиция», «пропозиция», «референциальная ситуация».

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, пресуппозиция представляет собой «термин лингвистической семантики,

обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте» [1, с. 396]. Авторы словаря, классифицируя типы пресуппозиций, выделяют класс прагматических пресуппозиций, схематически представляя их сущность следующим образом:

’предложение S имеет прагматическую пресуппозицию P, если при любом нейтральном употреблении S в высказывании говорящий считает P само собой разумеющимся или просто известным слушателю’ [1, с. 396].

В качестве компонента лингвистической семантики используется также термин «пропозиция» − семантической инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [1, с. 401].

Термин «референтная (референциальная) ситуация» основан на понятии «референция», под которой подразумевается «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности» [1, с. 411; 51]. Иными словами, референция и основанная на этом явлении референтная ситуация состоит в том, что используемые для ее изображения языковые средства плана содержания и плана выражения языкового знака полностью идентичны, насколько это позволяют ресурсы данной языковой системы. Несомненно, что сущность референтной (референциальной) ситуации, степень референтности изображаемого необходимо оценивать с учетом теории асимметрии языкового знака, разработанной С.О. Карцевским [91].

Рассматривая явление референции применительно к семантике нарратива, Е.В. Падучева выделяет две составляющие этого понятия: соотнесение и соотнесенность. Соотнесение определяется ученым как корреляция между изображением действия или ситуации в высказывании и внеязыковыми объектами и ситуациями. Понятие соотнесенности связывается с отношением, в которое вступают языковые выражения в контексте речевого акта. Она пишет: «Языковой текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир, с которым он соотносится, − будь то реальный мир или вымышленный, как это имеет место в художественной литературе. В случае вымышленного мира референтами языковых выражений будут объекты и ситуации в вымышленном мире текста» [3, с. 244].

С наличием прагматической пресуппозиции А. Киклевич связывает, в частности, коммуникативные неудачи. В качестве одной из них он приводит следующий пример, фактический материал которого извлечен из «Литературной газеты». Русский специалист делится своими впечатлениями о системе университетского образования в США, интересуясь при этом, *«за сколько «неудов» студента вправе отчислить*». Как видим, возможный мир передается в данном случае в виде вопроса, заключающего

предположение, проецируемое на план будущего. Вместе с тем он получает результат «*Меня не поняли*», поскольку база знаний адресата исключает все пресуппозиции, которые являются истинными для адресата.

Е.В. Падучева отмечает «изменение правил интерпретации языковых элементов в нарративе», что обусловлено «особым коммуникативным режимом функционирования языка». Он заключается в том, что читатель художественного текста главным образом имеет дело с повествователем, а автор произведения присутствует в тексте как создатель заведомо вымышленного мира, тем самым разрушая «иллюзию реальности» [3].

По справедливому утверждению А. Киклевича, специфика художественного текста, заключающаяся в его «непрозрачности», «проявляется и в том, что в его основе лежит особый языковой код, обладающий максимальной степенью специализации, включенности в сознание и миросозерцание автора. Художественный текст ориентирован на специфическую, «вторую» действительность − субъективную картину мира художника, объединяющую в себе множество его пресуппозиций, пропозициональных установок и интенциональных состояний». Эту «вторую» действительность, альтернативную реальной действительности, ученый определяет как «один из возможных миров, точнее − один из трансцедентных возможных миров, или макромиров» [90, с. 273]. Как видим, он выделяет «два уровня обобщенности понятия возможного мира, положенные им в основу методики анализа фактического материала:

1) возможные миры как ситуации и события (онтологические сцены), при этом можно различать как минимум два их типа: референциальные (или онтологические), т.е. ситуации/события, которые описываются в высказывании/тексте, и коммуникативные (интерактивные), т.е. ситуации социального взаимодействия с использованием речевых сообщений;

2) возможные миры как виртуальные коалиции ситуаций и событий, т.е., с одной стороны, так называемые предметные области, а с другой стороны, коммуникативные сферы − такие как наука, СМИ, образование, повседневная коммуникация и др.».

Согласно концепции ученого в художественном тексте обнаруживаются категории, как первого, так и второго уровней [90, с. 273].

Анализируя семантику нарратива в контексте прагматики, Е.В. Падучева опирается на принцип диалогичности, выдвинутый применительно к художественному тексту М.М. Бахтиным. В его теории противопоставления «Я и Другой» Е.В. Падучева обращает внимание на коммуникативную неполноценность художественного текста; так как, если рассматривать с позиции читателя, то присутствует отдаленность от говорящего; с позиции же автора − отсутствие синхронного адресата. Ученый особо акцентирует внимание на понятии «полифония», заключающемся в следующем: «… мы слышим совместное звучание нескольких голосов, т.е. когда в романе или рассказе различается несколько говорящих субъектов −

каждый со своей идеологической позицией, со своим языком, восприятиями, предрассудками, фоновыми знаниями и т.д.» [3, с. 217-219].

Рассматривая репрезентацию языковых средств возможных миров, А. Киклевич справедливо акцентирует внимание на сфере словоупотребления. Он подчеркивает: «Словоупотребление в художественном тексте соотносится не только со спецификой идиолекта автора, но и с особенностями возможного мира, который с той или иной полнотой репрезентирован в тексте. При этом надо иметь в виду, что степень субъективности и искренности художника варьируется». В частности, современный ученый останавливается на употреблении языковой метафоры, давая ей интерпретацию с учетом теории возможных миров, и приходит к выводу о том, что ряд словоупотреблений при неизменности лексических значений соотносится в определенном контексте «с нестандартными возможными мирами, т.е. такими, которые менее характерны для определенной культуры». В качестве примера приводится следующее высказывание с глаголом *завести (себе*) в значении ’приобрести что-л., обзавестись чем-л.’: «*Он вселился в новую квартиру и первым делом завел себе пачку зеленого цейлонского чая»*, где пачка цейлонского чая в данном контексте уподобляется живому существу [90, с. 275]. Рассмотрев данное и подобные словоупотребления, А. Киклевич приходит к выводу, что неузуальное словоупотребление в тексте «может означать не только языковую метафору, но особое, нетривиальное семантическое содержание текста» [90, с. 276].

Изложенные положения ученого, а также тот факт, что «при интерпретации текста важно учитывать и коммуникативные возможные миры, т.е. особые социальные условия бытования сообщений», составляют методологическую базу избранных для анализа произведений.

Особый интерес представляет интерпретация фикционального текста в художественном произведении, в качестве которого выступает *сновидение*. С вербальной точки зрения, согласно произведенному В.В. Савельевой филологическому анализу онейрических текстов, «переходя из визуальной субстанции в вербальную, сновидение обретает статическую форму» [92, с. 32]. Это онейрический текст, представляющий собой последовательную цепь высказываний, содержащих элементы живой спонтанной речи. Возможный мир в онейрическом тексте представлен как онейрическое пространство, поражающее «сочетанием мнимо жизнеспособных форм с явно фантастическими» [92, с. 53]. Онейрическое время «принадлежит внутреннему миру персонажа и измеряет ситуации его альтернативного существования…» [92, с. 58].

Для нашего исследования значимыми являются полученные казахстанским ученым результаты анализа постмодернистских текстов в заданном контексте. Как подчеркивает В.В. Савельева, «литература постмодернизма продолжила диффузию сна и яви в пределах одного текста» [92, с.79]. Данный постулат прошел апробацию при анализе романа

В. Пелевина «Чапаев и Пустота», в котором возможные миры формируются на основе «раздвоения мира между сном и явью, историческим временем и сумасшедшим домом». Примечательны следующие слова главного персонажа: «*И этой секунды хватило, чтобы увидеть обман, стоявший за тем, что я всегда принимал за реальность…*» [92, с. 79].

На возможность исследования историко-документального нарратива с позиций постмодернистской культуры указывают исследования С.М. Алтыбаевой. Романы «Сны окаянных» А. Жаксылыкова, «Мертвые бродят в песках» Р. Сейсенбаева, повесть «Кипчакская красавица» М. Магауина интерпретируются исследователем в свете «постмодернистского модуса «с его достаточно вольным «обращением» с различной тематикой, в том числе и с интерпретацией исторических сюжетов и образов» [93, с.80]. Выводы, сделанные ученым, теоретически значимы для нашего исследования, поскольку обусловливают возможность анализа произведения С. Алексиевич «Чернобыльская молитва» в ряду произведений собственно постмодернистского направления. При этом нами принимается во внимание тот факт, что С.М. Алтыбаева трактует подобную прозу с «постмодернистским модусом» как квазидокументальный нарратив [93, с. 79]. На примере анализа повести «Кипчакская красавица» она доказывает «преднамеренное смешение нарративных точек зрения». Читателю «предлагается принять рассказываемую историю за реально произошедшие события». Мистификация пространства и времени, квазифактографичность событий обусловливает семантику возможных миров, отражённую в повести [93].

Особо следует подчеркнуть, что изложенный литературоведческий анализ Л.В. Сафроновой, В.В. Савельевой, С.М. Алтыбаевой применительно как к постмодернистским, так и к онейрическим художественным текстам, не нашел достойного отражения в лингвистическом анализе. Необходимость его проведения достаточно четко сформулировала казахстанский литературовед С.М. Алтыбаева. Документальный нарратив «дает возможность автору встряхнуть историческое сознание и память неравнодушного к родной истории читателя» [93, с. 82]. Применительно к настоящему исследованию все это позволяет интерпретировать проспектив в художественном мире документально-художественной прозы, в частности, в произведении С. Алексиевич «Чернобыльской молитвы».

«Человек в речи» в контексте нарратива

Важно отметить также, что для художественного текста огромную роль играет вымысел. Данному речемыслительному феномену посвящены исследования Е.Ю. Ильиной. Ученый подчеркивает, что такого рода феномен мотивируется стремлением модифицировать представления о мире как «ином» варианте видения и описания мира [94, с. 470]. Это деятельность, основанная «на процедурах творческого использования категориально-семантического потенциала единиц языка» [94, с. 217]. Вымысел представлен в ее

исследованиях как феномен, занимающий промежуточное положение между истиной и ложью, для которого при изображении мира словом характерна различная степень правдоподобия [94, с. 221]. Не случайно А.П. Бабушкин вводит понятие «детализированная картина допускаемых событий» и определяет параметр как «характер и степень удаления мысли от фактического положения дел в действительности» [76, с. 24].

Е.Ю. Ильина отмечает, что основанием вымысла служит гипотетическая референция, устанавливающая определенную воображаемую предметную плоскость высказываний, построенных на некоторых мирах, существующих только в воображении человека. При этом, как отмечает ученый, «дескрипции возможных миров непременно соотносятся с онтологическими свойствами мира реального» [94, с. 226]. Данное утверждение соответствует идеям ученых, исследующих семантику возможных миров, и тому постулат, что возможный мир, независимо от его разновидности, то есть вплоть до ирреального мира, построенного на фантазии, не может быть алогичным.

В обозначенном положении присутствует также и точка зрения В. Шмида, которая высказывалась выше: во главе угла художественного текста лежит фикциональность, основу которой составляет вымысел. Ученый определяет данный феномен как собственный мир творческой личности, которым и является автор художественного произведения. Но даже в самых фантастических произведениях этот собственный мир должен основываться на логико-философских законах человеческого бытия. Согласно В. Шмиду, литературный вымысел – это фикция, оценивающаяся как положительный момент [95]. Думается, что связано с эстетической функцией как доминирующей функцией художественного текста.

В то же время семантико-логическую основу возможных миров не следует отождествлять с реальным миром, которого нет в данный момент, но который возникает в воображении. Подчеркивая это, мы ссылаемся на мысль А. Вежбицкой, которая утверждает, что значение языковой единицы не может быть сведено к идентичному отражению фактов и событий реального мира. Предметом семантики, по ее мысли, является не сам реальный мир, а его концептуализация человеком [96, с. 8]. Это положение применимо к человеку как креативной личности, которой являются авторы текстов, положенных в основу анализа настоящего диссертационного исследования. В этой связи актуальным оказывается интерпретация автора текста как речевой личности.

Речевая личность в лингвистической литературе трактуется в рамках формулы ’человек в языке’[97, с. 51]. Так, Л.К. Жаналина акцентирует внимание на выделении в рамках понятия «языковая личность» термина «речевая личность», смещая акцент формулы ’человек в языке’ на речевую деятельность: ’человек в речи’. С опорой на Л.П. Клобукову она рассматривает речевую личность как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей» [98, с. 66]. Л.К. Жаналина, с учетом мнения Ю.А. Прохорова, развивает теорию «речевого фокусирования языковой

личности», а именно теорию «собственно речевой личности» как феномена, вступающего в коммуникацию внутри одной культуры. В рамках излагаемой теории применительно к нашему исследованию значимость представляют следующие утверждения Л.К. Жаналиной:

1. Функционально-стилевой компонент нормы, предполагающий установление ограничений при использовании языковых единиц в рамках того или иного стиля, а также диктующий принципы организации композиционно-речевой структуры соответствующих текстов составляет лингвистический аспект речевой личности [98, с. 66-67].

2. Построение текстов (отдельных высказываний) в соответствии с коммуникативными установками говорящего и воплощением определенной ситуации общения составляет коммуникативно-прагматический аспект речевой личности [98, с. 67-68].

3. Речевая ориентация говорящего формирует основу коммуникативно-прагматического уровня речевой личности. Согласно справедливому утверждению Ю.А. Прохорова, модель речевой личности базируется на коммуникативном пространстве и состоит из трех элементов: действительности, текста и дискурса. Текст соотносится с языковой личностью, дискурс – с речевой личностью [98, с. 73].

В связи с первым из изложенных утверждений отметим, что оно предполагает анализ языковых единиц с темпоральной семантикой в соответствии с выполняемой ими функцией в художественном тексте как семантической составляющей произведения и дискурсивной составляющей его автора как речевой личности.

Второе утверждение из выделенных нами утверждений в теории Л.К. Жаналиной диктует необходимость учитывать используемую автором художественного текста речевую тактику для воплощения заданных им коммуникативных интенций. В рамках данного исследования их учет ограничивается языковыми единицами с темпоральной семантикой, реализованными в художественной ткани произведения, то есть в коммуникативном пространстве как месте осуществления речевой деятельности. При этом под коммуникативным пространством, вслед за Ю.А. Прохоровым, мы будем понимать «совокупность сфер речевого общения, в которой определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия» [98, с. 72].

Третье утверждение касается реализации автора как речевой личности в дискурсивной деятельности, которая единодушно связывается учеными с коммуникативной компетенцией [98; 114]. При этом дискурсивная деятельность, проявляемая в художественном тексте, превращается в творческую деятельность автора. Сказанное предопределяет конкретизацию речевой личности в частночеловеческой креативной речевой личности, штрихи которой сквозь призму проспективной семантики мы попытаемся представить.

Итак, на основании изложенного мы выработали основанную на лингвистическом постмодернизме теоретическую модель интерпретации проспективной семантики, воплощающей возможные миры в художественном тексте.

Понятие «лингвистический постмодернизм» было введено в оборот известным ученым Н. Ф. Алефиренко [99, с. 387-400]. Он определяет постмодернизм как социокультурную ситуацию утраты упорядоченности и произвольного соединения разнородных феноменов. По словам ученого, главная ориентация постмодернизма – ориентация на текст, где устанавливается параллель: нелинейность картины мира – нелинейность языков, картины мира [99, с. 389].

Другим моментом, позволяющим говорить о «лингвистическом постмодернизме», – это человеческий фактор в языке [99, с. 388-389], благодаря которому через проспективную семантику, проецируемую на возможный мир, передается постмодернистская система ценностей. В связи с этим нами предлагается следующая модель проспективной семантики.

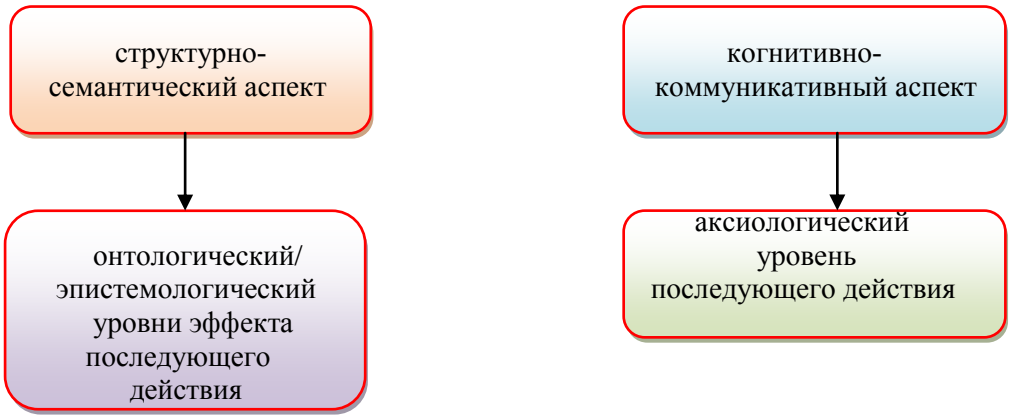

Рисунок 6 − Теоретическая модель интерпретации проспективной семантики, воплощающей возможные миры, лист 1

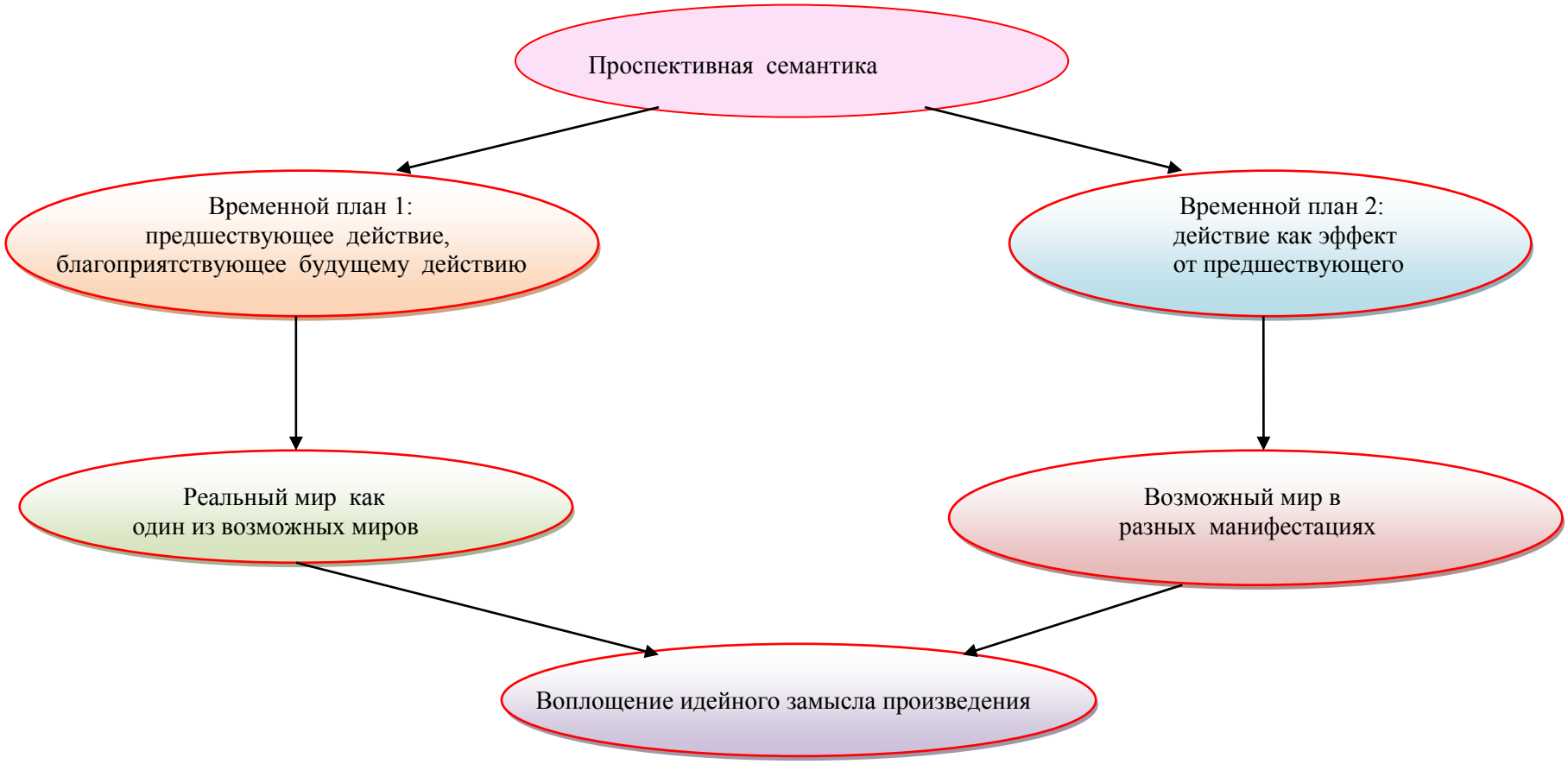

Рисунок 6, лист 2

Выводы по первому разделу

1. Проспективная семантика, сущность которой заключается в воплощении облигаторных будущих действий, основанных на создавшихся благоприятных условиях для их осуществления, формирует семантическую субкатегорию проспективности, подчиненную семантической категории футуральности.

2. Семантическая субкатегория проспективности является смежной в семантическом плане семантическим категориям футуральности, аспектуальности и модальности.

3. Ядерным компонентом субкатегории проспективности является проспектив, идентичный по своей семантике древнерусскому условному будущему времени и Future Perfect либо Future Continuous Perfect современного английского языка.

4. Формирование проспективной семантики в проекции на возможный мир в русском художественном тексте основывается на специфике русского менталитета, состоящей в постоянном стремлении переоценивать реальность прошлого и настоящего с точки зрения предположительного будущего (по И.П. Ильину); а также в мечтательности («жить по мечте», по В.В. Колесову).

5. Филологическое понятие возможного мира базируется на логико-философской основе, согласно которой реальный мир трактуется как один из возможных миров.

6. Проспектив, проецирующий на возможный мир, находит выражение в русской языковой системе в спектре разных языковых средств, доминирующими среди которых являются конструкции с условной семантикой, включающие глаголы в будущем времени.

7. Использование проспектива с проекцией на возможный мир в художественном тексте позволяет автору как креативной речевой личности передать неизбежность предсказуемых в будущем действий и тем самым выразить авторскую позицию.

2 ВОПЛОЩЕНИЕ ВОЗМОЖНОГО МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОСПЕКТИВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

2.1 Содержание текста как основа формирования проспективной семантики

Семантическая основа современного художественного текста базируется на его содержании в целом и на отдельных фрагментах смысла. Сюжеты избранных для анализа текстов обосновывают его семантику, связанную с проспективом. В частности, в произведении Св. Алексиевич «Чернобыльская молитва» четко прослеживается два параллельных времени: до случившейся трагедии и после нее [100 с. 112]. Благодаря этому воплощается аксиологический аспект проспективной семантики: мысль о том, что советская система предопределила катастрофу и вслед за этим наступившую переоценку ценностей. Данный аспект выражен также в рассказе М. Веллера «Колечко», в котором студенческий период жизни главного героя, связанный с убийством лучшего друга и женитьбой на его невесте, ограничивается временными рамками от до − и после − убийства. Два пространственно-временных континуума обозначены в рассказе И. Одегова «Пуруша». Пуруша как мифологическое существо, подобно Иисусу Христу, спасает мир от катастрофы, но, просыпаясь, становится жертвой этого мира. Период безвременья 90-х годов предопределяет душевную травму героя рассказа В. Пелевина «Принц Госплана». Порожденный советской системой человек не способен адаптироваться к изменившемуся времени. Обыкновенный программист Саша Лапин мечется между реальным пространством и пространством компьютерной игры.

Тот факт, что в избранных для анализа произведениях последующий временной период обусловлен предыдущим, позволяет говорить о проспективной семантике их текстов на содержательном уровне.

Сюжетная обусловленность прослеживается также в перевоплощениях образов персонажей этих произведений. В частности, обычные белорусские сельчане после чернобыльской трагедии превращаются в маргиналов в «Чернобыльской молитве»; отец неродной дочери – в потенциального жениха и т.д.

В подавляющем большинстве произведений Б. Акунина персонажами являются англичане. Портрет самого писателя изображается на первых страницах, и он ‘писатель’ оказывается, в конечном счете, в роли второстепенных героев романов. Следует подчеркнуть, что его романы носят исторический характер и раскрывают в своеобразной форме идеологию самого писателя. В произведениях Б. Акунина четко обозначается его жизненная позиция по целому ряду исторических событий, связанных с Россией. Это обусловлено тем, что он является не только известным писателем, но и идеологом, литературным критиком, политическим деятелем. Его

идеологические установки органично вписываются в постулаты новой постмодернистской культуры и литературы [101].

Темпоральный синкретизм, проявляемый в рассказе И. Одегова «Пуруша» в том, что прошлое перепутывается с настоящим и будущим, обосновывается мифологической направленностью рассказа. Как подчеркивает А. Кемпинский, «в языке мифологической эпохи нет противопоставления настоящего, прошлого и будущего» [102]. Анализируемый рассказ построен на древнеиндийском мифе о Пуруше как вселенском человеке, олицетворяющем космическое начало, не ограниченное временем и пространством. В этом персонаже Г.В. Авдонин усматривает образ, символизирующий жертву. Он пишет: «Смысл жертвы состоит в том, что жертва имеет «последствия» не только для жертвующего, но и для других. Пуруша своей жертвой создает Вселенную, Христос – спасает людей» [103]. Темпоральный синкретизм предопределяет существующих трансформаций персонажей, что способствует актуализации циклического времени в рассказе [97, 104, 105].

Небольшой объем, единая сюжетная линия и однозначный идейный замысел произведения М. Веллера «Колечко» [106] позволяют обозначить жанр данного произведения как рассказ. Актуализация футуральной семантики обусловливается в нем, на наш взгляд, как своеобразием подачи сюжетной линии, так и комплексом языковых средств, используемых автором для воплощения этого своеобразия [107, с. 144-145].

Сюжетная обусловленность анализируемых произведений предопределяет комплекс языковых средств, воплощающих проспективную семантику.

Обобщенно данные наблюдения нами показаны в следующей таблице (таблица 2).

Таблица 2 − Идентифицирующие факторы анализируемых текстов

Название произведения	Временная локализация: два временных плана	Пространственная локализация: два пространственных плана	Сюжетная линия: перевоплощение образа
1	2	3	4
Б.Акунин «Внеклассное чтение»	Екатерининский/ современный Постперестроечный	Россия периода Екатерины Второй/ Современная Россия	Семилетний вундеркинд при Екатерине Великой/русский англичанин Николас Фандорин
С. Алексиевич «Чернобыльская молитва»	Советский, до Чернобыльской трагедии/после трагедии	Незагрязненная территория Беларуси /загрязненная территория Беларуси	Жители белорусского Полесья/изгои, маргиналы

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
В. Пелевин «Принц Госплана»	Советский период/ постсоветское безвременье 90-х гг. XX века	Постсоветское бюро Госплана/ игровая территория	Обычный программист /персидский принц
М. Веллер «Колечко»	Студенческая жизнь/семейная жизнь	Областной центр/глубинка	Приемный отец/ потенциальный жених падчерицы
И. Одегов «Пуруша»	До сотворения мира/сотворение мира	Замкнутое для Пуруши пространство/открытое для обычных людей пространство	Пуруша как мистическое существо/ обычный мальчик

Параллельные миры в контексте проспективной семантики в художественном тексте

Семантика возможных миров наиболее значимо актуализируется в художественном тексте. Как уже подчеркивалось, одним из важных свойств повествования в художественном тексте известный ученый нарратолог В. Шмид называет фикциональность. Противопоставляя историка автору-нарратору, исследователь отмечает, что историк изображает реальность, а автор – вымысел. Креативный автор создает собственную действительность, а не просто отражает её. Иными словами, он создает собственный мир. Сущность фикциональности как свойства художественного текста заключается в том, что весь мир, о котором повествует нарратор, является фиктивным. Вместе с тем само понятие «фиктивный», в отличие от банального вымысла, выдумки, содержит сему ’подделка, претендующая на действительность’ [95].

Сказанное позволяет утверждать, что весь художественный текст, основанный на вымысле, однако не являющийся алогичным, может интерпретироваться как единый возможный мир. Возможный мир художественного текста черпает элементы из разных реальных миров, дискурсов культуры, к которой он принадлежит [108, с. 401]. И в этом смысле возможный, или в терминологии В. Шмида фиктивный, мир приобретает значимость, выполняя эстетическую функцию языка художественной литературы [95].

Особый интерес представляет воссоздание параллельных миров в произведении Б. Акунина «Внеклассное чтение»: первый параллельный мир – последний год царствования Екатерины Великой, второй – современная Россия. Первый мир развертывается в виде сюжета, в котором семилетний мальчик Митридит, вундеркинд, становится невольным свидетелем заговора против императрицы. Спасая сластолюбивую царицу, ребенок сам подвергается гонению, вплоть до покушения на его жизнь. Благородный отшельник Данила

Фондорин, однако, спасает ему жизнь. Второй изображаемый в романе мир включает сюжет, отражающий жизнь в современной России. Модный пластический хирург путем криминальных действий пытается стать самым значимым врачом косметической фармакологии. Ради многомиллиардных прибылей он готов пожертвовать жизнью собственной дочери. И только «русский англичанин» Николас Фандорин спасает девочку. Отрицательные действия героев несовместимы с человеческой моралью, следовательно, провоцируют негативные будущие последствия, воплощаемые в проспективной семантике.

В повести В. Пелевина «Принц Госплана» параллельные миры изображаются на фоне безвременья 90-х годов, связанного с развалом Советского Союза. Автор обращается к теме человека, потерявшегося между двумя пространствами: реальным и виртуальным [109, с. 161]. Граница между этими пространствами (мирами) оказывается размытой. Компьютерная игра является важным и наиболее серьезным занятием героя произведения – обычного программиста Саши Лапина, благодаря чему реальность тускнеет, становится иллюзией и принимает на себя роль лишь бледного фона, живущий между двумя мирами герой не может дать отчетливого ответа на вопрос: он – обычный «совковый» служащий или принц из игры «Принц Персии», основная цель которого пройти сквозь все препятствия и спасти принцессу? Реальный мир представлен в рассказе зыбким и неустойчивым: Саша ежедневно приходит на работу, носит бумаги, тихо ненавидит начальника, старается не пересекаться с коллегами по работе [86, с. 96]. В виртуальном мире главный герой находит себя путем преодоления препятствий для спасения принцессы. Оказаться в виртуальном мире возможно благодаря компьютерной игре, которая, на наш взгляд, представляет собой метафору, воплощающую суть этого мира. Подобно игре, он воспринимается как череда искусственных конструкций, к которым относится советский строй, идеология марксизма-ленинизма, теория Дарвина, психоанализ Фрейда и т.д. Человек вынужден блуждать среди этих конструкций в поисках настоящей действительности, которая по сути своей скучная и тусклая. Таким образом, условия современной реальности предопределяют негативное будущее как безвременье.

Соприкосновение реального и виртуального миров (событий) своеобразным образом отражается и в «Чернобыльской молитве» С. Алексиевич – белорусской писательницы, получившей за свое творчество в 2015 году Нобелевскую премию. Зыбкая граница, вплоть до ее размывания, с одной стороны, и четкая временно-пространственная граница мира Чернобыля, с другой стороны, обусловливаются подзаголовком и самим жанром произведения [100, с. 109].

Подзаголовок «Хроника будущего» в своей, казалось бы, противоречивости указывает на два временных плана: *хроника* – на план прошлого, *будущего* – на план будущего. Смысловое соединение данных слов в едином словосочетании порождает своего рода оксюморон,

свидетельствующий о зыбкости временных границ. Не случайным поэтому является известное высказывание самой писательницы: «Мне кажется, я записываю будущее» [ЧМ, с. 3], предопределяющее проекцию прошлого на будущее. В соответствии с семантикой проспектива записанное прошлое способствует прогнозам на будущее, которое в данном случае не внушает оптимизма.

Четкая пространственно-временная граница повествования обусловливается также жанром произведения, определяемым как документально-художественная проза и предполагаемым как правдивое изложение исторических событий (компонент термина *документальная*), так и художественный вымысел (компонент термина *художественная*) [100, с. 109].

В монологах людей, которых непосредственно затронула чернобыльская катастрофа, образующих единую полифонию, отражается мир Чернобыля как возможный мир, состоящий из спектра реальных и виртуальных миров [100, с. 109].

И в связи с подачей сюжетной линии в произведении М. Веллера «Колечко», провоцирующей проспективную семантику, можно выделить несколько следующих моментов, способствующих формированию возможных миров. Первый из них связан с отсутствием в произведении последовательной зависимости двух философских категорий: времени и пространства. Действие героев рассказа привязано главным образом ко времени и лишь эпизодически к пространству. Согласно сюжету, в рассказе отсутствует четкое обозначение пространства, в котором разворачиваются события. Как некий областной центр оно упоминается лишь в случае прогнозируемых расчетов главного героя произведения, позволяющих ему избежать грядущего распределения после окончания медицинского института, которое отнюдь не предполагало получения работы в большом городе: *до распределения они рожают ребенка, и их оставляют в областной больнице* [107, с. 145]. Таким образом, смысловая нагрузка пространства незначительна, что предопределяет смещение действий героя во временную траекторию, провоцирующую главным образом футуральную семантику [107, с. 145] в ее вариативной форме проспектива. На возможность формирования проспектива в данном случае указывают благоприятные условия (рождение ребенка), позволяющие воплотить задуманные планы в жизнь в ближайшей перспективе.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что совершенно проигнорировано обозначение пространства в одной из последних реплик героини – дочери семейства, о котором идет речь в рассказе: «*Я уеду отсюда, выйду замуж, стану ей помогать»* [К, с. 10]. Как следует из представленной реплики, пространство передается в данном случае фрагментарно, лишь посредством использования наречия *отсюда*. Героиня делает прогноз с актуализацией на будущие действия, вне зависимости от пространства, на котором они будут разворачиваться. Сравнение же данного и предшествующего фрагментарно обозначенных пространств свидетельствует

об их аксиологической противоположности в отношении перемещения героев. Если первое из пространственных перемещений в суждениях главного героя получает негативную оценку (перемещение из областного центра на периферию), то второе в суждении героини рассказа – оценку позитивную (из областного центра в неведомое пространство) [107, с. 146].

Между тем ученые-философы единодушно указывают на взаимозависимость времени и пространства. Так, Вяч. Волков, обозначая основные свойства времени, подчеркивает его «неразрывную связь с пространством и движением» [110]. На основе философской теории отрыв времени от пространства сводит на нет будущее героев анализируемого рассказа.

Второй момент, провоцирующий проспективную семантику в произведении, обосновывается теорией философии имени. Согласно данной теории, имя человека является тем индикатором, благодаря которому он идентифицируется как личность, отличная от других [107, с. 146]. В частности, В.И. Постовалова, анализируя теорию А.Ф. Лосева, связанную с философией имени, выделяет три основных тезиса ученого, объясняющих его концепцию: «1) Имя не есть звук, но сама вещь, данная в разуме; 2) Имя есть энергия сущности вещи и, следовательно, несет в себе все функции (интеллигентные, мифологические и личностные) и 3) Только при таком понимании имени и возможно обоснование общения субъекта с объектом» [111, с. 41-68].

Как показывает анализ, согласно первому тезису ученого, имя не является простым сочетанием звуков, а выполняет функцию отождествления себя с вещью. Таким образом, безымянная вещь априори не существует в сознании человека применительно и к пространству, и ко времени. Второй из представленных тезисов заключает в себе синергетическую сущность имени, проявляющуюся в вещи. Причем, согласно третьему утверждению философа, альтернативы такому пониманию сущности имени быть не может [107, с. 147].

В анализируемом рассказе имя не несет достаточной смысловой нагрузки, поскольку среди участников событий обозначено имя лишь одного из героев – Брянцева. Смещение имени на задний план, как незначительного для раскрытия идейного замысла автора, предопределяет значимость действия как такового, что непосредственно ведет к актуализации временного плана, воплощаемого, прежде всего, в футуральной семантике. В то же время на основе изложенной сути философии имени игнорирование имени имплицитно предопределяет невозможность будущего героев [107, с. 147].

Следующим своеобразным моментом подачи сюжетной линии рассказа, связанным с проспективной семантикой, является способ, который мы условно обозначаем как семантику ʾтраектория перевоплощения объекта в сознании субъектаʾ. Она соотносится с дочерью героев рассказа. В качестве субъекта в данном случае выступает главный герой произведения – врач по профессии и преступник в жизни, а в качестве объекта – его неродная дочь. В сознании субъекта объект первоначально предстает как плод, поскольку ему известно о

тайной беременности девушки – его будущей жены, далее объект перевоплощается в ребенка, затем в «родную» любимую дочь и, наконец, в потенциальную невесту. Если первый из обозначенных объектов имеет имплицитную вербализацию, поскольку передается посредством лексемы *беременна*, предполагаемый плод, то три последующих эксплицируются автором благодаря использованию соответствующих лексических средств: *ребенок, дочь, невеста* [107, с. 148].

В контексте прогноза героя как составляющей футуральной – и уже проспективной – семантики неравнозначность обозначенных объектов, на наш взгляд, заключается в том, что первые три из них (плод, ребенок, дочь) спрогнозированы изначально и вписываются в систему человеческих ценностей. Последний из объектов – невеста отца, хотя и неродного, – выходит за рамки этих ценностей [107, с. 148]. Не случайно данный прогнозируемый объект не имеет ничего общего с первоначально прогнозируемой футуральной траекторией и возникает в воображении героя позднее: «(я) *понял, что это моя жизнь – ошибка, я не на той женился, а надо жениться* ***на дочери***. *И логически подумал, что могу это сделать, так как она мне, во-первых, не дочь, а во-вторых, меня любит»* [К, с. 7]. Извращенный прогноз в контексте данного перевоплощения (дочь в невесту) также сводит на нет будущее героя [107, с. 148].

Символичной представляется также семантика перевоплощения объекта, в качестве которого выступает колечко. Если в начале рассказа оно является реальным предметом, символом любви, то в конце оно представлено как подделка. Подделка не может стать символом, заменяющим настоящие чувства, что также предопределяет жизненный крах героя в будущем [107, с. 148].

Художественное время как еще один из компонентов феномена времени в жанре художественно-публицистической прозы позволяет воспринимать временные планы в единой плоскости протекания: прошлое через будущее, будущее через прошлое и настоящее, что находит отражение в документально-художественной прозе Св.Алексиевич, одно из произведений которой – «Чернобыльская молитва (хроника будущего)» − легло в основу фактического материала настоящего исследования [112].

Словосочетание *хроника будущего* с опорным словом *хроника* предопределяет его жанр как хроника, который предполагает, прежде всего, последовательное изложение прошедших событий [113, с. 279]. Однако зависимое слово *будущего* разрушает этот стереотип и свидетельствует о намерении автора описывать во временной последовательности предполагаемые события в проекции на план будущего.

Апокалипсический характер данных событий проистекает из прошлого чернобыльской катастрофы. Отсюда взаимопересечение прошлого и будущего как временных плоскостей в произведении. Оно выражается в противопоставлении светлого мира прошлого многоголосию простых людей, не

видящих перспективы в будущем [19, с. 347]: «*Как мне дальше жить? Я была счастливая»*...[ЧМ, с. 132-133].

Сакрализация плана прошлого как мира надежд и счастья находит выражение в словосочетаниях *прежний мир, целый мир, другое время* в сочетании с наречиями времени типа *тогда*, проецирующих на план прошлого, а также в субстантивированных прилагательных *прошлое, будущее*, например [19, с. 347]: (о муже) *А мне и в голову* ***тогда*** *не могло прийти,* ***что надо было не отпустить,*** *а ему, наверное, − что он* ***мог не поехать****. Это же* ***было другое время****, как военное. И* ***мы были тогда другие*** [ЧМ, с. 131]. *Да, мы* ***можем*** *их* ***вывезти*** *и* ***полечит****ь, но как им вернуть* ***прежний мир****? Как им* ***вернуть*** *их* ***прошлое****?* ***И будущее*** [ЧМ, с. 62]. *Переселили сотни деревень… Десятки тысяч людей… Великую крестьянскую Атлантиду… Она рассыпалась по бывшему Советскому Союзу,* ***не собрать*** *обратно.* ***Не спасти. Целый мир*** *мы потеряли…* ***Такого мира больше не будет****, он* ***не повторится*** [ЧМ, с. 66].

План будущего представлен в траурных тонах и во многих случаях проецирует на пространственную плоскость, воплощающую несовместимость, противоречивость пространства и времени в его футуральной перспективе. С этой целью помимо топонима *Чернобыль* автор использует словосочетания *красивая земля* и подобные [19, с. 347]: ***Чернобыль…*** *У нас* ***другого мира уже не будет****…* [ЧМ, с. 74]. ***Превратили Чернобыль*** *в фабрику ужасов, а на самом деле в мультик. А его понять надо, потому что* ***нам с ним жить*** [ЧМ, с. 6]. ***Красивая*** *у нас* ***земля****! Мы тут* ***жили****, а наши дети тут* ***жить не будут*** [ЧМ, с. 68].

Концепт «Время», сквозной линией проходящий через все произведение, воплощается прежде всего в существительном *время*, встроенном в словосочетание с числительным *два* [100, с. 111]. Это также позволяет автору передать мысль о делении мира Чернобыля на две эпохи как два возможных мира: *Их сознание существовало* ***в этих двух перепадах, в двух временах – каменном и атомном. В двух эпохах*** [ЧМ, с. 90]; *в ряде случаев с актуализацией мира послечернобыльского: Я понял, что смысл имеет только* ***живое время… Наше живое время*** [ЧМ, с. 96].

Концепт «Время» функционирует в анализируемом произведении не изолированно, а в виде пространственно-временного континуума, образуя таким способом общую концептосферу «Пространство-время» [100, с. 111].

Два временных плана, актуализированных в «Чернобыльской молитве», спроецированы на два пространства. Одно пространство представляет собой чернобыльскую зону, а другое – всю остальную территорию бывшего Советского Союза [100, с. 112]. Пространственная семантика чернобыльской зоны передается с использованием существительных *родина, земля*, наречий типа *здесь* в сочетании с временными наречиями, в частности с имплицитно представленным наречием *тогда* и с эксплицитно − *теперь*: *У меня* ***здесь*** *было много друзей.* ***Теперь*** *Андрей…* «*Мы* ***умрем****, и* ***станем*** *наукой*, − *говорил*

Андрей». *Мы* ***умрем****, и нас* ***забудут***», − *так думала Катя* [ЧМ, с. 127]; ***Днем*** *мы жили* ***на новом месте****, а* ***ночью на родине. Во сне*** [ЧМ, с. 8].

Пространственно-временной континуум, основанный на реальном прошлом, воплощаемом, в частности, с помощью наречий места типа *позади*, организуется в ряде фразовых единств с участием фрагментов настоящего иллюзорного мира. Примечательно включение их в состав самого словосочетания *иллюзорный мир* как мир современного Чернобыля после катастрофы [100, с. 112]. Приведем следующий иллюстративный материал: *Мама, я* ***представил*** *себе эту* ***картину*** *– чернобыльская земля. Наша хата. Блестит новогодняя елка… А люди за столом поют революционные и военные песни,* ***будто*** *нет у них позади ни ГУЛАГА, ни Чернобыля…*» [ЧМ, с. 80]; *Никто не верил в то, что кремлевскую стену* ***можно проломить****. Пробить. И она развалится… Что не при нашей жизни, так точно. Раз так, то плевать, что у вас там происходит,* ***будем жить тут****… В нашем* ***иллюзорном мире*** *…* [ЧМ, с. 119].

Два возможных мира как два пространства, связанных с двумя временными планами – до и после катастрофы, – провоцируют частое использование в монологах героев слова *мир* в значении ’часть пространства с населенными на нем людьми’. Возможные миры предстают в этом случае как реальные миры [100, с. 112]. Такого рода фразы характерны главным образом для философских размышлений героев повествований: ***Мир разделился****: есть мы – чернобыльцы и есть вы, все другие люди* [ЧМ, с. 51]; *Я должен им объяснить, что* ***мир – это не супермаркет. Это что-то другое*** [ЧМ, с. 51]; *Я же* ***здесь*** *не живу, у меня постоянная бдительность отсутствует,* ***я из нормального мира приехала*** [ЧМ, с. 61].

Два временных плана, соотносимых с двумя пространствами, передаются также в философском осмыслении новой реальности путем использования целого спектра лексических средств, выражающих неразрывную связь техногенной и социальной катастрофы. В частности, с целью воплощения данной идеи используются слова и словосочетания типа *прошлое, наша страна, великая империя, время, эпоха, система ценностей* и др. [100, с. 112]. Например: *Люди идут сюда, как на кладбище…* ***Мир после*** *технологии.* ***Время пошло назад****… Тут похоронен не только их дом, а* ***целая эпоха. Эпоха веры****! В науку! В справедливую социальную идею!* ***Великая империя расползлась*** *по швам.* ***Развалилась*** [ЧМ, с. 120]; *Конечно, я согласен, когда пишут, что это* ***не реактор взорвался, а вся прежняя система ценностей*** [ЧМ, с. 90]; ***Осталась*** *за проволокой только земля… И могилы…* ***Наше прошлое − наша большая страна…*** [ЧМ, с. 27].

Чернобыльское пространство противопоставлено незагрязненным территориям, что также подается в проекции на темпоральную оппозицию ’прошлое – будущее’. Незагрязненные территории передаются путем использования глаголов перфектной семантики [19, с. 350]*: В* ***западном*** *искусстве все это уже* ***описали… Нарисовали… сняли****.. Они* ***готовились к***

будущему [ЧМ, с. 96]. ***В Минске помыли*** *поезда и товарные составы.* ***Будут*** *всю столицу* ***вывозить в Сибирь*** [ЧМ, с. 54].

Спорадически обозначенная идея автора воплощается в житейских намерениях отдельного человека, что метафорически передается словосочетанием *прикрыть эту дверь* в значении ’закрыть прошлое’. Характерным, на наш взгляд, в этом отношении является использование глагола *прикрыть*, указывающего на неполноту действия, поскольку полностью вычеркнуть из памяти пережитое, с точки зрения рассказчика, практически невозможно [100, с. 113]: *Моя подруга, чтобы не сойти с ума… Она… наши мужья умерли в один год, они вместе были в Чернобыле. Она замуж собирается, хочет забыть,* ***прикрыть*** *эту* ***дверь****. Дверь оттуда…* [ЧМ, с. 127].

С. Алексиевич выражает идею необходимости целостности мира. Два возможных мира как составляющие мир Чернобыля, с точки зрения автора произведения, в будущем ведут к катастрофе, передаваемой путем использования присоединительной конструкции в виде номинативного предложения, включающего лексему *апокалипсис* [100, с. 113]: *Человек отрывается от земли… Он орудует* ***другими категориями времени****, не одной землей, а* ***разными мирами. Апокалипсис****…* [ЧМ, с. 96].

Не случайно, как подчеркивает Н. Батракова, «с каждым разом читатель все глубже проникает в мир Чернобыля, благодаря чему он все яснее представляет себе этот маленький конец света» [114].

Техногенная катастрофа определятся в произведении как следствие катастрофы социальной, основанной на русской – и шире – советской ментальности, не соответствующей требованиям времени. Это, прежде всего, мечтательность, не реализующаяся в конкретных действиях; соборность, предполагающая возможность переложить ответственность на другого. Отсюда использование метафорических высказываний с участием лексемы *мечта*, словосочетания *лагерное сознание* [100, с. 113], например: *Мы − метафизики…* ***Живем не на земле, а в мечтах, в разговорах. В словах****…*[ЧМ, с. 104]; ***Думаю****, что вот это наше* ***лагерное сознание*** *неминуемо* ***должно было столкнуться с культурой. С цивилизацией, с синхрофазотроном****…* [ЧМ, с. 27].

Техногенная и социальная катастрофа как следствие столкновения требований времени и коллективного сознания советского народа метафорически передается посредством противопоставлений *машинист – вчерашний извозчик* [100, с. 113]: ***Представьте*** *себе железную дорогу, проложенную блистательными инженерами-путейцами, мчится поезд, но на месте* ***машинистов – вчерашние извозчики*** [ЧМ, с. 90].

Так концептосфера ’пространство-время’, проецируемая на социальную сферу, находит в произведении выход в иные пространства, запредельные территории бывшего СССР. Возможные миры, связанные с данными пространствами, передаются благодаря использованию вопросительных конструкций [100, с. 114], например: ***Если грубо****, то вопрос стоит так:* ***почему***

– Чернобыль? Почему – у нас, а не у французов или у немцев? [ЧМ, с. 39]. С позиций обозначенной идеи данные вопросы носят риторический характер [100, с. 114].

Вместе с тем, как известно, произведение «Чернобыльская молитва» было написано в свете событий, произошедших на АЭС «Фукусима». Это актуализирует мысль о том, что трагедия, связанная с атомом, может произойти даже в такой высокоразвитой стране, как Япония, на самой надежной АЭС. В произведении данная трагедия не затрагивается, упоминается только трагедия Хиросимы и Нагасаки [100, с. 114]: *Я читал о Хиросиме и Нагасаки, видел документальные кадры. Страшно, но понятно: атомная война, радиус взрыва… Это я даже* ***мог*** *себе* ***представить*** [ЧМ, с. 151].

Сказанное позволяет развеять миф ряда зарубежных источников о чернобыльской аварии как о следствии небрежного отношения советского человека к объекту. Идея автора шире: она, с нашей точки зрения, заложена в лексеме *молитва* как опорного слова словосочетания, обозначенного в виде заглавия произведения. В этой лексеме сконцентрирован призыв молиться за будущее человечества, поскольку природа могущественнее человека, она способна мстить человеку и в будущем может вызвать еще не одну катастрофу [100, с. 114]. Имплицитно обращенный призыв к созданию благоприятных условий, в частности, в виде молитвы, для положительных будущих действий позволяет утверждать, что проспективная семантика как идея проходит через все произведение.

При анализе языковых единиц с темпоральной семантикой в рассказе И. Одегова «Пуруша» [115] выявляется своеобразный авторский прием подачи хронотопа, носящий парадоксальный характер. Суть его заключается в том, что в канве четкого обозначения событийного пространства (действие происходит в Непале) в рассказе отсутствуют временные параметры излагаемых действий, а также некая временная точка отсчета как доминирующего момента, позволяющего характеризовать частную темпоральную семантику. С определенной долей погрешности за данную точку отсчета можно принять тот момент в рассказе, когда Пуруша, лежа с закрытыми глазами, начинает представлять себе мир [97, с. 52]: (Пуруша) ***начал представлять*** *себе* ***мир*** *…. Оглядел все это Пуруша и вдруг понял, что* ***если*** *он* ***теперь*** *откроет глаза, если хотя бы* ***на миг*** *придет в себя – то* ***мир*** *исчезнет, забудется, как сон*. В приведенном отрывке текста лексема *мир* употребляется в значении ’воображаемая действительность’, которую заглавный герой рассказа представляет как желаемую объективную действительность. Данная действительность соответствует желаниям окружающих его людей [97, с. 52]: *Сначала Пуруша вообразил землю, широкую-широкую, потом покрыл ее горами, протянул реки, налил в ямы озера, и все места, где земли не хватило, залил водой. Потом он представил себе могучие деревья и нежные цветы, выпустил на волю тигров, слонов, носорогов, косуль... Оглядел мир Пуруша и остался доволен. Не хватало только человека. Тогда Пуруша представил себе*

таких же, как он, – и в мире появились люди: мужчины и женщины. Стали они строить дома, охотиться и готовить еду на огне. Испугался Пуруша и очень огорчился, а, почуяв его сомнения, люди, звери и птицы выбрались из своих жилищ и стали Пурушу умолять сохранить им жизнь. И он, вздохнув, смирился и стал все глубже погружаться в забвение. Вот ***с тех пор*** *Пуруша и спит. Иногда он вспоминает, что сам себя обрек на вечный сон, и злится на наш мир – и тогда на земле происходят несчастья* [П].

Как видим, употребляемое в приведенном высказывании темпоральное словосочетание *с тех пор* не устраняет проблему нивелирования в анализируемом рассказе временных границ, следовательно, асемантизации времени. Это способствует переплетению эсхатологического, линейного времени с временем циклическим.

Циклическое время реализуется в виде соотношения воображаемого Пурушей мира (*с тех пор*) с миром, который повторяется в реальности восемь лет назад родившегося мальчика Камала, например [97, с. 52]: (о Камале) *Ему на днях только-только исполнилось восемь, и мир* ***все еще*** *вертелся вокруг него* [П].

Можно также предположить, что созданный в воображении главного героя мир как окружающая действительность начинает существовать для него, а вместе с ним и для окружающих его людей с тех пор, как он ощущает себя русским. В данном случае налицо игра слов в самом имени героя*: Пу-руша? – переспросил незнакомец, сощурив светлые глаза и рассматривая щуплую фигуру Камала. – Пу … руша, − повторил он задумчиво, словно пробуя слово на вкус, а потом, просветлев лицом, слабо кивнул и стукнул себя большим пальцем в грудь – а, да … **пу руша** … **русский!*** [П]

Приведенное предположение небезосновательно, поскольку оно основывается на автобиографических данных писателя И. Одегова. Согласно этим данным, он родился в России, но вырос и живет в Казахстане. В своих интервью казахстанский писатель акцентирует внимание на том, что тема пришельца ему очень близка. Он подчеркивает тот факт, что в современном мире, с одной стороны, идет диалог между нациями, культурами и языками, а с другой – наблюдается отчужденность между людьми в пределах одной культуры, что позволяет рассматривать каждого человека как маргинала [116]. Комментируя свое творчество, писатель ставит акцент на том, что центральный образ его рассказов – это образ чужака. В «Пуруше» таким чужаком является главный герой − альпинист Пуруша, который, по сути, произносит в рассказе всего несколько слов, находится в основном в бессознательном состоянии, но при этом способен изменить мир. Он влияет на мироощущение окружающих его людей, но главным образом на мироощущение непальского мальчика Камала. Чужак появляется в мире и изменяет мир. Следовательно, с этого момента появляется своего рода новая точка отсчета времени, которая создает определенные условия для будущих действий, следовательно, для реализации проспективной семантики.

Проспективная семантика заложена также в своеобразной подаче сюжетной линии рассказа М. Веллера «Колечко». К ней относится прогноз главного героя (субъект 1) прожить в будущем жизнь своего друга (субъект 2), что толкает его (субъект 1) к умышленному убийству. В качестве каузатора в данном случае выступает зависть, о чем свидетельствует следующее размышление главного героя [107, с. 149].: (о друге Брянцеве) *Мог ли я в глубине души не желать ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего…*[К, с. 6].

Если каузатор обозначить через символ К, принадлежащий субъекту 1 (S1), объект жизнь – символом О, принадлежащий субъекту 2 (S2), значок принадлежности − посредством символа Є, а само действие 'лишение' через Р, то с позиций семантического анализа структура обозначенного действия в составе его участников схематически может быть представлена в виде следующей формулы [107, с. 149] (2.5):

$$\text{К влияет на } S1ЄК \rightarrow P \rightarrow S2ЄО. \qquad (2.5)$$

Как со всей очевидностью следует из приведенной формулы, субъект 1 создает благоприятные условия для будущих действий, что также провоцирует проспективную семантику.

Таким образом, основанные на темпоральном параллелизме сюжетные линии проанализированных произведений провоцируют проспективную семантику с использованием соответствующих языковых средств, доминирующим среди которых является проспектив.

Проспектив в художественном тексте как спорадический элемент сослагательного наклонения

Значительная роль сослагательного наклонения в воплощении разнохарактерных возможных миров отмечается многими исследователями. Вместе с тем ни в одном из них не указывается на спорадический характер заложенной в нем семы проспектива. Как показывает проанализированный материал, этот аспект в достаточной мере активно используется авторами художественных произведений. Согласно анализу фактического материала, глаголы в сослагательном наклонении используются в них для передачи возможных действий субъекта при временной трансформации событий, то есть при переносе их из одной временной плоскости в другую [108, с. 403].

Проспективная семантика формируется благодаря делокализации временного параметра. Глаголы в сослагательном наклонении способствуют воплощению возможного мира, который в терминологии А.П. Бабушкина интерпретируется как мир «чужих ролей» [76, с. 32]. Конструкции, включающие данные глаголы, представляют собой реплики героев романа Бориса Акунина «Внеклассное чтение». В анализируемом произведении в их составе отмечаются личные местоимения в предложно-падежной форме,

выполняющие функцию детерминанты всего высказывания, благодаря которой достигается возможность передачи семантики ’будь я на месте S’, например [108, с. 403]: [Жанна]: *У меня* ***бы*** *такой дружок точно на свете* ***не зажился*** [ВЧ, с. 112].

В ряде случаев в данные конструкции включаются словосочетания типа *на вашем месте*, например [108, с. 403]: [Жанна Фандорину]: …. ***На вашем месте я бы убралась*** *куда-нибудь подальше* [ВЧ, с. 115].

Как видим, отмечаемая в данном фрагменте текста прескрипция совета, предполагает, что адресат им воспользуется в будущем и поступит в соответствии с ним. Имплицитно представленные условия для реализации совета с точки зрения говорящего имеются, что позволяет интерпретировать данный фрагмент текста как проспективную семантику.

Близость возможного мира к реальным событиям, так и не воплотившимся в действительное положение дел, передается в конструкциях с сослагательным наклонением глагола в контексте с лексикой или словосочетаниями, обозначающими предположение, мечты: например: ***Зная фандоринские привычки****, Мирон Любавин весьма* ***удивился бы****, увидев старого друга путешествующим в сопровождении казачка* [ВЧ, с. 93]; *В Гайчину же от начальника Секретной экспедицией* ***понесся бы*** *гонец с письмом* [ВЧ, с. 221]; [Любавин Фандорину]: *А как про клобы крестьянские* ***мечтал****, помнишь? Где поселяне зимними вечерами, когда работы мало,* ***собирались бы*** *песни играть…* [ВЧ, с. 104].

Из приведенных примеров видно, что если предположение в виде возможного мира допускаемых событий выражается на основе всего контекста, то мечты передаются путем использования глагола *мечтал*. Это позволяет автору изобразить альтернативный позитивный мир, который в принципе возможен в реальной действительности, тем самым актуализируя необходимость воплощения мечты в будущем [108, с. 404].

Уже в конструкциях с глаголом *мечтал* усматривается возможный мир в виде инсценировки чужого сознания. Глаголы в сослагательном значении представлены лексемами желания, предпочтительности. Они употребляются главным образом в составе главной части сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной частью. В главной части обозначается предпочтение, желание героя в виде благоприятного условия, позволяющего осуществить в будущем предпочтительные для говорящего действия, обозначенные в придаточной части предложения. Нетрудно заметить, что в совокупности своих содержательных и формальных средств данные сложноподчиненные предложения воплощают проспективную семантику с проекцией на возможные миры [108, с. 404]: (О Мире) [Инга]: *Я* ***бы хотела****, чтобы уже к Новому году ее можно было вывозить в свет* [ВЧ, с. 65]; (О Николасе) Он ***бы предпочел****, чтобы хозяин оказался противным, тогда было бы не так тяжело за ним шпионить* [ВЧ, с. 67].

Интерес представляют в этой связи фразеологизированные построения, например: *Глаза б тебя мои не видели*. В них передается альтернативный мир, нежелательный с точки зрения героини. В романе они используются в видоизмененном виде в реплике героини [108, с. 405]: (Женщина о своих безалаберных детях) *Глаза б мои на них на всех не смотрели* [ВЧ, с. 15]. Встает вопрос: имеет ли здесь место проспективная семантика? Думается, в данном случае имплицитно передаваемая сема невозможности осуществления действия в будущем создается неблагоприятными условиями для его осуществления. Такого рода конструкции являются, на наш взгляд, альтернативными проспективу и требуют специального рассмотрения.

Анализ значительной части высказываний произведения С. Алексиевич «Чернобыльская молитва» показывает, что в них, возможно, не нарочито, а благодаря таланту писательницы, выражается предсказание будущего человечества. Такие высказывания содержат, как правило, два возможных мира: реальный мир прошлого и виртуальный гипотетический мир с проекцией на будущее [100, с. 110].

Мир прошлого через изложение событий передает чувства и чаяния человека из народа, так называемого «маленького человека» [100, с. 110]. Н Батраков отмечает, что монологи в произведениях С. Алексиевич – это «в большей степени реконструкция чувств, нежели событий» [114]. Это могут быть отдельные эпизоды обычной жизни после аварии, передаваемые глаголами прошедшего времени, отражающими реальный мир. Такие конструкции граничат с высказываниями, в которых описывается событие виртуального гипотетического мира с проекцией на будущее с негативной окраской. Средства выражения обозначенного мира – от модальной лексики до глаголов в сослагательном наклонении и условной семантики [100, с. 110]: *Ребенок* ***плакал****… Он мог их* ***выдать****, их* ***обнаружили бы****, весь отряд* [ЧМ, с. 43]; *Когда я* ***пыталась*** *что-нибудь* ***объяснить*** *родителям своих учеников, по-моему, они* ***понимали*** *меня не больше, чем если* ***бы*** *вдруг к ним* ***заявился*** *шаман из африканского племени* [ЧМ, с. 48]; *Из города* ***ушли*** *все свои, и ты* ***остался*** *один, и должен* ***принимать решение****… А* ***если*** *что-то* ***должен совершить****, то что?*[ЧМ, с. 44]; *Их переселили.* ***Обманули****, что на три дня.* Иначе ***бы*** *они* ***не поехали*** [ЧМ, с. 53]. *Она* ***умерла*** *через несколько месяцев… Врачи ничего* ***не объяснили****. А с ее диагнозом еще долго* ***можно было жить*** [ЧМ, с. 78]; *Но это потому, что мне* ***не страшно было умирать****. Наплевать! Это был даже выход.* ***Похоронили бы*** *с почестями…* [ЧМ, с. 34].

2.2 Особенности различных языковых конструкций в формировании проспективной семантики в художественном тексте

Условные конструкции и их участие в воплощении проспективной семантики

Распространенным средством воплощения проспективной семантики, провоцирующей возможные миры, являются конструкции с условным значением. В своем исследовании мы подразделили их на:

а) собственно условные;

б) условные конструкции с инфинитивом;

в) условные конструкции с глаголами будущего времени;

г) конструкции с имплицитной семантикой условности.

Данное деление легло в основу дальнейшего анализа в настоящем подразделе.

Распространенными языковыми единицами, воплощающими в анализируемых произведениях проспективную семантику с проекцией на многообразие возможных миров, являются сложноподчиненные предложения с придаточной условной частью. Схематично, согласно А.П. Бабушкину [76], данную конструкцию в общем виде можно представить следующим образом (2.6):

если R, то g. (2.6)

Модификацией представленной модели, согласно собранному иллюстративному материалу, являются конструкции, главная и придаточная части которой содержат глаголы в сослагательном наклонении. Благодаря им автор воплощает два возможных мира, имеющих разную степень удаленности от фактического положения дел в действительности. Это обусловливает различие временных плоскостей, в которых возможны допускаемые в будущем события [117, с. 40]. В некоторых из подобных конструкций, излагающих общечеловеческие проблемы, отчетливо просматривается временная делокализация. В таких случаях в главной части представлен возможный мир, альтернативный, предпочтительный реальной действительности: (о людях) *А* ***если бы перестали размножаться слабые, глупые, никчёмные****..., весь наш биологический вид* ***достиг бы*** *невероятной степени раз*вития [ВЧ, с. 192]; (о людях) ***Если б нас было в тысячу раз меньше, не было бы*** *ни преступности, ни убийств, ни социальных пороков.* ***И уважали бы*** *друг друга в тысячу раз больше* [ВЧ, с. 192]. Тот факт, что в придаточной условной части говорящий излагает благоприятные условия, а во второй, главной, части — возможность реализации желаемых действий в будущем, позволяет интерпретировать данные конструкции как языковые единицы, воплощающие проспективную семантику.

Возможный мир, изображающий событие как условие, в некоторых случаях осложняется за счет дополнительной информации, выражаемой в

придаточной изъяснительной части, зависимой от придаточной условной части. Это обусловлено необходимостью сообщения, провоцируемого глаголами речи, мысли, например: ***Если бы*** *кто-нибудь* ***рассказал*** *Фандорину, что по неказистому шоссе областного значения* ***можно*** *гнать на двухстах километрах, он нипочем* ***бы не поверил*** [ВЧ, с. 26].

Сложноподчиненные предложения с условной семантикой, главная и придаточная части которых включают глаголы сослагательного наклонения, предполагающие темпоральную делокализованность, в репликах героев соотносятся с планом будущего времени. Со ссылкой на исследования А.П. Бабушкина, определяемое подобное воплощение возможного мира как мир воображаемых перспектив, мы интерпретируем данные конструкции как мир воображаемых проспектив. Основу для подобной интерпретации формирует придаточная часть, в которой излагаются благоприятные условия для осуществления предполагаемых действий в ближайшем будущем. Приведем следующий иллюстративный материал: [Слуга Фандорину]: *А* ***если бы вы еще велели нам по шкалику налить****, то* ***были бы*** *мы совсем вами* ***довольны*** *и перед начальством за вас* ***встали бы*** *горой* [ВЧ, с. 266].

Мир воображаемых проспектив может выражаться также путем использования в главной части глаголов будущего времени. Например, это отмечается в реплике к Любавину: [Митя Любавину]: ***Если мое пребывание здесь вам неприятно****, я немедля* ***уеду***…[ВЧ, с. 106].

В ряде случаев придаточная условная часть сложноподчиненного предложения в качестве сказуемого использует также глагол в прошедшем времени индикатива. Это позволяет выразить неоднократное, повторяющееся действие, периодичность протекаемых событий. Признак повторяемости в прошлом передается благодаря значению несовершенного вида глагола. Известно, что это значение по отношению к действию в прошлом определяется как имперфектное значение. Возможный мир репрезентируется в этом случае не столько грамматическими, сколько контекстуальными средствами. Значимостью наделяется, прежде всего, союз *если*, поскольку вне использования данного союза передача условия с проекцией на возможный мир не представлялась бы осуществимой. Союз *если* способствует воплощению условной семантики, благодаря которой выражается обусловленность реального события предполагаемым событием в прошлом. Иными словами, закономерность реального мира вытекает из потенциального мира. В наших материалах описанная пропозициональная структура вербализуется несколько своеобразно. Поскольку возможные миры отмечаются, прежде всего, в репликах героев, авторы произведений часто прибегают к использованию императивных значений глагола. Так, потенциальный возможный мир, изображаемый в придаточной части с условным значением, в одной конструкции соотносится с максимально приближенным миром, передаваемым в главной части предложения с участием глагола в повелительном наклонении. На этой основе построены, в частности, философские рассуждения героев

романа Б. Акунина «Внеклассное чтение», а также их логические посылки, например [117, с. 43]: [Фандорин к Сысою]: *Люди всегда делились на тех, кто говорил:* ***люби остальных, даже если они*** *тебе ничего хорошего* ***не сделали****, и на тех, кто твердил: давай себя*…[ВЧ, с. 20]; *Митя воспрял духом.* ***Если лекарь изучал науку фехтования*** *столь же усердно, как премудрость дубинного и кулачного боя, то* ***берегись****, Пикин* [ВЧ, с. 52].

Историческое восприятие времени позволяет соотносить произошедшее событие с будущими, предугадываемыми событиями, которые оцениваются с позиции значимости их последствий, то есть с «их восприятием в перспективе ожидаемого (моделируемого) будущего» [19, с. 351]. Как отмечает Б. Успенский, космологическая, равно как и историческая, модель видения мира не исключает предсказание будущего как символического представления одного и того же исходного состояния, как знак этого состояния [118, с. 21-22].

В большинстве случаев возможный гипотетический мир воплощается в произведении за счет использования конструкций с условной семантикой [19, с. 352]: ***Сейчас*** *они умирают… Но* ***если бы*** *они* ***не сделали*** *этого*? [ЧМ, с. 73]. *Приехал домой счастливый…С орденом. Я его тогда спросила: «А* ***мог бы*** *ты не так сильно* ***пострадать****?* ***Сохранить*** *здоровье?» − «Наверное****, мог бы, если бы*** *больше* ***дума****л* [ЧМ, с. 58]. *Абсолютная уверенность, что* ***если бы*** *что-то серьезное, нас* ***бы оповестили*** [ЧМ, с. 111]. *Наверное,* ***если бы*** *нас* ***не выпускали*** *отсюда,* ***поставили*** *милицейские кордоны, многие* ***бы*** *из вас* ***успокоились*** [ЧМ, с. 101].

Анализ приведенных конструкций позволяет выделить имплицитно представленную темпоральную составляющую, главным образом проецируемую на план оптимального прошлого. Вместе с тем этот план соотносится с планом будущего, поскольку действия, излагаемые как условно возможные, имели бы в будущем другой результат. С помощью сложноподчиненных предложений с придаточной условной частью, представляющих собой риторические вопросительные конструкции, автор произведения от лица своих персонажей передает пафос героических свершений советского человека [19, с. 352]: *Что* ***бы*** *с нами* ***было****, если* ***бы*** *каждый* ***поступал*** *так, как ты?* ***Победили бы*** *войну*! [ЧМ, с. 77]. *Молодые ребята… Они сейчас тоже умирают, но они понимают, что* ***если бы не они****… Это еще и* ***люди особой культуры. Культуры подвига****. Жертвы.* [ЧМ, с. 71].

Проанализированный материал свидетельствует о том, что в воплощении проспективной семантики, проецирующей на возможные миры различной содержательной модификации, активно участвуют конструкции условной семантики, придаточная часть которых содержит глаголы в будущем времени. Следует подчеркнуть, что в количественном плане данные конструкции в проанализированных произведениях отнюдь не уступают конструкциям с глаголами в сослагательном наклонении [117, с. 44]. Думается, это объясняется семантикой обозначенных глаголов, составляющих ядерные компоненты

функционально-семантического поля футуральности, соответствующей семантической категории и ее субкатегории проспективности.

Конструкции условной семантики с глаголами будущего времени как средство воплощения проспективной семантики

Среди рассматриваемых конструкций значительное место в художественных текстах занимают высказывания, в главной и придаточной частях которых используются глаголы будущего времени. В них передается потенциальная обусловленность, спроецированная на план будущего, что свидетельствует о проспективной семантике данных высказываний. В текстах, судя по располагаемым данным, анализируемые конструкции используются главным образом с целью передать разного рода рассуждения героев. Схематически их базовую семантическую структуру можно представить в следующем виде:

’Союз *если* + глагол в будущем времени…, *то* + глагол в будущем времени’

Возможный мир, воплощаемый анализируемыми конструкциями, определяется как максимально приближенный мир, о чем свидетельствует следующий иллюстративный материал [117, с. 45]: **Если наследник наденет корону, то** непременно **возьмёт** себе советчиком господина Маслова…. [ВЧ, с. 218]; ***Если Екатерина сама, еще при жизни, не передаст скипетр Внуку, то*** *едва у нее* ***закроются*** *глаза, как в столицу* ***явится*** *Павел во главе своего пудреного воинства и* ***заберет*** *трон силой* [ВЧ, с. 91]; [Жанна к Николасу]: *Только не думайте, что* ***если вы наложите на себя руки, то*** *тем самым* ***спасете*** *своих детей* [ВЧ, с. 59].

Модификацией приведенной модели (базовой семантической структуры) являются конструкции, не содержащие указательного слова *то*. Как известно, данная модификация свойственна главным образом разговорной речи. Распространенность этих конструкций в художественных текстах объясняется стремлением автора приблизить к непосредственной разговорной речи не только речь персонажей, но и авторскую речь. И в этом контексте мы отмечаем тенденции, характерные для постмодернистской литературы, которым следует, в частности, в своем творчестве Б. Акунин, о чем свидетельствует собранный фактический материал [117, с. 45]: ***Если судьба нам улыбнется, заночуем*** *в какой-нибудь деревеньке…* [ВЧ, с. 136]; [Ястыков Фандорину]: ***Если исполните свою работу чисто,*** *ничего с вашей семьей* ***не случится*** [ВЧ, с. 196]; [Куценко Фандорину]: ***Если же мне удастся купить Ильичевский комбинат,*** *наша фармацевтика* ***вступит*** *в новую эру…* [ВЧ, с. 122]; [Фандорин]: **А *если нас не захотят отпустить, поднимем*** *крик на весь квартал* [ВЧ, с. 208]; [Фандорин Жанне]: ***Если в вас останется хоть кусочек живой души,*** *вы же* ***потом*** *сами себя* ***изгрызете***! [ВЧ, с. 235].

Как свидетельствуют приведенные примеры, возможный мир в данных конструкциях формируется с помощью глагола будущего времени синтетической структуры, то есть глаголов совершенного вида. Участие значения совершенного вида в выражении предполагаемых действий свидетельствует о потенциальной возможности их завершенности в сознании говорящего. Вместе с тем в равной мере рассматриваемые конструкции формируются за счет использования глаголов будущего времени аналитической структуры. В этом случае говорящий подчеркивает незначительность предельности действия [117, с. 45]: [Капитан Фандорину]: ***Будете чинить препятствие закону, велю связать*** [ВЧ, с. 178]; [Николас к Мире]: ***Если захочешь, мы будем*** *с тобой сами* ***придумывать*** *новые игры* [ВЧ, с. 72].

Еще одной модификацией рассматриваемых конструкций являются предложения, в которых придаточная условная часть имеет при себе зависимую придаточную часть, как правило, изъяснительной семантики. Эту последнюю провоцируют глаголы речи, мысли, знания, требующие дополнительной информации [117, с. 46]: [Жанна Фандорину] ***Если Куцый раскопает****, как все произошло, он вам* ***сделает*** *хирургическую операцию. Без наркоза* [ВЧ, с. 115]; ***Если Мират вообразит, что девчонку угрохали, начнется*** *третья мировая война* [ВЧ, с. 196].

Кроме того, зависимую придаточную часть имеют главные части анализируемых построений. В этом случае придаточная условная часть чаще употребляется в постпозиции [117, с. 46]: [Фандрин Пикину]: *Дайте мне слово офицера и дворянина, что* ***впредь не станете преследовать*** *ни этого мальчика, ни известную вам даму…* ***даже если вам прикажут ваши начальники*** [ВЧ, с. 56]; [Фандорин в мыслях о девочке]: *А уж потом когда-нибудь****, если это «когда-нибудь» настанет****,* ***объяснит*** *себе, что первый и главный долг человека – перед своей душой…* [ВЧ, с. 118]; [Фандорин Куценко]: *Мне* ***кажется****, я начинаю понимать его психологию….он* ***получит гораздо большее удовлетворение, если не убьет Миру****, а* ***вернет*** *–* ***или****, с его точки зрения,* ***швырнет*** *– вам ее обратно* [ВЧ, с. 206].

В единичных случаях в модификациях такого рода в главной части используются глаголы в форме настоящего времени. Как правило, это глаголы с перформативным значением, например: [Фандорин]: ***Если вы нарушите обещание, клянусь****, что* ***найду*** *вас и* ***убью****, чего бы это ни стоило* [ВЧ, с. 56]. Приведенный пример ярчайшим образом свидетельствует о том, что перформативные глаголы в наибольшей мере способствуют формированию максимально приближенного мира [117, с. 46].

В отдельных случаях, когда в главной части дается оценка максимально приближенному миру, изображаемому в придаточной условной части, главная часть представлена словами категории состояния в значении будущего времени [117, с. 45]: [Данила Мите]: *Дмитрий,* ***будет безнравственно, если ты и дальше станешь хранить молчание о причинах твоего бегства из Петербурга…*** [ВЧ, с. 90].

Своего рода имплицитно выраженная оценка излагаемого в придаточной части максимально приближенного мира отмечается в построениях с главной частью в виде глагола повелительного наклонения. Передаваемый данным глаголом совет свидетельствует о том, что говорящий дал оценку представленным возможным событиям, которая вербально не выражена [117, с. 46]: [Николас Мире]: … ***если почувствуешь насмешку или вызов, не теряйся*** [ВЧ, с. 83].

В контексте рассматриваемых конструкций обращают на себя внимание те из них, в главной части которых используется глагол в прошедшем времени. Данный глагол, передавая значение будущего времени, позволяет выразить будущие действия в качестве, уже свершившихся. Это употребление отмечается в речи (иногда внутренней речи) героев в тех случаях, когда говорящий уверен в исходе события, обусловленного событием, изображенным в придаточной части высказывания. Возможный мир в главной части можно интерпретировать также как максимально приближенный мир. Приведем следующие примеры [117, с. 46-47]: (о Мире) ***Если девочка заупрямится,*** *Алтын и дети* ***погибли****…* [ВЧ, с. 246]; (о Фандорине) ***Если Алтын вдруг окажется дома, намеревался повесить*** *трубку* [ВЧ, с. 57].

Согласно выработанной теоретической модели и собранному фактическому материалу, во втором примере направленность на будущее передается лексическим значением глагола *намереваться***.**

Особую модификацию рассматриваемой модели составляют сложноподчиненные предложения, содержащие недоговоренность в главной либо придаточной частях. Она обусловливает формирование многомирия, например [117, с. 47]: (Данила о Мите) ***Если так,*** *то* ***защитить*** *мальчика* ***будет*** *некому* [ВЧ, с. 160]; (О Маслове) ***Если будет не сам на троне сидеть****, а* ***посадит*** *куклу и* ***станет дергать*** *за ниточки…* [ВЧ, с. 218]. *Если же Николас* ***будет*** *почему-либо, не важно по какой причине,* ***отвергнут****, то…* - *Жанна разъяснила* ***последствия*** *с исчерпывающей ясностью* [ВЧ, с. 59]; *...* ***если слух о пикантной причуде секретного начальника дойдет до человека сведущего****, тут Маслову и конец* [ВЧ, с. 217].

(Саша Лапин) Будущее воплощается писателем в виде намека на начинающийся в стране развал: (о фигурке) ***Если нажать*** *клавишу «Up», она* ***подпрыгнет*** *вверх,* ***выгнется, повиснет*** *на секунду в воздухе и* ***попытается*** *что-то* ***поймать*** *над своей головой... **Если нажать** «Down», она **присядет** и **постарается** что-то **поднять** с земли под ногами... **Если нажать** «Right», она **побежит** вправо* [Пр. Гос.П., с. 10];

Как недосказанность, на наш взгляд, следует интерпретировать вопросительные предложения, включающие инициально расположенное вопросительное местоимение *что*. Нетрудно определить, что оно представляет собой эллиптическое предложение с опущенным сказуемым типа *происходит, случается*, то есть сказуемым, выраженным глаголом событийной семантики в форме постоянного настоящего времени. Так, в предложении ***Что если*** *Мират*

Виленович всю жизнь, с пятого класса, ***несется*** *наперегонки с мальчиком-мажором*? [ВЧ, с. 205] обнаруживаются две предикативные единицы: главная часть, представленная подлежащим-местоимением *что* и опущенным сказуемым, и придаточная часть с условной семантикой. Причем обусловленность главной части имеет место не только в содержательном плане, но и в плане выражения, поскольку глагол в постоянном настоящем времени придаточной части предопределяет глагол-сказуемое в этом же значении в главной части. Все это в сочетании с вопросительным местоимением способствует формированию многомирия [117, с. 47]. Приведем подобный пример: *А* ***что если Маслов и отъезда ждать не станет****, подумалось вдруг Митридату?* [ВЧ, с. 222].

Кроме того, согласно собранному фактическому материалу, настоящее время глагола употребляется в значении будущего, что позволяет передать возможные миры с минимальной степенью удаления от фактического положения дел в действительности. Будущие предполагаемые действия мыслятся говорящим как происходящие во временной плоскости «сейчас» [117, с. 48]: [Игорек]: *Я* ***предупредил*** *ассистентку Ястыкова:* ***если связь прерывается****, не важно по какой причине,* ***хоть бы даже технической,*** *договору конец* [ВЧ, с. 228]; [Игорек Фандорину]: *Смотри, Ника, если эта* ***будет молчать, расплачиваешься*** *ты, –-* ***предупредила*** *Жанна …* [ВЧ, с. 199].

С целью предписывающих действий в главной части употребляется глагол в повелительном наклонении: *…а* ***если кому баранок или сбитня горячего*** *–* ***плати*** *по грошику* [ВЧ, с. 104].

С целью приблизить речь героев произведений к разговорной стихии используются бессоюзные сложные предложения. При этом условное значение передается путем употребления глагола в повелительном наклонении в переносном значении. Глагол в данной форме в определенных контекстных условиях утрачивает значения, характерные для данного наклонения, выражая значение сослагательного наклонения. Благодаря этому изображается мир предполагаемых решений [117, с. 48]: ***Плати*** *таким воинам за опасную службу щедро – деньгами, уважением, нарядной одеждой – и* ***будешь иметь*** *лучшую армию в мире* [ВЧ, с. 44]. ***Случись что в Петербурге*** *– через три часа форсированного марша* ***будем*** *в Зимнем* [ВЧ, с. 45].

Наряду с глаголами повелительного наклонения, рассматриваемые конструкции формируют глаголы будущего времени, в отдельных случаях употребляемые во втором лице единственного числа с целью придать излагаемому действию обобщенный характер, например: (об армии)… *в нашей, гатчинской, все заведения по уставу великого короля Фридриха. Одна пуговка* ***расстегнись*** *– двадцать палок****… Не допудришься*** *– пощечина. А* ***посыплется пудра на воротник*** *– того хуже, гауптвахта* [ВЧ, с. 44-45].

Предписывающий характер возможного мира, изображаемого в сложном бессоюзном предложении, обеспечивается за счет использования во второй придаточной части глаголов в повелительном наклонении, выражающих

значение совета [117, с. 48-49]: [Николас Мире]: – ***Спросят что-нибудь*** – ***ответишь****, ты же не дурочка* [ВЧ, с. 83].

(Саша Лапин) (об игре) … *но зато он знал, что* ***стоит ему только дойти до этой комнаты*** − *и принцесса* ***бросится ему на шею*** [Пр. Гос.П., с. 4];

В качестве еще одной модификации этой структуры, включающей футуральную семантику прогноза, следует интерпретировать также высказывания, представляющие собой сложные бессоюзные предложения, предикативные части которых включают глаголы будущего времени. В них передается потенциальная обусловленность, спроецированная на план будущего. Следует подчеркнуть, что прогноз, по сущности своей представляющий возможные миры, отличается от ряда смежных с ним в семантическом плане компонентов прежде всего приближенностью к потенциальной реализации действия. Думается, этим свойством прогноза и обусловливается его репрезентация в анализируемом рассказе М. Веллера в формах глаголов будущего времени [107, с. 155-156].

Возможный мир, воплощаемый анализируемыми конструкциями, определяется как максимально приближенный мир, о чем свидетельствует следующий иллюстративный материал [107, с. 156]: (знал о беременности от погибшего друга) ***Оскорбишь*** *своим знанием: а она* ***головой*** *отрицательно* ***замотает*** *в ужасе – и после* ***покончит с собой*** [К, с. 5].

Как известно, представленная модификация в виде сложного бессоюзного предложения свойственна главным образом разговорной речи. Ее употребление в рассказе объясняется стремлением автора максимально приблизить речь героя непосредственно к разговорной речи. В этом контексте следует указать на общие тенденции, характерные для постмодернистской литературы, которым следует в своем творчестве М. Веллер. Степень использования конструкций рассматриваемой модификации подтверждает также следующий фактический материал [107, с. 156-157]: *И торопиться приходилось, быстро делать, быстро! Беременность шла; не приведи бог* ***заподозрит, догадается*** [К, с. 2]. *(О Брянцеве) …никогда не было* ***уверенности****, что он* ***женится****. Нет, не одной мне* ***обещал****…* [К, с. 9].

Как свидетельствуют приведенные примеры, возможный мир в данных конструкциях формируется с участием глаголов будущего времени синтетической структуры, то есть глаголов совершенного вида. Участие значения совершенного вида в выражении предполагаемых действий свидетельствует о потенциальной возможности их завершенности в сознании говорящего. Вместе с тем в равной мере рассматриваемые конструкции формируются за счет использования глаголов будущего времени аналитической структуры. В этом случае говорящий указывает на незначительность предельности действия [107, с. 157]: (ее мысли) *С чем подойти, «женись как друг»?... И* ***женится*** *– где зарок, что* ***не попрекнет*** *в тяжелый час,* ***не будет*** *собственную* ***душу грызть*** *и* ***на тебе срываться****…* [К, с. 2].

С целью приблизить речь героев произведения к разговорной стихии автор использует также бессоюзные сложные предложения, включающие в одной из предикативных частей глаголы в повелительном наклонении в переносном значении. Данные бессоюзные сложные предложения соответствуют в смысловом отношении сложноподчиненным предложениям с условной придаточной частью, представляя собой одну из модификаций их выше представленной базовой семантической структуры. Глагол в форме повелительного наклонения в определенных контекстных условиях утрачивает свое прямое значение, характерное для данного наклонения, выражая значение будущего времени в наглядно-примерном значении. Благодаря этому изображается мир предполагаемых решений. В главной части при этом излагается результат предпринятых потенциальных действий в виде эксплицитно и имплицитно используемых глаголов будущего времени [107, с. 157-158]: *За нос такого провести нетрудно:* ***приласкай*** *– и* ***верти*** *им, любому слову* ***поверит*** *(2). …****открой****, что беременна –* ***разбежался*** *он чужую заботу* ***покрывать*** *(2).* ***Признайся*** *–* ***простит ли*** *унижение,* ***не потеряешь*** *ли ребенка, которого привык считать своим и любишь, к чему все* ***приведет****… (5).* ***случись*** *что с Брянцевым –* ***каюк*** *ей,* ***беспомощность****…* [К, с. 6].

Анализируемый материал свидетельствует о том, что в репрезентации футуральной семантики в рассказе значимое место занимает глагольная лексика. В семантическом плане она представлена глаголами, передающими [107, с. 158-159]:

а) состояние желания: (о друге Брянцеве) *Даже – я желал его гибели* [К, с. 6]. (О друге Брянцеве) *Мог ли я в глубине души не желать ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего…*[К, с. 6]*…. временами мне вовсе не хотелось жениться на этой девчонке, беременной от другого, не любящей меня…* [К, с. 2];

б) действия, заключающие прогноз: *Я рассчитал правильно* [К, с. 6]*…женитьба на ней уже не представлялась мне обязательной* [К, с. 6]. *Предусмотренный вариант: предлагает для выручки фиктивный брак* [К, с. 6]. *Планы безумные перебирал. Надеялся еще на что-то?.. Все продумал, все просчитал, все учел. Семь раз отмерил…* [К, с. 6];

в) действия, основанные на стремлении: *Кто не стремится устранить соперника?* [К, с. 6].

Имплицитность условной семантики в придаточных разных типов

В понятие языковой интерпретации смыслового содержания наряду с другими компонентами А.В. Бондарко включает различие эксплицитного и имплицитного представления смыслового содержания [75, с. 26]. Согласно определению ученого, «эксплицитное содержание – явное, непосредственно выраженное тем или иным языковым средством, имплицитное содержание – специально не выраженное, а лишь подразумеваемое, вытекающее из

эксплицитного содержания или связанной с ним контекстуальной или ситуативной информацией» [75, с. 27].

Проспективная семантика с проекцией на возможные миры, согласно собранному фактическому материалу, формируется благодаря сложноподчиненным предложениям с придаточными разных типов, в которых обнаруживается имплицитно выраженная условная семантика. Прежде всего, данная семантика обнаруживается в конструкциях с придаточными времени, в составе которых отмечается союз *как* в значении союза *когда*. Действия в возможных мирах, изображаемых в главной и придаточной частях, передаются посредством глаголов будущего времени, следовательно, нацелены на реализацию в ближайшем будущем. В соответствии с классификацией А.П. Бабушкина возможные миры такого рода можно интерпретировать как миры воображаемых проспектив, например: [Маслов]: ***Как за дело возьмемся*** – *у нас горы* ***прогнутся****, реки вспять* ***потекут*** [ВЧ, с. 226].

Возможность трансформации сложноподчиненных предложений с придаточной изъяснительной частью, включающей союз *чтобы*, в идентичную конструкцию с условной придаточной частью позволяет говорить о способности изъяснительной части в соответствующих контекстных условиях выражать условную семантику. Имплицитно передаваемая в этих случаях ирреальная обусловленность предикативных частей свидетельствует также об имплицитно изображаемых возможных мирах. Подтверждением сказанному служит, в частности, следующее предложение: (О Николасе): *Не дай боже,* ***чтобы нанимательница уловила в его голосе или мимике искательность*** – ***тогда*** *все, провал* [ВЧ, с. 27].

(Саша Лапин) ***Каким же оборотнем надо быть, чтобы здесь работать...*** [Пр. Гос.П., с. 2]

Имплицитная выраженность условной семантики обнаруживается также в сложноподчиненных предложениях с придаточной уступительной частью, в состав которой входит союз *хотя*. Предположительная семантика изображаемого возможного мира передается посредством форм глагола будущего времени в придаточной части, а уступительное – обеими частями высказывания с участием облигаторных контекстных составляющих. Предполагаемые события, излагаемые в придаточной части, наталкиваются на противоречивые события, представленные как будущие, обусловленные в главной части. Говорящий передает невозможность трансформации виртуального события в реальное. Иными словами, изображаемый в придаточной части возможный мир встречает значительные препятствия, следовательно, может интерпретироваться как ирреальный, основанный на воображении [74, с. 41]. В качестве иллюстрации приведем следующий пример: [Фандорин]: ***Любые ваши ухищрения*** *избежать сего конца –* ***хоть спрячьтесь под самый царский трон, хоть сбегите на край света*** *–* ***будут*** *с полным основанием* ***названы*** *тщетною предосторожностью* [ВЧ, с. 56].

Проекция на будущее, представленная в сложноподчиненных предложениях со значением придаточной цели, основывается на глаголах в форме сослагательного наклонения в главной части и прошедшего времени с проекцией действия как желательного в будущем в придаточной части [107, с. 159]: *Да я **бы сжег** этот институт, весь этот город со всеми обитателями, **чтоб ничего этого не было и она любила меня*** [К, с. 6].

Воображаемый мир в проекции на будущие действия передается в рассказе также путем использования сложноподчиненных предложений с изъяснительной придаточной частью. При этом в главной части используется глагол, передающий семантику воображения, а в придаточной – глаголы в сослагательном наклонении положительной коннотации также с проекцией на возможное будущее [107, с. 160]: *...мне **представлялось**, как славно, если **б** они **поженились** с Брянцевым, и я **бы пил** на их свадьбе, и у них **родился** ребенок, и **так далее*** [К, с. 6].

Инфинитивные конструкции гипотетической семантики как основа формирования проспективной семантики

Возможные миры в разных содержательных интерпретациях активно формируются, согласно полученным данным, благодаря конструкциям, включающим инфинитив в сочетании с частицей *бы*. Базовую семантическую структуру данных конструкций представим следующим образом:

’Инфинитив глагола + частица *бы*’**.**

Значительное количество отмеченных в анализируемых текстах конструкций данной базовой структуры в целом семантически не отличаются. В каждой из них вербально или контекстуально обнаруживается субъект. Он эксплицируется путем употребления именной части речи (существительного либо местоимения), выраженной формой дательного падежа единственного или множественного числа. В содержательном плане среди данных построений отмечаются различия, которые можно в целом свести к двум разновидностям, обозначенным А.П. Бабушкиным [76], проспективной семантики с проекцией на возможные миры: 1) мир желаний; 2) мир прожектов и предполагаемых решений. Кроме того, анализируемые конструкции позволяют выделить еще две разновидности возможных миров: 1) фиктивный мир; 2) мир предписываемых действий.

Мир желаний раскрывается посредством внутренних реплик героев произведений. На этой основе субъект, которому принадлежит желаемое действие, вербализуется в виде формы личного местоимения дательного падежа единственного числа: (о старце Сысое): *Мне **бы** с ним **поговорить**. Мы старые знакомые* [ВЧ, с. 12]; *Мне **бы разобраться**, где я нахожусь, – красавица беспомощно улыбнулась* [ВЧ, с. 35]; (О Маслове) *И ему **бы** там **быть**, охранителю августейшей персоны* [ВЧ, с. 220].

В некоторых конструкциях субъект действия остается невербализованным, поскольку они выражают желаемые действия через внутреннюю речь героев, поэтому, с точки зрения автора, такая вербализация представляется избыточной, например: (о библиотеке дома) *Вот где* ***провести бы*** *годик-другой* [ВЧ, с. 97].

С целью придать значение интенсивности действию, передаваемому инфинитивом, применяется прием повтора, например: *По быстрой езде да под сонное Данилино дыхание размышлялось хорошо, размашисто*. ***Мчать бы и мчать*** [ВЧ, с. 41].

Мир прожектов и предполагаемых решений раскрывается через реплики героев. При этом отмечается его близость к миру желаний. Иными словами, он фактически создается на основе мира желаний, который представлял его своеобразный фон, например: *Коням* ***бы отдых дать****, да и нам с Федькой* ***обогреться не худо бы*** [ВЧ, с. 226]; [Куценко о Ястыкове]: *Мне* ***бы*** *только* ***сдержаться****, когда я его* ***завтра увижу*** [ВЧ, с. 205]; *И так было ясно, что живым он* ***не выпутается***. *Детей* ***бы спасти*** [ВЧ, с. 194].

В ряде конструкций анализируемый мир представлен как ирреальный, основанный на воображении. Это передается путем использования сложноподчиненных предложений с противительными отношениями частей. Первая их часть вербализует обозначенную выше базовую семантическую структуру, а вторая – действия, препятствующие желанию героя: (Фандорин об Алтыне) ***Отправить бы*** *ее с детьми подальше от Москвы…,* ***но разве Жанна позволит?*** [ВЧ, с. 58].

Фиктивный мир передается контекстуально, на основе содержания всего высказывания, а также путем использования при глаголе с инфинитивом отрицательной частицы *не*. В анализируемых конструкциях данный мир выражает абсолютную неосуществимость желаемых действий. Он вербализуется как мир, альтернативный миру желаний, который остаётся «за кадром». Сказанное подтверждает следующий иллюстративный материал: (Венера) *От кого* ***бы*** *наводку* ***кинуть, чтоб не догадалась***? [ВЧ, с. 29]; (Куценко Фандорину) *Здесь мне за Ясем* ***не угнаться****…* [ВЧ, с. 135]. – ***Не дойти*** *нам, – всхлипнул Митя, стуча зубами* [ВЧ, с. 136].

Еще один возможный мир также формирует делокализация. Он воплощается конструкциями, благодаря которым возможный мир интерпретируется как мир предписываемых действий. Единственный пример, отмеченный в романе, свидетельствует о негативном, ироничном отношении говорящего к субъекту предписываемого действия: (Об итальянце) *Ловок наш черноглазый приятель, а? И в самом деле маг, циркач. Ему* ***б*** *на ярмарке фокусы* ***показывать!*** [ВЧ, с. 170].

(Саша Лапин) *Он огляделся.* ***Выход*** *был только один —* ***прыгнуть в неизвестность*** *за левым обрезом экрана* [Пр.Гос.П., с. 2];

Предсказание будущего как одного из возможных миров передается в исследуемом тексте спектром различных языковых средств. К ним относятся

инфинитивные предложения, в основе которых лежит форма неопределенного глагола в сочетании с частицей *бы:* ***Почувствовать бы момент, и пулю − в лоб*** [ЧМ, с. 29]. Также гипотетический мир с проекцией на будущее воплощается путем использования безличных предложений, включающих в том числе вводные слова со значением возможности: ***Может, надо*** *на всякий случай* ***оттолкнуть*** *от себя…* ***Отодвинуть***… [ЧМ, с. 40]. ***Надо оставлять*** *факты.. Факты! Их* ***востребуют***… [ЧМ, с. 113].

Прогнозы, как свидетельствуют полученные фактические данные, излагаются в рассказе путем употребления односоставных инфинитивных предложений. Временной план в таких предложениях оказывается неопределенным, что обусловливается номинативным характером самого инфинитива как особой формы глагола. Отсутствие формально выраженного временного плана, на наш взгляд, не лишает действия, передаваемого с помощью инфинитива, темпоральной семантики. Согласно проанализированному материалу, с помощью инфинитива воплощаются предполагаемые действия, которые, по мнению героев произведения, могут исправить в будущем сложившуюся ситуацию. На основе этого в рассказе доминируют инфинитивные предложения с футуральной семантикой. Приведем следующий иллюстративный материал [107, с. 154]: (о девушке) *Она осталась беременной… Аборты были запрещены.* ***Довериться****? Кому? Как? Чем поможет:* ***сознаться*** *в тайном, подсудное дело, огласка, позор…*[К, с. 2]. ***Бросить*** *институт,* ***уехать, устроиться*** *на работу,* ***родить****… Куда? Как? На какие деньги?* [К, с. 2]

Как свидетельствует приведенный материал, представленный обрывочными фразами разговорного характера, данные фразы применительно к кодифицированному литературному языку в своей совокупности трансформируются в сложноподчиненные предложения с условной семантикой. Любое из прогнозируемых действий девушки, выражаемых с помощью инфинитивных предложений, наталкивается на определенные препятствия, выражаемые посредством неразрешимых вопросов риторического характера. Изложение прогнозов в рассматриваемых высказываниях соответствуют придаточной условной части сложноподчиненного предложения, а невозможность их осуществления в будущем – риторическим вопросам, соответствующим его главной части. Схематически базовую семантическую структуру подобного рода конструкций можно представить в следующем виде [107, с. 155]:

> ’Союз *если* + глагол в инфинитиве с положительной коннотацией…,
> *то* + глагол в будущем времени с отрицательной коннотацией’

Анализируемые выше примеры представляют собой одну из модификаций данной базовой семантической структуры [107, с. 155].

Частицы сомнения, допущения в функции репрезентации возможных миров

Собранный фактический материал свидетельствует о том, что возможные миры способны репрезентироваться благодаря частицам со значением сомнения. А.П. Бабушкин выделяет в данном случае один возможный мир, дефинируя его как мир сомнений, догадок и гипотетических допущений. Ученый представляет следующую базовую семантическую структуру, репрезентирующую обозначенный возможный мир:

'Частица *вряд ли (едва ли, авось, пожалуй, чай*) + изъявительное наклонение глагола' [76, с. 60-61].

Единичные примеры, извлеченные из текстов, свидетельствуют о более объемном содержании второго из представленных компонентов структуры, а именно: частица *вряд ли (едва ли, авось, пожалуй, чай*) + глагол-сказуемое.

Частица *вряд ли* отмечается в конструкции, представляющей собой сложное бессоюзное предложение с противительными отношениями между частями. Конструкция репрезентирует два возможных мира: мир сомнений, выражаемый с помощью частицы *вряд ли* в сочетании с глаголом в будущем времени, которому противопоставляется мир воображаемых ближайших перспектив, а следовательно проспектив, выражаемый глаголом будущего времени. С точки зрения говорящего второй из миров имеет меньшую степень удаления от фактического положения дел, хотя он менее желателен для него. Например: (Данила Мите) *Окрест любавинские деревни. Нас там* ***вряд ли обогреют, скорее донесут*** *в милицию* [ВЧ, с. 136].

Разделительные союзы как средство репрезентации альтернативных миров

Два исторических пласта в анализируемых произведениях предопределяют изображение двух возможных миров, каждый из которых составляет альтернативу по отношению к другому. На этой основе по отношению к такого рода возможному миру обоснованным является термин «альтернативный мир». Он репрезентируется комплексом языковых средств, к которым относятся: разделительные союзы; союзы, сформированные при участии частицы *то* [117, с. 54].

Среди разделительных союзов наиболее распространенным в романе является союз *или*, как повторяющийся, так и неповторяющийся. Неповторяющийся союз соединяет два альтернативных мира, представляя два возможных сценария развития ситуации, например: (Итальянец к Долгорукому) *Мы* ***побеседуем*** *здесь* ***или*** *вы* ***сопроводите*** *меня в иное место*? [ВЧ, с. 155]; (Графиня о Мите) *Что он про меня подумал? Ясно, что: легкодоступная, навязчивая либертинка. Теперь* ***презирать станет. Или****, того* ***хуже, начнет скабрезничать****, как с безнравственной особой* [ВЧ, с. 145].

Такого рода конструкции отмечаются также в философских рассуждениях масштабного характера. В этом случае отмечается порционная подача возможных альтернативных миров, что выражается путем использования парцелляционных конструкций. Ярким примером этого является следующий отрывок текста: (о России) ***Или, может быть****, на её месте* ***зародится*** *некая новая сила, как произошло в том же Риме*…[ВЧ, с. 41]; (Ястыков Фандорину) *Я* ***побоялся бы*** *ложиться с этой опасной особой в одну постель… Еще* ***увлечется*** *и* ***придушит***. ***Или заспит****, как деревенская баба младенца* [ВЧ, с. 192].

В случае если союз *или*, повторяющийся или неповторяющийся, используется в качестве сочинительной связи однородных членов предложения, то излагаемое мы можем интерпретировать как единый воображаемый мир с элементами альтернативных фрагментов. Об этом свидетельствуют следующие примеры: *Великая эпоха близится к концу. Что* ***последует дальше*** *– вот в чем вопрос? Каким* ***станет новое царствование****?* ***Эрой света и справедливости или торжеством безумия***? [ВЧ, с. 156]

Наиболее показательным для сказанного является второй из приведенных примеров: речь идет об одной исторической эпохе – возможном мире после царствования Екатерины Второй. Переменными же этого мира является эра света и торжество безумия как две альтернативные составляющие единого возможного мира. Одна из них трансформируется в будущем в реальный мир, но автору неизвестно, какая из составляющих окажется приоритетной [117, с. 55].

Альтернативный мир воплощается в романе также путем использования союза *либо*. В данном случае имеющиеся по отношению к союзу *или* лишь стилистические различия в наших материалах не отмечаются: союзы используются вне учета этих различий. Об этом свидетельствуют следующие примеры: (О Маслове): *Непременно случится с ним какая-нибудь дорожная неприятность –* ***либо*** *из возка* ***выпадет*** *и* ***шею свернет, либо отравится*** *на постоялом дворе чем-нибудь несвежим* [ВЧ, с. 221]; (Метастазио) *Вот, князь, случай* ***либо вознестись*** *на самый верх,* ***либо лишиться*** *всего* [ВЧ, с. 154].

Альтернативный мир, прямо противоположный реальному миру, изображается путем использования разговорного союза *а то* или его варианта *не то*. Включающие данные союзы сложные предложения в структурном плане обладают свойством необратимости. Предикативная часть с союзом *а то* всегда постпозитивна, например: (Любавин) *Ладно,* ***после*** *об этом* ***потолкуем, а то*** *у счастливых обитателей* ***грядущего*** *девятнадцатого столетия уже ушки на макушке* [ВЧ, с. 100]; (Жанна) *Макс, подержи-ка господина Фандорина,* ***а то*** *не дай бог* ***начнет*** *за руль* ***хвататься*** [ВЧ, с. 30]; (Фандорину) *И кончайте вашу пропаганду,* ***не то надену*** *железки и рот* ***заклею*** [ВЧ, с. 235]; (Фандорину) *Сколько вы ему платите? – быстро спросила Миранда. – А ну говорите,* ***не то*** *больше к телефону* ***не подойду*** [ВЧ, с.200]; (Фандорин Долгорукому) *Отвечай,* ***не то*** *я* ***проломлю*** *тебе череп!* [ВЧ, с. 165];

(Фандорину) *Налил себе полный фужер коньяку. Выпил… Еще пара глотков, не больше.* ***Не то****, упаси боже, кнопки* ***перепутаешь*** [ВЧ, с. 117].

Формы сравнительной степени в функции репрезентации возможных миров

Приоритетный возможный мир, противопоставляемый альтернативному миру, выражается путем использования форм сравнительной степени прилагательных, наречий и слов категории состояния. Среди них наибольшую частотность имеет слово *лучше* в разнообразии свойственной ему омонимии.

Наречие *лучше* как форма сравнительной степени наречия *хорошо* используется для обозначения предпочтительных действий. Особенность его функции, в отличие от функции омонимичного прилагательного, заключается в том, что оно непосредственно не участвует в воплощении возможного мира. В сочетании с глаголами в будущем времени оно способствует воплощению альтернативного мира как мира воображаемых перспектив [117, с. 56]: (женщина к Сысою о своем склерозе) *Я не хочу* ***превращаться*** *в идиотку!* ***Лучше руки на себя наложу****…* [ВЧ, с. 17].

Слова категории состояния способствуют созданию возможного альтернативного мира, предпочтительного для субъекта, выраженного в безличной конструкции именем существительным или местоимением в дательном падеже: (Митя) *Так* ***не лучше ли, если*** *следующим императором* ***станет*** *Внук государыни?* [ВЧ, с. 46]; *– … человеку, если он здоров,* ***лучше дать возможность*** *самому своим благом* ***озаботиться. Иначе выйдет****, как у наследника в Гатчине* [ВЧ, с. 100].

Возможные миры тех или иных разновидностей с участием рассматриваемых языковых средств наиболее актуализируются при сочетании их с другими языковыми средствами, способными формировать возможные миры. В частности, предпочтительность одного из альтернативных миров излагается путем использования сложного предложения с разделительным союзом *или* в сочетании с [117, с. 56-57]:

а) употребляемым в конструкции словом категории состояния *плохо* в сравнительной степени: *Что* ***хуже:*** *спасти тех, кого любишь, погубив при этом собственную душу, или же спасти свою душу ценой смерти женщин и детей?* [ВЧ, с. 116];

б) придаточной условной частью, включающей глагол будущего времени: (Куценко о Ястыкове) *А* ***сладостнее всего*** *ему* ***будет****, если он* ***разобьет*** *мне сердце*;

в) союзом с условной семантикой в сочетании с вопросительной интонацией, оформленной в том числе и вопросительным словом *что*: ***Что если*** *в Ястыкове подлость* ***окажется сильнее*** *прагматизма*? [ВЧ, с. 210]

Участие модальных конструкций в формировании возможных миров

Достаточно активно, согласно данным фактического материала, в формировании и изображении возможных миров участвуют модальные конструкции. К ним относятся модальные слова, определяющие отношение говорящего ко всему предложению; а также модальные глаголы, составляющие вспомогательную часть сказуемого.

а) Среди рассматриваемых конструкций значительную долю составляют высказывания с модальными словами. Как известно, на синтаксическом уровне они интерпретируются как вводные слова, достаточно активными, среди которых в романе Б. Акунина являются вводные слова со значением предположительного типа *может, может быть, наверное, вероятно*. Возможный мир, интерпретируемый нами как предположительный, вероятностный мир, формируется на основе неуверенности, сомнительности говорящего в истинности того, о чем он сообщает. Отмечаемые в наших материалах высказывания передают разные временные планы. С планом будущего времени героя связывают позитивные изменения в будущем: (Сысой к женщине) ***Может****, от твоего ребенка весь Божий мир* ***лучше станет****!* [ВЧ, с. 15]; (Сысой о сыне женщины) *И что Сашка твой дурень, тоже ничего.* ***Может, поумнеет еще***… [ВЧ, с. 15].

Большая степень приближенности к реальному миру, связанному с будущим, передается вводным словом *вероятно* в сочетании с наречием *очень*. Это имеет место в тех случаях, если предположительный мир формируется на основе прошлого опыта героя, негативного либо позитивного: (Об Алтын) ***Очень вероятно****, что она с беглым мужем вообще* ***разговаривать не захочет*** [ВЧ, с. 23].

Идентичным образом предположительный мир формируется путем участия вводного слова *наверное*.

Модальные слова со значением сомнения, употребляемые в высказываниях с грамматическим значением прошедшего времени, способствуют формированию предположительного прошлого мира, например: (Сысой женщине) ***Может****, для того тебя Господь от туберкулеза и* ***спасал, чтобы*** *ты ребенка* ***родила*** [ВЧ, с. 15].

Возможный вариант событий, излагаемый, как правило, от первого лица, передается путем использования слова *например*. Данное модальное слово позволяет структурировать возможный мир, который также можно интерпретировать как предположительный мир: (мужчина к Сысою) *Меня,* ***например****, смерть* ***если*** *и* ***возьмет****, то на полном скаку –* ***рухну****, как из седла*! [ВЧ, с. 18]

Из уже приведенного примера можно сделать вывод о том, что, помимо предположительного мира, в данном случае представлен мир воображаемых перспектив, проецируемый на план будущего. Это достигается за счет использования в одном высказывании не только модального слова, но и

условной семантики, воплощенной в сложноподчиненном предложении (см. базовую семантическую структуру ’Если R, то g’).

Произведенный анализ свидетельствует о том, что участие комплекса языковых единиц, способных к формированию возможных миров, позволяет автору романа изобразить несколько пересекающихся миров, в разной степени удаленных от реальной действительности. Ярким подтверждением этому служит отрывок из рассуждений Митридата: *В Утешительном,* ***конечно,*** *давно спят… маменька* ***навряд ли выйдет*** *– у неё на лице и глазах наложены ночные компрессы для свежести… Но больше всех,* ***конечно***, ***обрадуется*** *папенька. Истомился, наверное, вдали от петербургского сияния, истосковался* [ВЧ, с. 182].

Анализ отрывка свидетельствует о том, что в нем воображаемый мир, воссозданный на основе модального слова *конечно*, и поэтому максимально приближенный к реальности, сочетается с миром сомнений и догадок, выражаемых благодаря частице со значением сомнения *навряд ли*, а также модального слова *наверное* с тем же значением. Воображаемый мир в данном фрагменте текста формируется также за счет исторического настоящего времени глагола *спят*, а также глаголов будущего времени. Он представлен как мир перспектив, основанный на прошлом опыте героя. Приведем аналогичный пример такого рода конструкций: (об Алтын) ***Нужно будет ухитриться и найти способ подстеречь*** *её где-нибудь в безопасном месте.* ***Сначала она, конечно, накричит***. ***Может****, даже* ***ударит*** *–* ***прецеденты были***. *Но потом они вместе* ***найдут*** *какое-то решение* [ВЧ, с. 23].

В вербализации возможных миров разных типов, как уже отмечалось, достаточно активно участвуют также вспомогательные модальные глаголы. Наиболее употребительным среди них является глагол *мочь* в одной из характерных для него спрягаемых форм, а также слово категории состояния *можно*.

Путем сочетания глагола *мочь* в одной из форм изъявительного наклонения с инфинитивом глагола совершенного вида передается потенциальный мир. Например: (Сысой Фандорину) *растения тоже боль чувствуют,* ***тоже могут любить или ненавидеть.*** *К одному садовнику листочками тянутся, от другого норовят отодвинуться. Как* ***думаете****, правда или нет*? [ВЧ, с. 21]; (Фандорин Куценко) ***Если не придете****, аукцион* ***могут перенести*** *на другой день* [ВЧ, с. 204]; *– Мадам Богомолова обидится, что её переиграли,* ***может впасть в истерику*** [ВЧ, с. 127]; (О Мире) ***Могу*** *себе* ***вообразить****, кисло подумал Фандорин,* ***представив*** *себе, что за чадо* ***могло взрасти*** *в этом* ***кукольном*** *доме за глухой стеной …* [ВЧ, с. 63].

Из приведенных примеров следует, что потенциальный мир способен воплощаться изолированно, а также как обусловленный другим возможным миром, альтернативным или ближайшим.

Спорадически среди рассматриваемых конструкций отмечаются высказывания с опущенным инфинитивом, что позволяет актуализировать

вспомогательный глагол. Как правило, имплицитно выраженный инфинитив представляет собой глагол бытования: (о переселении Николаса в глубинку) *Нет,* ***не получится****, – сказал он вслух. – Алтын здесь* ***не сможет*** [ВЧ, с. 23].

Слово категории состояния *можно,* согласно извлеченным данным, употребляется в конструкциях со значением прошедшего времени. Оно способствует формированию мира гипотетических допущений: *От подлого гвардейца* ***можно было ждать любой каверзы*** [ВЧ, с. 51]; (о Мире) ***На вид ей можно было дать лет тридцать*** [ВЧ, с. 70].

Спорадически мир гипотетических допущений вербализуется за счет контекста, поскольку в конструкциях такого рода слово *можно* и сопутствующий ему глагол *быть*, используемый, как правило, в сослагательном наклонении, опускаются. Это можно проиллюстрировать на следующих примерах, взятых из анализируемых нами произведений: *Тут в голову готовящемуся к смерти магистру пришла отличная* ***идея: схватиться*** *обеими руками за руль и* ***вывернуть*** *его на себя,* ***чтобы*** *бешено несущийся автомобиль* ***швырнуло*** *под откос* [ВЧ, с. 27].

(Саша Лапин) *На стенах горят факелы, а в тупиках коридоров и на шатких мостках... стоят враги с обнаженными мечами – с ними фигурка* ***может сражаться, если нажимать*** *клавишу «Shift»;* ***Если нажимать*** *несколько клавиш одновременно, фигурка* ***может подпрыгивать и подтягиваться, висеть****, качаясь, на краю и даже* ***может*** *с разбега* ***перепрыгивать*** *каменные колодца...* [Пр. Гос.П., с. 6].

Особое место в реализации идейного замысла рассказа занимает взаимосвязь футуральной семантики с семантикой долженствования. Актуализируя последнюю, автор воплощает мысль о том, что неосуществленная необходимость действия влечет за собой негативные последствия в будущем. Данная мысль передается в рассуждениях дочери посредством использования глаголов в аналитической форме императива, а также модальных слов со значением долженствования типа *должен, надо* [107, с. 160]: (дочь о матери) *...она* ***не должна жить*** *с тем, кого знает как убийцу любимого…* ***Пусть*** *же хоть* ***сейчас сумеет*** *быть верной; она* ***должна ждать*** *его, она* ***должна остаться*** *с ним… иначе что же от нее* ***останется*** [К, с. 10].

В контексте заявленной для анализа темы, как представляется, в приведенных примерах особого внимания заслуживает форма глагола *пусть сумеет,* включающая императивную частицу *пусть* и глагол в форме будущего времени совершенного вида, что способствует передаче взаимозависимости императивной и футуральной семантики действия, доведенного до предела. Семантика наречия *сейчас,* передающая значение плана настоящего, также, на наш взгляд, обнаруживает в рассматриваемой конструкции более широкий темпоральный диапазон. Имплицитно оно противопоставляется наречию *тогда*, не получившему вербального выражения, а также выражает направленность обозначенных действий на будущее [107, с. 160-161].

Возможный мир, репрезентируемый вопросительными конструкциями

В значительной части семантика возможных миров формируется в рассматриваемом произведении за счет вопросительных конструкций. С опорой на исследования В.В. Гуревича А.П. Бабушкин интерпретирует данные семантические конструкции как конструкции, содержащие неуверенное предположение [76, с. 68]. Анализ извлеченных предложений из комплекса художественных текстов, рассматриваемых в диссертации, подтверждает данное положение.

Вместе с тем каждая из функционирующих в вопросе частиц вносит свой семантический оттенок в общую конструкцию. Это позволяет выделить несколько разновидностей возможных миров, вербализируемых вопросительными предложениями.

Вопросительная частица *ли* (вариант *ль*) порождает семантику неуверенности говорящего в сообщаемом, оформленном в виде вопроса. При этом вербально выраженный мир гипотетических допущений представляется нам как некий противоположный, альтернативный, мир, не получающий вербализации: ***Захочет ли*** *Алтын с ним* ***бежать****, бросив дом, работу, родной город?* [ВЧ, с. 24]

Вопросительная частица *разве* также используется для репрезентации возможного мира, который мы интерпретируем как мир нереализованных ожиданий. Согласно справедливому утверждению Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, значимым для данного типа вопросительных предложений оказывается параметр истинности. Говорящий (автор романа, герой произведения) выражает недоумение по поводу создавшейся ситуации, поскольку она противоречит его ранее сложившимся представлениям [65, с. 27]. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что такого рода вопросительные конструкции в романе встречаются исключительно с вопросительной частицей *неужели*. Частица *разве* используется в романе Б. Акунина исключительно для передачи уверенности говорящего в своем мнении. В этом случае вопросительная конструкция приобретает риторический характер. Неслучайно Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев определяют эту частицу, используемую в таком значении, как «риторическое *разве*» [65, с. 272]. Приведем следующий иллюстративный материал: (Олег Жанне) ***разве*** *все беды человечества происходят не оттого, что нас, людей, на свете слишком много*? [ВЧ, с. 191]; (Фандрин о себе) ***Разве*** *они* ***оставят*** *в живых такого свидетеля*? [ВЧ, с. 196]; (Митя) *Вдвоем с Масловым до Петербурга* ***ехать****? Как бы не так!* ***Если б*** *с Данилой, то не страшно, а этот облезлый* ***разве защитит****, если что?* [ВЧ, с. 215]; ***Разве может*** *какой-то Прохор Иванович, сын лавочника,* ***получить*** *власть над Российской империей*? [ВЧ, с. 218]. Из приведенных примеров следует, что используемая в романе частица *разве* способствует формированию семантики решительного отрицания возможности, на основе которой воплощается прямо противоположный, альтернативный мир.

Идентичный возможный мир формируется также в синонимичных построениях с участием вопросительного наречия *зачем*, а также других вопросительных слов или слов с их ощущением благодаря вопросительной интонации: ***если гостевание продлится несколько дней,*** *не селить же Митридата со слугами*? [ВЧ, с. 93]; (Сысой к мужчине) *И что* ***тогда*** *с твоей женой* ***будет****? ... Кто с ней* ***нянчиться станет***…? [ВЧ, с. 19]

2.3 Участие глаголов будущего времени и лексико-грамматических средств вербализации возможных миров с проспективной семантикой

Участие глаголов будущего времени в формировании возможных миров с проспективной семантикой

Русские религиозные философы Н. Федоров, Н. Бердяев считали, что «жизнь по мечте» в соответствии с поставленной целью – ментальная характеристика русского человека. Опираясь на эту мысль, В.В. Колесов говорит о будущем времени как неделенном значительной долей модальности [119, с. 125]. Именно данное свойство будущего времени, которое описывается в первом разделе настоящего исследования, предопределяет способность языковых единиц, обладающих футуральной семантикой, к репрезентации возможных миров.

В сочетании с разделительными союзами глаголы в будущем времени репрезентируют альтернативные миры, воплощающие, в частности, способность субъекта к разного рода действиям, например: (о дьяволе) *Дьявол – он не с копытами и не с рогами.* ***То обернётся*** *сладкоречивым мыслителем,* ***то*** *прекрасной девицей,* ***то*** *почтенным старцем* [ВЧ, с. 171].

Возможный мир, выражаемый посредством глаголов будущего времени, может быть определен, как мир предписываемых действий [76, с. 73]. Наши материалы свидетельствуют о более широком спектре подобных миров. Так, данные глаголы, в составе конструкций, включающих наречие *сейчас,* передают предупреждающие действия, направленные на изменение поступков адресата. Речевой акт подобного рода интерпретируется в аспекте прагматики как угроза. Он, с нашей точки зрения, репрезентирует мир нежелательных перспектив, например: (Коллежский советник) ***Сейчас кликну*** *полицейских,* ***сволокут*** *на съезжую да* ***отсыпят*** *полста горячих* [ВЧ, с. 33].

Актуализация данного мира достигается в конструкциях с так называемыми «вербализованными представлениями» [120, с. 109]. В сочетании с частицей *как* глаголы будущего времени выражают внезапно возникающие, интенсивные действия. Мир нежелательных перспектив конструируется в мыслях говорящего на основе прошлого опыта. Приведем следующие примеры: (Митя при виде князя) ***Неужто*** *снова чадоблуд* ***или*** *безумец?* ***Сейчас*** *как* ***накинется****, как* ***станет душить****?* [ВЧ, с. 163]; *Как завороженный магистр смотрел на бешено разматывающуюся серую ленту дороги, а* ***в голове стучало: сейчас один ухаб, и всё*** *...* [ВЧ, с. 26].

Как видим, в первом из приведенных примеров обозначенный мир пересекается с миром гипотетических допущений, вербализованном благодаря участию вопросительной частицы *неужто*. Во втором примере мир нежелательных перспектив представлен имплицитно и раскрывается за счет контекстуальных данных.

Собранный материал свидетельствует также о том, что мир нежелательных перспектив репрезентируется в речевом акте, представляющем собой предостережение от изображаемых в нем действий. В этом случае высказывания, как правило, содержат перформативные глаголы типа *остерегаться, поостеречься*, а также вводные конструкции со значением нежелательности ситуации, в частности *не приведи Господи* (в анализируемом романе Б. Акунина в виде *не приведи Разума*), например: (Фандорин Мите) *Я* ***бы*** *вообще* ***поостерегся*** *доверять столь ненадежным гражданам смертоносное оружие –* ***еще, не приведи Разум, нанесут увечье себе или окружающим*** [ВЧ, с. 43].

Глаголы будущего времени, по нашим данным, способны формировать также мир воображаемых перспектив. Ряд из них являются желательными для осуществления, ряд же носят предупредительный характер, настраивая адресата на готовность принять нежелательные действия в будущем. Об этом свидетельствует следующие реплики героев, извлеченные из романа: (Жанна Фандорину) ***Просить*** *ничего* ***не будет****, –* ***спрогнозировала она****. –* ***Плакать*** *тем более. Вообще не* ***произнесет*** *ни слова…* ***Глаза закроет или посмотрит*** *в небо. В общем, красиво* ***умрет****…* [ВЧ, с. 195]; *Отличная* ***мысль*** *пришла в голову Фандорину. Рано* ***или*** *поздно Алтын* ***выяснит****, кто убил её мужа, она такая. А докопавшись до истины, непременно* ***захочет расквитаться*** [ВЧ, с. 201]; (Фандорин Жанне) ***Может быть****, сейчас вам* ***кажется****, что это неприятный инцидент,* ***не более****. Но пройдут* ***месяцы, годы,*** *это ужасное злодеяние* ***будет висеть*** *на вашей совести камнем. Вы* ***будете слышать*** *крики,* ***видеть*** *искаженное болью лицо ни в чем не повинной девочки* [ВЧ, с. 234]; (Маслов) ***Скоро свершится некое событие****, после которого мой помощник* ***получит*** *все, что* ***пожелает****…*[ВЧ, с. 227]; (Николас Мире) *На тебя* ***будут смотреть****, в том числе ревнивыми глазами* [ВЧ, с. 83].

Мир воображаемых перспектив актуализируется благодаря использованию перформативного глагола *воображать*: (графиня о Мите): *Дура я дура. Столько готовилась!* ***Воображала,*** *как он* ***прибудет****, как* ***заведу*** *с ним* ***разговор*** [ВЧ, с. 145].

В единичных случаях глаголы будущего времени в наглядно-примерном значении в форме 2-го лица единственного числа репрезентируют мир сомнений. Это отмечается, как правило, в репликах персонажей (в том числе и во внутреннем монологе), которые носят обобщающий характер. Мир сомнений определяется при этом как максимально приближенный к реальной действительности: (Капрая) *Свою лошадку так* ***гнать не станешь*** [ВЧ, с. 46].

Мир воображаемых перспектив в размышлениях персонажей сопрягается с миром гипотетических допущений. Последний передается за счет форм глаголов будущего времени в наглядно-примерном значении в сочетании с частицей *ну*, что придает всему высказыванию разговорную окрашенность [121]. Вторая часть (возможно, оформленная в виде отдельного предложения) придает всей конструкции гипотетически негативное значение, поскольку в ней излагается негативная перспектива того содеянного, о котором говорится в первой части. Таким образом, о втором из репрезентируемых возможных миров, скорее, следует говорить как о мире нежелательных перспектив. Например*: Ну* ***обхитрит*** *Маслов итальянца и* ***возведет*** *на престол свою куклу.* ***Не усидит*** *она долго,* ***кувыркнется*** *вместе с кукловодом* [ВЧ, с. 274].

Мир предписываемых действий, согласно нашему анализу, скорее, репрезентируется в футуральной семантике, передаваемой посредством глаголов настоящего времени в значении будущего времени. Говорящий, излагая план ближайших будущих действий, использует формы настоящего времени [117, с. 67]. Таким способом он передает действия, которые в его воображении осуществляются в проекции «здесь и сейчас», например: – *Предложение сводится к следующему. В четыре ноль-ноль Мерседес и два джипа* ***выезжают*** *из ворот ...личный состав скрытно* ***выдвигается*** *сюда и сюда, в засаду. В пять тридцать господин Фандорин ...****отключает*** *двенадцатый датчик…* [ВЧ, с. 126].

Глаголы настоящего времени в наглядно-примерном значении также способны изображать мир воображаемых перспектив. Усиление значимости воображаемого мира достигается за счет использования глаголов в роли вводного слова, как *предположим, скажем:* (о Наследнике) ***Предположим, получает*** *он от Великого Мата депешу с совершенно немыслимым, противоречащим разумности предписанием. Ну,* ***скажем****, послать русскую армию на штурм Альпийских гор или на завоевание Индии* [ВЧ, с. 218-219].

План будущего у Св. Алексиевич выражается аналитическими и синтетическими формами глаголов будущего времени и связывается главным образом с негативными предсказаниями, исходящими от лица героев чернобыльской трагедии. С этой целью используются глаголы с отрицательной коннотативной окраской или глаголы позитивной семантики с частицей *не:* «***Теперь*** *мы* ***знаем: будем сидеть, пить*** *чай за праздничным столом…* ***Будем разговаривать, смеяться****, а война уже* ***будет идти****… Мы даже* ***не заметим****, как* ***исчезнем*** [ЧМ, с. 118-119]; *Эти девочки, они уже* ***никого не родят»*** [ЧМ, с. 116].

Актуальным при анализе глаголов будущего времени совершенного вида является утверждение польского исследователя А. Киклевича об обозначении данными глаголами действия как результата и подчеркивания им того факта, что «значение формы совершенного вида не имеет ничего общего с однократностью» [90, с. 161]. Выделяя в семантике этих глаголов три основных типа результативности: финитивный, каузативный и их совокупность, ученый

пишет: «<…> глаголы совершенного вида обозначают действия, процессы, состояния и свойства, которые в некотором, актуальном, описываемым в высказывании отрезке времени являются результатом целевой деятельности субъектов или же следствием внешних или внутренних причин». Далее А. Киклевич подчеркивает: «<…> результатом/следствием считается такое положение дел, которое в соответствии с известной говорящему и/или слушающему нормой вытекает из содержания описываемого действия, процесса, состояния или свойства» [90, с. 163].

Приведенные утверждения подтверждаются следующими примерами из произведения С. Алексиевич: «*Все у нас **говорили**, что **мир поменяется**… По радио и по телевизору… Ромашка **превратится**… Во что она **превратится**? Во что-то другое. А у лисы **вырастет** второй … хвост, ежики **родятся** без иголок, розы без лепестков. **Появятся** люди, похожие на гуманоидов, они **будут** желтые. Без волос. Без **ресниц.** А закаты **станут зеленые»*** [ЧМ, с. 124].

Именно способность глаголов совершенного вида будущего времени передавать результативность действия позволяет использовать их в отдельных случаях при воплощении виртуального светлого будущего. Как правило, при этом отмечаются глаголы со значением положительного действия, направленного на созидание, соответствующего желаниям и целям говорящего: *Что **побито** и **разграблено**, вместе **восстановим»*** [ЧМ, с. 15]. «***Надо оставлять** факты.. Факты! Их **востребуют**…*» [ЧМ, с. 113].

Анализируемые глаголы выполняют важную функцию в повести В. Пелевина «Принц Госплана». Живущий между реальным и виртуальным мирами программист Саша Лапин, не удовлетворяясь реальной действительностью, переносится в притягательный для него иллюзорный мир, в котором на каждом шагу его ждут опасности. Ему постоянно хочется уйти от проблем по узкому, усеянному ловушками коридорчику, заранее зная, что путь обернется тупиком: *Господи, да на что я **надеюсь**? - подумал он (Саша). - Что я **буду** здесь **делать** через год?..**Сейчас** мне кажется, - думал он, - что хуже того, что со мной **происходит**, и быть ничего не может. А ведь **пройдет пара этапов**, и вот **по этому именно дню и наступит сожаление...** Господи, как же **погано должно стать потом**, чтобы **можно было жалеть**, что **происходит сейчас**...* [Пр. Гос.П., с. 4];

Мир Чернобыля, как уже отмечалось, предстает в произведении в виде двух миров: мир до Чернобыля и мир после Чернобыля. Если мир до Чернобыля представлен как мир реального прошлого, на что указывают в том числе и глаголы прошедшего времени, то мир после Чернобыля − как будущее с оттенком гипотетической семантики [100, с. 111]: *Я помню, как **дискутировали** о судьбах русской культуры, о ее тяге к трагическому. Без тени смерти ничего нельзя понять. Только **на почве русской культуры** и **можно будет осмыслить** катастрофу…* [ЧМ, с. 103]; *Вы забыли… **Тогда** Атомные станции – это **будущее**… Я не раз **выступал** … **Пропагандировал***

[ЧМ, с. 110]; *Вы забыли, что* ***до Чернобыля*** *атом называли мирным тружеником, гордились: живем в атомной эре. Атомного страха не помню.* ***Тогда*** *мы еще* ***не боялись будущего*** [ЧМ, с. 109]. ***Раньше*** *мы не замечали* ***этот мир*** *вокруг себя, он был, как небо, как воздух,* ***как будто кто-то его дал нам навечно****, и он от нас не зависит.* ***Будет всегда*** [ЧМ, с. 49].

Использование плана прошлого с проекцией на будущее как предсказание позволяет автору выразить мысль о том, что авария на Чернобыльской катастрофы представляет собой не только техногенную катастрофу, но и социальную. При этом план будущего как виртуальный мир выражается как эксплицитно, так и имплицитно [100, с. 111]: «Загрязнена» не только *наша земля*, но и *наше сознание*. И тоже *на много лет* [ЧМ, с. 98]; *Время физики в Чернобыле кончилось …* [ЧМ, с. 95].

Мир прошлого и мир настоящего/будущего передается также посредством наречий времени *раньше, теперь, всегда, никогда* и подобными [100, с. 111]: *Раньше* я думала, что *никогда не умру*. А *теперь знаю*, что *умру* [ЧМ, с. 123]; а также предложно-падежных сочетаний существительных с темпоральными предлогами *до, после*: *Есть* культура *до Чернобыля* и *нет* культуры *после Чернобыля* [ЧМ, с. 98]; *После нас останется* только история… Чернобыль *останется*… [ЧМ, с. 92].

В целом прогноз как составляющая футуральной семантики занимает в произведении значительное место. Все прогнозы героя условно можно разделить на два основных вида: внешние, которые также условно обозначим как прогнозы «напоказ»; и внутренние, связанные с сокровенными, но не самыми позитивными мыслями. Именно последние позволяют раскрыть сущность человека.

Примечательным в рассматриваемом контексте является факт реализации так называемый прогнозов «напоказ». С этой целью в качестве языковых средств используются глаголы прошедшего и настоящего времени с делокализованной темпоральной семантикой. Глаголы прошедшего времени в имперфектном значении передают положительные характерологические действия персонажей [107, с. 150]: *И все – вместе только. В отпуск хоть: поодиночке ни-ни:* ***не водилось*** [К, с. 1]. Глаголы настоящего/простого будущего времени используются в значении постоянного абстрактного времени. Сущность данного значения сводится к тому, что оно передает действия вне зависимости от времени его протекания, то есть те характерные действия, которые, как правило, субъект производит постоянно, всегда. В рассказе глаголы в данном значении используются с целью передать характерные черты героя, в частности Брянцева [107, с. 150]: *На практику – Брянцев любого* ***обольстит***, ***завладеет*** *лучшим направлением – и его за собой* ***тащит*** [К, с. 2], а также с целью подчеркнуть видимую гармонию в семейных отношениях главного героя и его жены: *В командировках* ***звонит*** *ей каждый день: как дела, не волнуйся* [К, с. 1]. *Она с дежурства, значит, усталая, – он*

уж сам обед ***сготовит****, прибрано все* [К, с. 1], *Или ночью вызовут его – она* ***спать*** *и* ***не думает, ждет*** [К, с. 1].

Прогноз «напоказ» реализовывается за счет видимых свойств характера героя, передаваемых с помощью имперфектной семантики глаголов прошедшего времени [107, с. 150-151]: (о нем) *Очень его* ***любили*** *все –* ***простой был, негордый*** [К, с. 1]. ***Не пил*** *он совсем* [К, с. 1].

Вместе с тем формы глагола прошедшего времени с имперфектной семантикой используются также с целью подчеркнуть негативные характеристики личности героя, который прогнозирует количество детей в семье: *…один ребенок – точка: обузы парень никогда* ***не домогался*** [К, с. 2].

Внутренний прогноз, согласно проанализированным данным, соответствует сущности героя, основанной на расчете. Этот расчет строится с учетом как негативных, так и позитивных жизненных обстоятельств. Глаголы настоящего и простого будущего времени в наглядно-примерном значении, используемые для передачи расчета, связанного с предупреждением негативных жизненных обстоятельств, употребляются в едином контексте с глаголом прошедшего времени в аористическом значении, носящем фактологический характер. Факт гибели Брянцева в прошлом по вине персонажа, с которым он жил в одной комнате, порождает текущие проблемы в будущем [107, с. 151]: *Вот* ***погиб*** *Брянцев…****придется*** *вдвое* ***платить… или пускать*** *кого, малоприятно…*[К, с. 2].

Позитивный, с точки зрения героя, внутренний расчет на будущее связывается главным образом с возможностью жениться на невесте погибшего друга. Интерес представляет при этом передача его мыслей, с целью чего используется глагол перформативного характера *грядет*, лексическое значение которого заключает в себе футуральную семантику [107, с. 151]: *…через год* ***грядет*** *распределение, а преимущество предоставляется семейным…* [К, с. 2].

Лексико-семантические средства вербализации возможных миров с проспективной семантикой

В репрезентации возможных миров, характерных для анализируемых произведений, активно участвуют лексические и контекстуально-семантические элементы. Они также позволяют автору сконструировать как отдельные миры, так и многомирие с проспективной семантикой. Согласно проведённым наблюдениям, именно лексико-семантические языковые единицы используются в романе Б. Акунина «Внеклассное чтение» для изображения ирреального мира, построенного на фантазии. К лексическим единицам такого рода относятся слова *грезить, фантазия, фантастический* и подобные. Ирреальный мир репрезентируется описательным способом. Рассмотрим наиболее яркие примеры, связанные с фантазиями детей, оказавшихся в детском доме: *И каждый из маленьких жильцов приюта, конечно же,* ***грезит*** *о том, что* ***родители его*** *не бросили, а* ***потеряли****, что* ***они ищут свое драгоценное дитятко*** *и* ***однажды непременно найдут*** [ВЧ, с. 75].

Ирреальные миры, построенные на фантазиях детей, в данном случае провоцируют имплицитно представленный, находящийся «за кадром», мир несбывшихся надежд. Благодаря этому миру автору романа удается донести до читателя мысль о достаточно серьезной проблеме современной России.

Лексико-грамматическими средствами формирования возможных миров в рассматриваемом романе служат глаголы *надеяться, ждать* (в значении ’надеяться’), *мечтать*. Глагол *надеяться* наделен, согласно словарным данным, двумя значениями, актуальным из которых является следующее: ’иметь надежду, рассчитывать на что-либо’ [41, с. 344]. В романе он способствует изображению мира несбывшихся надежд, что отвечает в целом замыслу произведения, принадлежащего к постмодернистской литературе: (Фандорин к Мите) *Все* ***ждешь****, что эта напасть тебя* ***оставит****,* ***надеешься****, что с сединой* ***придет*** *блаженное успокоение и ясность рассудка* [ВЧ, с. 36].

Глагол *мечтать* обладает следующей, актуальной в рамках возможных миров, семантикой: ’представлять в воображении’ [41, с. 264]. Он способствует структурированию когнитивной модели сценария, что позволяет ему участвовать в репрезентации мира воображаемых перспектив. Как уже отмечалось при анализе глаголов будущего времени, также вербализующих данный мир, он направлен на план будущего*: Николас забился, захрипел,* ***мечтая*** *только об одном – поскорее* ***проснуться*** [ВЧ, с. 30].

Еще одним лексико-семантическим средством, способствующим временной делокализации и репрезентации возможных миров, являются слова категории состояния *возможно/невозможно*. В частности, используемое в романе слово *невозможно* вербализует возможный мир, который, согласно классификации А.П. Бабушкина, можно интерпретировать как нереальный, но «земной» мир [76, с. 42]. Иными словами, речь идет о возможном мире, трансформируемом в реальный мир лишь при определенных условиях. Жизненные условия современной России не способствуют такой реализации. На эту идею Б. Акунина указывают, в частности, обозначения постперестроечной страны как джунглей в следующем высказывании: (Фандорин Мире) *А в* ***наших джунглях*** *делать большие деньги без острых клыков, да еще заботясь о чистоте рук, совершенно* ***невозможно*** [ВЧ, с. 198]. Приведенные ниже примеры из рассказа В. Пелевина подтверждает тот факт, что рассматриваемые лексико-семантические средства способны формировать семантику возможных миров. (Саша Лапин) (О мертвеце) *Саша* ***мог оказаться на дне*** *глубокой каменной* ***шахты****, а мужчина в пиджаке —* ***продолжить путешествие*** *к принцессе...* [Пр. Гос.П., с. 2]; *На что я* ***надеюсь****? И почему каждое утро встаю и куда-то иду? Ведь я плохой инженер... и скоро меня* ***возьмут и выпрут*** *и* ***будут*** *совершенно* ***правы*** [Пр. Гос.П., с. 4].

Христианский план прошлого может интерпретироваться автором произведения в контексте философии «за грехи наши», для чего С. Алексиевич использует ментальные глаголы прошедшего времени типа *понимать, мечтать, простить* [19, с. 349]: *Нет такого греха, который* ***бы***

Господь ***не простил*** *за искренность* ***принесенного покаяния*** [ЧМ, с. 20]; ***Не понимали****, что действительно есть физика… Цепная реакция… И никакие приказы и правительственные постановления эту физику* ***не изменят*** [ЧМ, с. 108]; *Я* ***мечтал****…* ***Вырасту*** *–* ***буду*** *технарь, как папа, он технику обожал* [ЧМ, с. 125].

Приведенные примеры свидетельствуют о несколько иной интерпретации концепции «за грехи наши», отличной от проекции на перфектную семантику. Последняя, как известно, предполагает негативный результат содеянных в прошлом грехов в настоящем времени [122, с. 103-110]. В произведении «Чернобыльская молитва» же отмечается проекция не на план настоящего, а на план будущего времени. Настоящее представлено как факт свершившегося, имплицитно, вне использования соответствующих языковых средств. Изображение прошлого актуализацией футуральной проспективы, на наш взгляд, имеет глубокий социально-философский смысл. Это не просто апокалипсическое будущее чернобыльских земель, но прежде всего призыв к человеку жить по совести в будущем с целью предупредить возможные грядущие катастрофы. Не случайно контекст «за грехи наши», сущность которого сводится к наказанию человека в будущем за его прошлые грехи, вбирает в себя и самого этого человека – человека советской эпохи. В произведении это представлено в виде использования словосочетания *советский характер*, а также излагается имплицитным путем в репликах полифонии персонажей путем использования глаголов со значением положительного действия [19, с. 349]: *Нет-нет, не бойтесь,* ***не заплачу****… Я* ***разучилась*** *плакать.* ***Хочу говорить****…* [ЧМ, с. 127]. *Что* ***бы*** *вы там ни* ***писали,*** *но* ***был*** *он,* ***советский характер****. Что бы вы* ***ни писали****, как* ***бы*** *лихо* ***ни отрекались****… Вам еще* ***жалко будет*** *этого человека…* ***Вспомните*** *о нем …* [ЧМ, с. 109].

Советский характер закаляется в советское время. Но именно это время порождает техногенные катастрофы, оно изжило себя вместе с империей – Советским Союзом – как пространством, которое вписывается в это время. Эпоха возможной «лжи во спасение» предопределяет крах пространства, что подтверждается реальной действительностью [19, с. 349].

Взгляд в будущее персонажей произведения сопряжен с возможным миром в виде мира гипотетического, позволяющего отвлечься от реальной действительности. Употребление форм будущего времени в этом случае для передачи данной семантики обусловливается спецификой грамматического значения будущего времени, содержащего значительную долю модальности. Так ряд ученых выносят будущее время за пределы индикатива, определяя его как отдельное наклонение [19, с. 350]. Так, известный польский исследователь Е. Курилович, усматривая в будущем времени значение *возможности, вероятности, ожидания* и т.д., подчеркивает, что оно – «наклонение, обозначаемое неуклюжим термином субъюнктив, или конъюнктив» [123]. Данное утверждение созвучно взглядам российского лингвиста XIX века

К. Аксакова, который отрицал категорию времени как таковую у русского глагола. По поводу будущего времени, в частности, он утверждал, что будущее нельзя назвать будущим, поскольку оно может употребляться и в прошедшем, и в настоящее временах [124].

Вместе с тем передаваемое формой значение времени далеко не всегда отображает объективную действительность. В. Касевич, высказывая данную мысль, приводит в качестве примера употребление форм будущего времени, передающих ситуацию, отсутствующую в объективной действительности. При этом ученый справедливо подчеркивает, что «из этого никак не следует делать вывод, что это и есть значение футуральной формы. С одной стороны, говорящий высказыванием, например, *пойду* отнюдь не хочет сообщить, что в момент речи он не идет. С другой стороны, в языке существует отдельная отрицательная конструкция (или отдельная форма глагола), значением которой как раз и является отсутствие ситуации, называемой глаголом, поэтому приписывание футуральной форме того же, по существу, значения нарушило бы реальные внутрисистемные связи» [66, с. 185-186].

И с этим нельзя не согласиться. Следовательно, фактор нереализованности действия не является определяющим в интерпретации будущего времени, а лишь подчеркивает его большую модальность по сравнению с другими значениями индикатива. Это и позволяет передавать с их помощью возможный гипотетический мир. В исследуемом произведении формы будущего времени в этом случае выступают в контексте таких лексических единиц, как *вера, надежда, ждать, представлять* и подобных [19, с. 350-351]. Приведем следующий иллюстративный материал: *Он так* ***не хотел умирать****… У него* ***была вера****, что моя любовь нас* ***спасет*** [ЧМ, с. 130]. *Ни на минуту* ***не представляла****, что мы* ***расстанемся*** [ЧМ, с. 131]. *Мы* ***ждали*** *весну:* ***неужели*** *снова* ***вырастет*** *ромашка? Как* ***раньше****?* [ЧМ, с. 123]. *Никто* ***не верил****, что* ***назад*** *мы уже* ***не вернемся*** [ЧМ, с. 41]. *Я* ***хочу жить после*** *Чернобыля, а* ***не умирать после*** *Чернобыля.* ***Хочу понять****, за что я* ***могу зацепиться*** *в своей* ***вере****. Что* ***даст*** *мне силу?* [ЧМ, с. 90].

Циклический характер времени выражается в изложении периодически повторяющихся событий, следовательно, носящих циклический характер. Заметная роль в передаче темпоральной семантики такого рода в тексте рассказа И. Одегова принадлежит наречиям времени [97, с. 52]. Одни из них указывают на регулярность повторяющихся действий, другие заключают в своей семантике указание на редкостный характер их протекания, например*:* ***Иногда*** *он* ***вспоминает,*** *что сам себя обрек на* ***вечный*** *сон, и* ***злится на*** *наш* ***мир*** *– и* ***тогда*** *не земле* ***происходят*** *несчастья. Он* ***вновь*** *склонился над спящим, желая разглядеть в нем то самое превосходство, отличие от других – и в* ***этот момент*** *лежащий на земле человек содрогнулся всем телом, глубоко вздохнул и проснулся.* (О людях) *Камал* ***все*** *удивлялся – откуда столько? – и старался сосчитать их, как его учили в школе, но* ***все время*** *сбивался и начинал* ***сначала*** *…* ***еще раз и еще, пока****, незаметно для себя, не уснул. Но* ***чаще***

Пуруша ***спит*** *спокойно и* ***улыбается*** *во сне. Когда незнакомец* ***порой*** *приходил в себя и поднимал голову, Камал* ***каждый раз*** *спрашивал его недоверчиво: Пуруша?* (О Пуруше) *Кровь* ***по-прежнему время от времени*** *текла из его уха…*[П].

Повторяемость, цикличность действий негативной коннотативной окрашенности, определяемых темпоральными наречиями, с точки зрения производящего их субъекта отмечается в авторской речи: ***Раз в два года*** *в этих краях шли проливные дожди …* (О Пуруше*) Чем же там* ***заканчивается эта легенда****?.. Камал никак не мог* ***вспомнить****, он* ***все время*** *засыпал* ***перед финалом***. (О легенде) *Ну почему, почему он* ***ни разу*** *не дослушал* ***до конца****!* ***Иногда*** *он* ***вспоминает****, что сам* ***себя обрек*** *на вечный сон, и* ***злится*** *на наш мир* [П].

Действия, передаваемые глаголами положительной коннотативной окрашенности, свидетельствуют о позитивной оценке мира автором как речевой личности [97, с. 53]: *Но чаще Пуруша* ***спит и улыбается*** *во сне.* (О лошади) *Гита тоже знала эти дороги и понимала, куда ее везут, и поэтому,* ***не дожидаясь оклика, каждый раз*** *сворачивала в нужную сторону. Там, в Горепани, мама родила Камала. Туда же* ***он второй год с поздней осени до ранней весны, когда дел дома становилось меньше, ходил*** на уроки [П].

Значительную часть коммуникативного пространства автора рассказа как речевой личности составляет сфера разговорной речи, которая позволяет приблизить его к читателю. Данную сферу представляют, в частности, устойчивые сочетания, передающие циклический характер времени, типа *каждый раз, все* в значении ’все время’[97, с. 53]: (о Камале) *Папа* ***все*** *не возвращался, и он* ***ждал*** *его во дворе… и уже несколько раз вскакивал, услышав чьи-либо шаги, но* ***каждый раз*** *это оказывался то сосед…, то незнакомый путник…*[П].

Темпоральные языковые единицы, главным образом наречия времени, используемые для обозначения конкретного момента действия, придают значимость линейному времени в речевой личности писателя. Оно складывается из семантики, уточняющей: а) момент временной локализации действия; б) последовательности протекания действий; в) длительность действия. Поясним каждый из них [97, с. 53-54].

а) Языковые единицы, уточняющие семантику момента временной локализации действия, представлены наречиями времени *теперь, тогда, однажды* (неопределенный настоящий момент, прошлый момент), например: *Так* ***с утра*** *еще туманец; земля* ***за ночь*** *влагой напиталась, в себя втянула, заготовила солнцу на прикорм, а* ***теперь*** *отдает. Камал* ***вспомнил****, что видел похожих людей* ***однажды****, издалека …и Камал тогда еще подумал – хорошо бы им рассказать, что на эту вершину есть нормальная пологая тропа.* ***Теперь*** *дорога шла под уклон…* ***сейчас*** *никого не было видно. Мужчины* ***днем*** *работали на полях, а женщины в доме.* ***Утром*** *Камал проснулся от холода.* (Косвенная

речь отца) *Так что Пуруша* ***сейчас*** *в больнице. И врачи* ***говорят, что он поправится*** [П].

Кроме того, в организации данной семантики активно участвуют предложно-падежные формы существительных и словосочетания с атрибутивным значением, ряд из которых относится к разговорной речи. В частности, это касается предложно-падежной формы *с утра*, соответствующей наречию кодифицированного литературного языка *утром*: *Так* ***с утра*** *еще и туманец…*, а также предложно-падежных форм *к обеду, под вечер*: *В себя пришел он только* ***к обеду***. *Асмет вернулся только* ***под вечер*** [П].

Разговорный характер отмечается также в репликах диалога, в частности в репликах матери Камала, речь которой характеризуется директивной риторикой в целом: *… в комнату заглянула мама.*

– Наконец-то*! – воскликнула она. – Умывайся и иди за стол. Асмет* ***уже час назад*** *на поле ушел. И ты собирайся,* ***после завтрака повезешь*** *шерсть в Горепани…* [П].

б) Семантика, уточняющая последовательность протекания действий, воплощается путем использования контекста, в канву которого вплетаются наречия типа *тогда, потом*, позволяющие передать действия по мере их развертывания. Данные действия, обозначаемые глаголами прошедшего времени в аористическом значении, носят фактологический характер [97, с. 54]. В организации контекста при этом участвуют глаголы физического действия речи, движения, бытия: *И* ***только когда звезды приблизились к земле****, только* ***тогда*** *Камал задремал.* ***Наконец*** *они поднялись на холм. Камал достал из кармана ножичек и кончиком осторожно* ***надавил*** *на щеку спящего. Реакции* ***не последовало****, и* ***тогда*** *Камал* ***надавил*** *сильнее, а* ***потом*** *легко* ***чиркнул*** *острием по коже. Камал бросился вслед за ними, но мама успела поймать его за шиворот. – Дома останешься,− сказала она, −* ***еще*** *не рассказал, где шерсть для тети Маниши потерял. И Гиту почистить* ***надо*** [П].

В единичных случаях в организации рассматриваемой семантики наряду с глаголами прошедшего времени используются глаголы будущего времени, например: (Камал) *Он бы придумал, что* ***в какой-то предсказанный день*** *мир* ***наконец*** *станет существовать сам и* ***тогда*** *Пуруша сможет проснуться* [П].

Приближенность к обыденной разговорной речи, характеризующая автора рассказа как речевую личность, при передаче последовательности протекания действий, достигается в большей мере за счет использования высказываний, включающих обособленные обстоятельства в составе с деепричастиями совершенного вида. Оговорим, что если обособленные обстоятельственные конструкции в составе с деепричастиями несовершенного вида достаточно чужды системе разговорной речи, то деепричастия совершенного вида характеризуются иной направленностью. Приведем следующий иллюстрированный материал: (после оползня в горах) *Камал потрогал затылок и нащупал ссадину, но,* ***осмотрев пальцы****, убедился, что кровь уже густая, темная, а значит,* ***скоро*** *совсем* ***схватится, стянет*** *рану.*

Внимательно ***рассмотрев*** *незнакомца, Камал* ***хотел*** *было возразить, но,* ***увидев мамины глаза, вдруг*** *испугался и бросился прочь.* ***Лишь сев за стол и жадно принявшись за еду****, Асмет сказал, что с Пурушей все в порядке. Просто они* ***долго*** *искали машину, а* ***потом*** *пришлось ехать в Покхару вместе.* ***Когда они вернулись с Асметом вместе****, бледный Пуруша лежал с открытыми глазами…* ***Увидев Камала****, он слабо улыбнулся. Камал ахнул… Но прошла* ***секунда****, за ней* ***еще одна и еще****, а ничего не случалось* [П].

Темпоральное значение последовательности протекания действия особенно очевидно при трансформации этих построений в придаточные части с обстоятельственным значением времени в составе сложноподчиненного предложения.

Единичными случаями в анализируемых материалах отмечено простое предложение, включающее обстоятельство времени в виде атрибутивных словосочетаний с предлогом *после.* Следует подчеркнуть, что конструкции с темпоральным значением последовательности действия в большинстве своем отмечаются в авторской речи, характеризуя автора как речевую личность логичностью осмысления реальной действительности, четкостью в организации мысли и воплощения ее в речевой действительности.

в) Линейное время в анализируемом рассказе, согласно собранному фактическому материалу, воплощается также в виде семантики, уточняющей степень длительности действия. С этой целью в тексте используются наречия времени, а именно: *вскоре, наконец***,** обозначающие кратковременность/длитель ность реализации действия с момента точки отсчета; *долго, вечно, давно***,** обозначающие длительность осуществления действия; *вдруг* – его мгновенный характер, *бегом* – минимальную длительность в сочетании с директивной риторикой приказа [97, с. 55], например: (о Пуруше) *Ведь не может же он спать* ***вечно****. Ему* ***вдруг*** *захотелось пошутить над спящим****.*** *А сон, который* ***долго*** *снится,* ***может никогда не закончиться****, это и папа так говорил,* ***когда*** *Камал капризничал и не хотел вставать* ***по утрам****.* (О Гите) ***Подведя ее к стойлу****, он стал распутывать узелки,* чтобы ***снять наконец с седла Пурушу. Полдень уже давно миновал***, но ***до*** *заката было еще* ***далеко****.* ***Вскоре*** *они дошли до ущелья…* (Ближе к привалу) ***В этот момент*** *что-то мелькнуло перед его глазами* [П].

Спорадически длительность передается имплицитно, путем определений *долгий* к существительному *путь*, обозначая предполагаемое время, которое потребуется для его преодоления: *Такой* ***путь*** *был* ***дальше****, но безопаснее****.***

Интерес также представляет употребление наречия места *далеко***,** имплицирующее темпоральную семантику ’долго’, что свидетельствует о взаимосвязи времени и пространства, таким способом воплощаемой приоритеты автора как речевой личности [97, с. 55]: *Камал* ***никогда*** *не был в Похкаре, но знал, что ехать туда* ***далеко****… До заката было еще* ***далеко*** [П].

Значительно реже семантика длительности передается путем использования предложно-падежных форм существительных в составе

словосочетаний: ***Через несколько секунд*** *на их головы полетел щебень. Камал помнил, что единственная дорога, по которой ходили машины, находится* ***в трех часах пути****. А значит, отправляться необходимо прямо* ***сейчас, пока еще светло****.* ***Может быть****, в легенде говорится, что* ***однажды, спустя тысячи лет****, Пуруша проснется? Прошло* ***несколько часов****, солнце уже село, но розовый свет еще окрашивал острый двойной пик Мачанучры…* [П].

Речевая деятельность автора как речевой личности, актуализируя темпоральную семантику, направлена в рассказе не только на изложение своеобразных событий, но и на воплощение жизненных ценностей, одной из которых является время. Благодаря этому передается мысль о том, что время ограничивает действия, замедляет их, ускоряет, корректирует. Строение временных границ, характерных для постмодернистской культуры, нивелирует значения настоящего, прошедшего и будущего времени в структуре речевой личности автора [97, с. 55].

Темпоральная семантика между тем формирует речевую личность автора также благодаря использованию глаголов в различных формах времени. Большинство из них употребляется в форме прошедшего времени в аористическом значении, придающем действию фактологический характер: (Камал) − *Па-а-ап, ну расскажи.*

Ну, хорошо – засмеялся Асмет, − только ты ***в этот раз*** *слушай, не засыпай*.

Глаголы настоящего постоянного времени употребляются в философских размышлениях героев, а также при описании природных явлений: *Вот* ***с тех пор*** *Пуруша и* ***спит****.* ***Но приходит солнце*** *– и* ***глядишь****, тумана как не бывало…* ***Если*** *незнакомец не врет,* ***если*** *он и впрямь Пуруша, то почему* ***мир до сих пор существует***? [П]

Делокализованный характер времени передается с помощью глаголов постоянного будущего времени: *В горах* ***рассвет поздний****. Пока солнце* ***выберется*** *из-за гребня Аннапурны,* ***пока раскинет*** *свои лучи по всем склонам, пока каждый дом* ***найдет*** *да в окна* ***заглянет****…*

Особенностью, формирующей речевую личность автора, на вербально-семантическом уровне является использование эллиптических конструкций, имплицитно выражающих императивную семантику. Так, в речи матери Камала отмечаем:

− Мама, это Пуруша! – закричал Камал, развязывая ремни. – Я нашел его!

– Какой еще Пуруша, – озабоченно всплеснула руками мама… −А ну ***бего****м за Асметом, а я здесь сама разберусь.* ***Бегом*** *я сказала* [П].

Спорадичностью в коммуникативном пространстве автора, составляющей его речевую личность, отличаются глаголы прошедшего времени с имперфектной семантикой. Сущность данной семантики заключается в том, что воплощающие ее глаголы выражают многократно повторяющиеся действия, позволяющие охарактеризовать их производителя с оценочной позиции, иными

словами, придают действию характерологические свойства, оценочность. Приведем следующий иллюстративный материал: *Туда же он второй год с поздней осени до ранней весны, когда дел дома становилось меньше,* ***ходил*** *на уроки* [П].

Единичность такого рода употреблений свидетельствует о большей приверженности автора фактологичности, которая присуща глаголам аористического значения прошедшего времени, обнаруживающим частотность в употреблении при изложении событий. Тем самым в речевой личности автора фиксируется еще один значительный штрих – ненавязчивая оценка происходящего с учетом мнения читателя.

Таким образом, фактологический характер изображаемых действий с элементами вкрапления директивной риторики матери; темпоральный синкретизм, переплетаемый с циклическим и линейным временем в виде целого спектра языковых единиц с темпоральной семантикой, − все это составляет основу сущности автора анализируемого рассказа как речевой личности.

Интерес представляет частое отсутствие плана будущего в темпоральной парадигме рассуждений героя рассказа. Как показывает произведенный анализ, они сконцентрированы на двух временных планах: прошлом и настоящем [107, с. 149]:, например: *Трудно сказать, что хуже: остаться без* ***настоящего*** *или остаться без* ***прошлого****. Но мне – мне суждено было потерять* ***прошлое и настоящее*** *разом* [К, с. 9]. Идейная значимость субстантивированных прилагательных *прошлое, настоящее* в данном контексте несомненна. Лишение этих двух временных планов предопределяет невозможность третьего из них – плана будущего. Прогноз героя на будущее оказывается несбыточным, что в обобщенном виде резюмируется в реплике автора [107, с. 149]: *Человек* ***любит надеяться****, что самое тяжелое –* ***позади*** [К, с. 9].

Как видно из представленных примеров, данная лексика отражает возможный, воображаемый мир. Автор уделяет большое внимание идее несоответствия воображаемого и реального миров. В данном случае актуализируется два временных плана: прошлый и настоящий. К плану прошлого относятся осуществленные прогнозы героя, к плану настоящего – разочарование в них как жизненных ситуациях:*…что, собственно? одиночество – не постыло ли…* ***развестись*** *всегда* ***можно****; алименты? ерунда…* [К, с. 5]. *Я* ***женился*** *на ней – ну, так* ***обрел ли*** *я желаемое?..* [К, с. 7]. *И* ***по прошествии двадцати пяти*** *лет окончательно* ***явствует****, что парнишка-то нас всех* ***обскакал*** [К, с. 2]. *Я почувствовал…* ***жертвой*** *собственного воплощенного* ***плана****, который теперь диктовал мне мое* ***прошлое, настоящее и будущее*** [К, с. 6].

Следует обратить внимание на то, что в последнем из приведенных примеров, помимо лексем прошлое, настоящее, употребляется также лексема будущее, что свидетельствует о неразрывности трех временных планов категории времени.

2.4 Текстовые фрагменты воплощения возможных миров с проспективной семантикой

В репрезентации возможных миров, как показывает собранный фактический материал, участвуют и отдельные текстовые фрагменты, о чем свидетельствуют также лингвистические источники [125; 126]. Это могут быть части текста, представляющие собой сложное синтаксическое целое, абзацы, а в некоторых случаях – развернутые отдельные предложения. Возможные миры конструируются за счет контекстуальных данных в совокупности с языковыми единицами, проанализированными в предыдущих подразделах. В данном случае, как и при участии лексико-семантических средств, значительными оказываются когнитивные структуры, прежде всего сценарии.

Ряд текстовых фрагментов заключает в себе несколько взаимно пересекающихся возможных миров. Показательными в этом отношении являются следующие отрывки, извлеченные из романа Б. Акунина: (о России) *Это сгущение энергии… Когда* ***сияние станет меркнуть, а сила слабнуть, от России начнут отваливаться*** *куски. Когда же пламень совсем* ***затухнет****, Россия* ***перестанет быт****ь,* ***как прежде перестал быть*** *Древний Рим…* [ВЧ, с. 41]. В этом примере репрезентируется мир воображаемых перспектив. Этому способствуют глаголы будущего времени фазового характера со значением начинательности действия, показателем чего являются вспомогательные глаголы *станет, начнет*, приставка *за.* Этот мир сочетается с максимально приближенным миром, передаваемым благодаря условной конструкции, вводимой союзом *когда* в условном значении.

(Саша Лапин) *Странно, - думал он, - как я изменился за последние три уровня. Когда-то ведь казалось, что стоит только перепрыгнуть через ту расщелину — и все. Господи, как мало надо было для счастья... а сейчас я это делаю каждое утро почти не глядя, и что? На что я надеюсь сейчас? Что на следующем этапе все изменится и я чего-то захочу так, как умел хотеть раньше? Ну, допустим, дойду... Но когда я туда залезу, где я найду того себя, который хотел туда залезть?* [Пр. Гос.П., с. 4]

В ряде случаев в построениях произведения «ЧМ», включающих план прошлого как реальный мир и гипотетический мир с проекцией на план будущего, содержатся философские размышления обычного человека, которому приходится осмысливать новую реальность после катастрофы. Характерно, что в таких высказываниях обнаруживается абстрактная лексика, например: *самопожертвование, мир*: *Этих людей* ***уже нет****… Только документы в нашем музее… Фамилии… Но* ***если бы они не сделали этого****? Наша* ***готовность к самопожертвованию****… В этом нам нет равных…* [ЧМ, с. 74]

Имплицитно представленный реальный мир в произведении С. Алексиевич «Чернобыльская Молитва», а именно победа в Великой Отечественной войне, противопоставлен альтернативному возможному миру с

центром иного человека. Это позволяет автору путем использования языковых средств гипотетической семантики обозначить советского человека как человека подвига, способного ради родной земли пожертвовать собой. Своеобразным пафосом с оттенком горькой иронии наполнены употребляемые с этой целью словосочетания: *люди особой культуры, культура подвига* [19, с. 352].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что два возможных мира плана прошлого с гипотетической семантикой воплощают взаимозависимость техногенной и социальной катастроф. Чернобыльская авария, согласно идейному замыслу автора, повлекла за собой крушение могучей империи, какой являлся Советский Союз [19, с. 352]: *Не* ***взорвался бы*** *Чернобыль, держава* ***бы не рухнула*** [ЧМ, с. 110]. ***Я хочу вспомнить, какими мы были, когда случился Чернобыль. Потому что в истории они останутся вместе – крушение социализма и чернобыльская катастрофа. Они совпали. Чернобыль ускорил развал Советского Союза. Взорвал империю***. [ЧМ, с. 56]. *Очень плохо! Мы скоро все* ***умрем! Исчезнет*** *нация!* [ЧМ, с. 108].

Апокалипсическое будущее Чернобыля воплощается в произведении за счет насыщенности монологов персонажей глаголами будущего времени негативной коннотативной окрашенности. Частотностью при этом отличается глагол *умереть*; предложно-падежные формы с предлогом *без* [19, с. 353]: *Маленькие девочки в больничных палатах играют в «куклы» Куклы у них* ***закрывают*** *глаза… Так куклы* ***умирают****… Почему куклы умирают? Потому что это наши дети, а наши дети* ***жить не будут****. Они* ***родятся и умрут*** [ЧМ, с. 79]. *Человек* ***умрет*** *и за тысячу лет* ***превратится*** *в землю, в пыль, а «горячие частицы»* ***будут жить****. И эта пыль* ***способна будет*** *снова* ***убивать****…* [ЧМ, с. 60]. *Мы свидетели. Но мы скоро* ***умрем****…*[ЧМ, с. 28]. *Вокруг тогда говорили:* ***умрем-умрем****… К двухтысячному году белорусы* ***исчезнут*** [ЧМ, с. 6]. *Все* ***знают*** *– через три дня их тоже* ***увезут****. Все* ***останется*** [ЧМ, с. 105]. *Врачи меня предупредили, что мой муж* ***умрет****… У него рак крови…* [ЧМ, с. 79]. *Но мое детище – музей. Музей Чернобыля. А иногда мне* ***кажется****, что здесь* ***будет не музей, а похоронное бюро*** [ЧМ, с. 70]. *За Чернобылем строят лагеря, в которых* ***будут держ****ать тех, кто попал под радиацию.* ***Подержат, понаблюдают и похоронят*** [ЧМ, с. 54]. *Мелют, что лягушки и мошки* ***останутся****, а люди нет. Жизнь* ***останется без людей*** [ЧМ, с. 110].

Предсказание будущего после чернобыльской катастрофы связывается в произведении с библейским мотивом Страшного Суда. Ведь, как известно, название местности Чернобыль основано на украинской лексеме *чорнобыль*, в переводе на русский язык означающей траву чернобыльник, идентичную полыни. В сознании людей это название по-своему также спровоцировало трагедию. Заметим, что такого рода интерпретация трагедии в обыденном сознании небезосновательна. Она базируется на фидеистическом отношении к слову и в целом на теории имяславия [127]. Приведем следующий иллюстративный материал: *Откровение Иоанна Богослова*: *«… и упала с неба*

большая звезда, горящая подобно факелу, и пала на третью часть рек и на источник вод. Имя сей звезды «польнь». И третья часть вод сделалась польнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки…»;
… Постигаю сил ***пророчество****… Все уже* ***предсказано****, написано в святых книгах, но мы читать не умеем* [ЧМ, с. 20]. *Много лет назад моя бабушка читала в Библии, что* ***наступит*** *на земле* ***время****, когда всего* ***будет*** *в изобилии, все* ***будет цвести*** *и* ***плодоносит****ь, в реках* ***станет полно рыб****ы, а в лесах зверя, но* ***воспользоваться*** *этим человек не сможет. Он не сможет и породить себе подобного, продлить бессмертие. Я слушала старые* ***пророчества,*** *как страшную сказку. Не верила* [ЧМ, с. 31]. *Одна девочка мне рассказывала, как их класс послали осенью восемьдесят шестого года в поле… на уборку свеклы и моркови. Везде им попадались дохлые мыши, и они смеялись: вот* ***вымрут*** *мыши, жуки, черви, а потом* ***начнут умирать*** *зайцы, волки. За ними – мы. Люди* ***умрут*** *последними. Дальше они фантазировали, какой* ***будет*** *мир без зверей и птиц. Без мышей. Какое-то время* ***останутся*** *жить одни люди. Без никого. Даже мухи* ***перестанут летать****. Им было по двенадцать-пятнадцать лет. Так они* ***представляли себе будущее*** [ЧМ, с. 61-63].

Особо следует подчеркнуть, что апокалипсис, «конец света», выражаемый путем значения будущего времени, передается в произведении в контексте оппозиции ’мы − они’. Компонент *мы* включает людей, пострадавших от аварии. Компонент же *они* обозначает как остальной простой народ разрушавшейся в те времена империи, так и людей, которые, по мнению автора, должны понести наказание за произошедшее [19, с. 354]. Об этом свидетельствует следующий иллюстративный материал ***Мы исчезнем****, а* ***они*** *и* ***не заметят*** [ЧМ, с. 51]. *Зону раскупили на дачи.* ***Они*** *деньги* ***получат*** *и еще* ***их накормят*** *и* ***напоят*** [ЧМ, с. 39]. ***Одни*** *забыли,* ***другие не хотят*** *вспоминать, потому что* ***мы*** *ничего* ***не можем изменить****, даже* ***уехать*** *отсюда* [ЧМ, с. 32]. *Механизм зла* ***будет работать*** *и при апокалипсисе. Я это понял. Также* ***будут сплетничать, заискивать*** *перед начальством,* ***спасать*** *свой телевизор и каракулевую* ***шубу. И перед концом света человек останется тот же, какой он сейчас****. Всегда*. [ЧМ, с. 45]. *Все, мол, как-то* ***образуется****, как-то оно* ***будет****, но образуется само по себе, без* ***них,*** *без* ***их*** *участия* [ЧМ, с. 49]. *Но в нашей деревне только начальная школа, в пятый класс их возят автобусом за десять километров. И* ***они*** *плачут –* ***не хотят ехать****. Там* ***дети будут*** *над ними* ***смеяться*** [ЧМ, с. 47].

Итак, в произведении С. Алексиевич «Чернобыльская молитва» категория времени актуализирована не только как категория физического (реального) времени либо перцептивного времени, но и как, прежде всего, времени лингвофилософского. Она представлена как совокупность пересекающихся, взаимосвязанных, составляющих плана прошлого и плана будущего, последний из которых в сознании участников трагедии аннулирован как возможная перспектива жизни. Посредством комплекса языковых средств, главным образом глаголов будущего времени с особым использованием их в значении

совершенного вида, конструкций с условной семантикой, воплощаются возможные миры, позволяющие передать идею ответственности человека за будущее в связи с содеянным в прошлом. Это идея имплицитно заложена в ключевом слове заглавия произведения − *молитва,* призывающем молиться за содеянные грехи с целью предотвращения подобных техногенных катастроф в будущем [19, с. 355].

Полифония голосов участников чернобыльской аварии как художественный прием позволяет автору произведения донести идею о советском человеке, время которого ушло вместе с тоталитарной эпохой и пространством, в которое он вписывался.

Кроме того, позитивный внутренний расчет воплощается благодаря глаголам положительной коннотации в наглядно-примерном значении настоящего времени. Данное значение, характерное главным образом для разговорной речи, выражает действие, которое реализуется как достаточно типичное для той или иной ситуации, следовательно, служит для соответствующей ситуации наглядным конкретным примером. В прогнозах героя данное значение глагола занимает одну из доминирующих позиций: *И* ***выбирается*** *заурядная девчонка с первого курса… Раз: она его* ***уважает*** *и* ***почитает****: он взрослый, способный, умный, герой-фронтовик… Два: единственная дочь обеспеченных родителей, им* ***подкидывают****, в плане материальном он* ***не отяготился****… оптимальное решение… Четыре: до распределения они* ***рожают*** *ребенка, и их* ***оставляют*** *в областной больнице. Он* ***идет на место хирурга*** *и* ***становится дельным хирургом****… У него и научная работа, он и* ***в общественники лезет****, и* ***речи толкает****, и* ***кандидатскую кропает****, и с любым* ***умеет поладить****…*[К, с. 2]. *Семья – куда лучше. Дочка славная* ***растет****, а больше-то детей и не было, может, у него своих и не могло быть* [К, с. 5].

Наглядно-примерное значение глагола, как представляется, в наибольшей степени способствует передаче семантики прогноза, участвуя в репрезентации возможных миров на основе когнитивных моделей. Как подчеркивают представители когнитивной лингвистики, «наши знания, отражаемые в языковой форме, организуются с помощью определенных структурно-когнитивных моделей» [81, с. 13]. Рассматриваемый исследователем когнитивный сценарий дискурса мечты, по справедливому мнению А.Г. Хлебодаровой, «представляет собой алгоритм конструирования определенного возможного мира» [82]. Алгоритм позволяет переводить одну реальность, основанную на прошлом опыте, в другую, виртуальную. В результате происходит замена референтов реального мира на референты мира виртуального (возможного). Именно такого рода алгоритм прослеживается в прогнозах героя благодаря использованию глаголов в наглядно-примерном значении в настоящем времени, передающих действия, направленные на будущее, например: *Предусмотренный вариант:* ***предлагает*** *для выручки фиктивный брак* [К, с. 6].

Произведенный анализ указывает на разнообразие и богатство языковых средств, используемых в анализируемых произведениях, позволяет репрезентировать разнообразные возможные миры. Причем использование их соотносится с тем или иным возможным миром как доминирующим средством его репрезентации. В обобщенном виде это можно свести в следующую таблицу (таблица 3).

Таблица 3 – Вербализация возможных миров в современном художественном тексте с проспективной семантикой

Языковые средства проспективной семантики (по степени доминирования)	Примеры	Процентное соотношение	Соответствующая семантика возможного мира
1	2	3	4
Глаголы будущего времени	*Господи, да на что я* ***надеюсь****? - подумал он (Саша). - Что я* ***буду*** *здесь* ***делать*** *через год?..* (Пр.Гос.П.)	28 %	мир предписываемых действий, мир нежелательных перспектив, мир воображаемых перспектив, мир сомнений
Конструкции условной семантики с глаголами будущего времени	***Если наследник наденет корону, то*** *непременно* ***возьмёт*** *себе советчиком господина Маслова….* [ВЧ, с. 218]	27 %	максимально приближенный мир, мир допустимых событий, мир воображаемых перспектив, мир несбывшихся надежд
Высказывания с условной семантикой	***Если мое пребывание здесь вам неприятно****, я немедля уеду…*[ВЧ, с. 106]	17 %	потенциальный мир, альтернативный предпочтительный мир
Условная семантика в высказываниях в составе с частицей *бы* + инфинитив	***Отправить бы*** *ее с детьми подальше от Москвы…,* ***но разве Жанна позволит?*** [ВЧ, с. 58]	9 %	максимально приближенный мир, мир прожектов и предполагаемых решений
Инфинитивные конструкции	***Бросить*** *институт,* ***уехать, устроиться*** *на работу,* ***родить****… Куда? Как? На какие деньги?* [К, 2]	7 %	мир желаний, мир прожектов и предполагаемых решений, фиктивный мир, мир предписываемых действий

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
глаголы настоящего времени в значении будущего	*… до распределения они рожают ребенка, и их оставляют в* ***областной*** *больнице* [К, 2].	2,7 %	максимально приближенный мир
частицы сомнения и допущения	*Окрест любавинские деревни. Нас там* ***вряд ли обогреют, скорее донесут*** *в милицию* [ВЧ, с. 136]	2,4 %	мир сомнений, догадок и гипотетических допущений
разделительные союзы	*Непременно случится с ним какая-нибудь дорожная неприятность –* ***либо*** *из возка* ***выпадет*** *и* ***шею свернет, либо отравится*** *на постоялом дворе чем-нибудь несвежим* [ВЧ, с. 221]	1,8 %	альтернативный мир
формы сравнительной степени	*Что* ***хуже:*** *спасти тех, кого любишь, погубив при этом собственную душу, или же спасти свою душу ценой смерти женщин и детей?* [ВЧ, с.116]	1,1 %	альтернативный мир как мир воображаемых перспектив
модальные конструкции	*она* ***не должна жить*** *с тем, кого знает как убийцу любимого* [К, 10]	0,9 %	Предположительный, вероятностный мир
вопросительные конструкции	***Разве может*** *какой-то Прохор Иванович, сын лавочника,* ***получить*** *власть над Российской империей*? [ВЧ, с.218]	0,9%	мир гипотетических допущений, альтернативный мир догадок, мир нереализованных ожиданий, полемический мир
сослагательное наклонение глагола	*Ребенок* ***плакал****… Он мог их* ***выдать****, их* ***обнаружили бы****, весь отряд* [ЧМ, с.43]	0,8 %	мир чужих ролей, альтернативный предпочтительный мир
лексико-семантические единицы	*Мог ли я в глубине души* ***не желать*** *ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего…*[К, 6]	0,8 %	многомирие
текстовые фрагменты	*Человек умрет и за тысячу лет превратится в землю, в пыль, а «горячие частицы» будут жить. И эта пыль способна будет снова убивать* [ЧМ, 60].	0,6 %	многомирие

Согласно данным, представленным в таблице, степень способности языковых средств воплощать тот или иной возможный мир, а также несколько возможных миров различна. Об этом свидетельствуют приведенные соотношения между языковым средством и воплощаемыми им возможными мирами (или одним возможным миром). Наличие же способности репрезентировать один и тот же возможный мир путем разнообразных языковых средств свидетельствует не только о богатстве русского языка, но и о таланте писателей анализируемых художественных текстов, сумевших умело использовать эти средства. Иными словами, каждого из авторов исследуемых произведений можно интерпретировать как креативную языковую личность [98, с. 84-89]. Так, с целью воплощения альтернативного предпочтительного мира автором употребляются глаголы в сослагательном наклонении, равно как и конструкции с условной семантикой. Неоднозначно воплощается в наших текстах мир предписываемых действий, мир прожектов и предполагаемых решений, максимально приближенный мир и т.д. Каждый из этих возможных миров имеет разную степень отдаленности от реального мира и приближенности к миру фиктивному, соотносимому с антимиром. Ступени восхождения от мира реального к миру фиктивному, по данным анализируемой прозы, схематически можно представить следующим образом (рисунок 7).

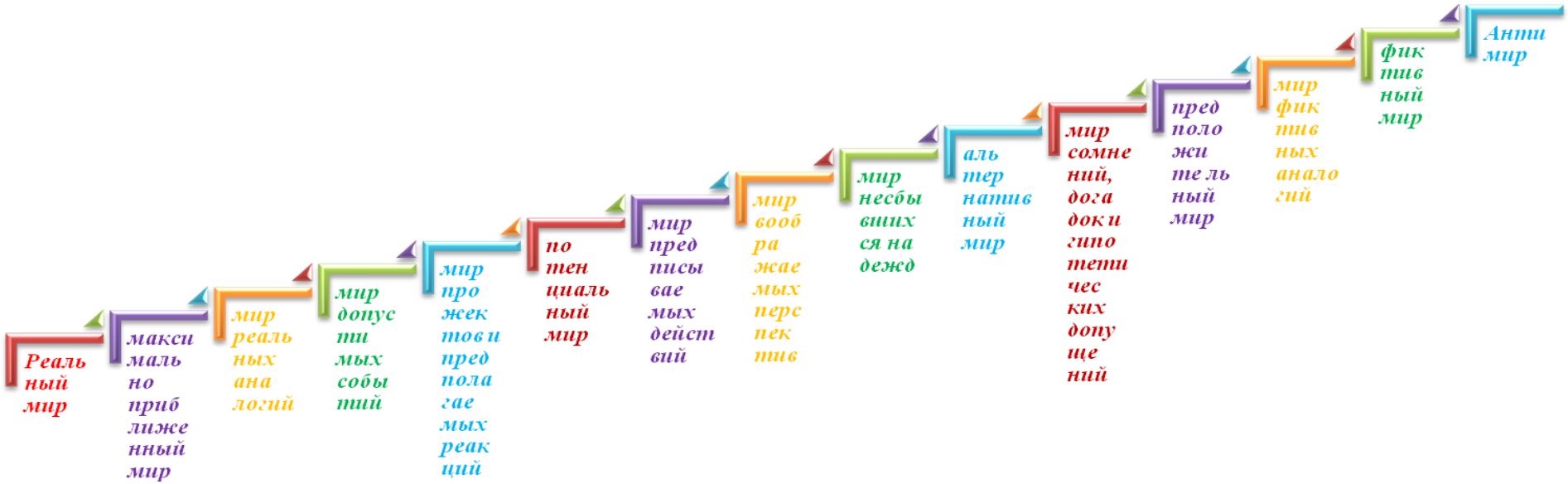

Рисунок 7 – Ступени восхождения от Реального мира к Античному миру (по данным анализируемых произведений)

Выводы по второму разделу

1. Произведения современной русской художественной и художественно-документальной прозы основываются на реальной действительности перестроечного и постперестроечного периода, образуя тем самым два сюжетных временных среза. В них утверждается идея о том, что изображаемая постсоветская действительность обусловливается временным срезом, связанным с советской эпохой.

2. Два заложенных в сюжете параллельных временных среза, последующий из которых предопределяется предыдущим, способствует на лингвистическом уровне репрезентации в данных произведениях субкатегории проспективности.

3. Проспективная семантика передается в художественных текстах целым комплексом языковых средств, доминирующими среди которых являются глаголы в проспективе и сложноподчиненные предложения с условной придаточной частью.

4. Репрезентация в тексте возможных миров, сформированных на основе проспективной семантики, позволяет производить их анализ в свете мировоззрения постмодернизма с нелинейным, разновекторным подходом к языковым фактам. В нем выделяется онтологическая, эпистемологическая и аксиологическая составляющие в их взаимосвязи.

5. Использование проспективной семантики в комплексе ее формально-содержательных средств позволяет современным писателям выразить идею о том, что советское пространство как онтологическая составляющая предопределяет эпистемологическую и аксиологическую ценности постсоветского времени.

6. Доминирующая роль проспективной семантики в проанализированных произведениях обеспечивается своеобразной подачей сюжетной линии в целом и отдельных ее составляющих, а также комплексом вербально-семантических средств, направленных на воплощение основной идеи автора. Она заключается в том, что неправедные действия, извращенная интерпретация человеческих ценностей, их игнорирование в прошлом и настоящем неизбежно лишают человека будущего. Данная идея вписывается в постмодернистскую культурную парадигму, для которой характерна нейтрализация границ планов прошлого, настоящего и будущего в составе категории времени в философском и семантическом ее понимании.

7. Презентация возможных миров, основанных на проспективной семантике, имплицитно содержит идею о том, что предшествующее действие предопределяет не единственное последующее облигаторное будущее действие, а спектр нескольких возможных действий, выбор одного из которых выявляет аксиологические приоритеты персонажей произведений и в целом общества определенной эпохи.

3 ОБУЧЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ МНОГООБРАЗИЯ ИНТЕЛЛЕКТА ОБУЧАЮЩИХСЯ

3.1 Типология интеллектов в контексте актуализации дифференцированного обучения

Современная гуманистическая парадигма общественного развития определила приоритетность задачи становления личности, обозначила новый формат образовательной деятельности, направленной на реализацию социального заказа общества на творчески активную личность, способную гибко, самостоятельно, сообразно разнообразным жизненным ситуациям использовать приобретенные знания. Сегодня стандартный подход к обучающемуся, когда фактически игнорировались его индивидуальные природные особенности и доминировало стремление к «усредненности», сменяется выполнением задачи обеспечения каждому учащемуся индивидуальной образовательной траектории на основе осознания своих возможностей и имеющегося выбора программ, видов и форм образовательной деятельности. То есть обучающийся расставляет свои приоритеты в выборе образовательных «маршрутов» учитываются индивидуальные природные особенности обучающихся, также они имеют возможность формирования собственного, личностного восприятия изучаемого содержания (личностного опыта). Модель вариативной системы образования, формирующаяся сегодня в Казахстане, помимо сохранения единого образовательного пространства в стране и обеспечения гарантированного уровня подготовки выпускников школы, создает условия для обучения каждого учащегося сообразно его индивидуальным особенностям и способностям. Данная идея подкрепляется концепцией компетентностного подхода, определяющего направления в современной образовательной сфере, и тем, что компетентность как способность связана с индивидуальностью, соответственно она требует дифференциации в обучении.

Таким образом, процесс гуманизации образования, осуществляемый сегодня в стране, усилил социальную значимость проблемы дифференцированного подхода, поскольку последний создает условия для развития личности обучающихся, обеспечивает их адаптацию к новым социально-экономическим условиям. Именно гуманизация образования, максимальная индивидуализация, ориентация на личность являются ключевыми характеристиками дифференцированного обучения. Неслучайно большинство и ученых-педагогов, и педагогов-практиков определяют сегодня дифференцированное обучение в качестве одного из магистральных направлений работы образовательной сферы, одного из основных средств развития индивидуальности обучающегося, ибо только оно создает условия для максимального развития учащихся с разным уровнем познавательных процессов, с разными интересами к обучению. Образовательное пространство,

в котором функционирует дифференцированное обучение, предоставляет каждому обучающемуся возможность для самореализации, самоопределения, проживания «ситуации успеха» в решении учебных проблем. Неслучайно дифференциация обучения сегодня − ключевое направление в обновлении содержания казахстанского школьного образования, и она охватывает все возрастные этапы школьного обучения: начальную, среднюю, старшую ступени. Дифференциация содержания образования, а также образовательного процесса – это социально-педагогическая и психологическая необходимость, поскольку она предусматривает создание оптимальных условий для всех учащихся с учетом их психофизических и интеллектуальных особенностей, индивидуально-познавательных возможностей и способностей, образовательных потребностей. Неслучайно в настоящее время очень интенсивно разрабатываются технологии дифференцированного направления: и углубленное изучение предметов, и специальное и профильное образование, и дифференциация в адаптивной школе, и обучение по способностям, по интересам и т. д.

Проблема дифференцированного обучения рассматривается в значительном количестве научно-педагогических и частнометодических работ, в которых анализируются общие и локальные аспекты указанной проблемы. Анализ работ педагогов-исследователей, ученых-методистов вместе с тем показывает отсутствие единообразия в понимании терминосочетания «дифференциация обучения». К примеру, достаточно общую характеристику указанному понятию дает исследователь А.А. Кирсанов: «Под дифференциацией учебной деятельности» как дидактического принципа мы понимаем такую систему индивидуализированных способов и приемов взаимообусловленных действий учителя и учащихся, которая органично, как характерологическая сторона (признак), присуща всем этапам учебной деятельности» [128, с. 27]. А.А. Кирсанов также акцентирует внимание на индивидуальных особенностях учеников (отношение к учению, наличие познавательных интересов, уровень знаний и умений, уровень познавательной самостоятельности и активности, работоспособность, уровень волевого развития), которые необходимо учитывать в процессе обучения. Е.С. Рабунский под дифференцированным подходом к обучению понимает «дидактическое положение, предполагающее деление класса на группы, например, по интересам, успеваемости и пр. Если индивидуальный подход означает действенное внимание к личности каждого ученика, то дифференцированный подход можно понять как необходимое условие успешной реализации индивидуального подхода» [129, с. 18]. Индивидуализацию же обучения он определяет как «особую организацию учебного процесса в коллективе класса (группы), которая направлена на осуществление требований индивидуального подхода»; при этом он выделяет два направления реализации индивидуального подхода в обучении: а) выравнивание знаний; б) углубление и расширение знаний, формирование индивидуального стиля деятельности. Для каждого из

выделенных направлений Е.С. Рабунский предлагает индивидуальные методики, способы организации учебной деятельности обучающихся, задания и др. [129]. Примечательным здесь для нас обстоятельством является то, что при представлении индивидуального подхода ученый обращает внимание на формирование индивидуального стиля деятельности, который так или иначе связан с психофизиологическими особенностями личности [127].

И.М. Осмоловская дифференциацию обучения характеризует как «учет индивидуально-типологических особенностей личности в форме группирования учащихся и различного построения процесса обучения в выделенных группах» [130, с. 15]. При этом она различает дифференциацию образования, которую определяет как процесс разделения целостности элементов системы общего среднего образования на части по определенным признакам. В качестве «важнейшего условия дифференцированного подхода» И.М. Осмоловская указывает на «знание и учет индивидуальных особенностей на основе определения учебных возможностей каждого ученика. Кроме этого правомерным является и такое определение дифференцированного подхода как подход к процессу обучения, в русле которого предполагается дифференциация в различных видах и формах. Это предполагает предъявление различных требований различным группам учеников к овладению содержанием образования» [130, с. 16].

М.Н. Шахмаев следующим образом характеризует дифференциацию: «Учебно воспитательный процесс, для которого характерен учет типичных индивидуальных различий учащихся, принято называть дифференцированным, а обучение в условиях этого процесса – дифференцированным обучением» [131, с. 27]. При этом М.Н. Шахмаев делит дифференциацию на «внутреннюю» и «внешнюю». «Внутренняя» дифференциация им понимается как такая организация учебного процесса, при которой учет индивидуальных особенностей учащихся производится в условиях работы учителя в обычных классах. «Внешняя дифференциация» же предполагает такую организацию учебного процесса, при которой для учета индивидуальных особенностей учащихся последние объединяются в специальные дифференцированные учебные группы [132, с. 29].

Эстонский исследователь И. Унт толкует дифференциацию как учет индивидуальных особенностей и условия группировки учащихся на основании этих особенностей для отдельного обучения. Ученый определяет критерии отбора индивидуальных особенностей: а) особенности, от которых больше всего зависит качество процесса обучения; б) особенности, в которых различие средних показателей учащихся одного возраста особенно велико; в) особенности, которые могут быть положены в основу формирования различий между учащимися, и раскрытия их индивидуальности; г) особенности, которые могут быть учтены в рамках имеющихся дидактических средств. Сами эти особенности, выделенные И. Унт, следующие: 1) уровень умственного развития учащихся, который включает обучаемость, общие умственные и специальные

способности; 2) наличие учебных умений; 3) обученность; 4) познавательные интересы [132]. И. Унт, как и Е.С. Рабунский, не указывает прямо на психофизиологические особенности обучающихся как основание дифференциации, однако уровень умственного развития учащихся, актуализируемый в ее работе, значительно зависит от психофизиологических особенностей обучающихся.

Ряд ученых [133], [134] характеризуют дифференциацию обучения как педагогическую систему.

И.С. Якиманская, различая «дифференцированный подход» и «дифференцированное обучение», отмечает, что в первом случае «речь идет о раскрытии индивидуальности ученика, а дифференциация обучения предполагает для него выбор наиболее благоприятных условий развития через предполагаемые дифференцированные формы» [135, с. 18].

Р.А. Утеева [136], толкуя понятие «дифференцированное обучение» через понятие «дифференцированный подход», определяет первое как целенаправленное отношение учителя к учащимся с учетом их типологических особенностей.

В.И. Андреевым дифференциация обучения рассматривается как дидактический принцип, в соответствии с которым для повышения эффективности обучения создается комплекс дидактических условий, учитывающий типологические особенности учащихся (обученность, работоспособность, творческие способности и т.д.), согласно которым, в свою очередь, дифференцируются цели, содержание образования, формы и методы обучения [137, с. 59].

Наше внимание привлекло и толкование Л.Н. Рожиной: дифференцированное обучение она характеризует как «систему образования, обеспечивающую развитие личности каждого школьника с учетом его возможностей, интересов, склонностей, способностей, которая обеспечивает открытость и вариативность образования» [138, с. 56].

Анализ педагогической, психологической, методической литературы подвел нас к мысли, которую отмечает в своем исследовании и И.М. Смирнова [139]: она указывает на сосуществование в настоящее время психологического, педагогического и методического подходов к определению дифференциации обучения. Так, в контексте методического подхода под дифференциацией понимают дифференциацию содержания учебного материала. С педагогической точки зрения дифференциация обучения определяется как педагогическая система, отвечающая склонностям обучающихся. Наконец, психологический подход рассматривает дифференциацию обучения как учет всевозможных индивидуальных особенностей учащихся и создание на этой основе соответствующих групп.

Другой наш вывод, сделанный по итогам анализа научно-педагогической и психологической литературы на предмет дифференцированного обучения, связан с определением соотношения понятий *дифференциация обучения* –

индивидуализация обучения. Так, одни исследователи толкуют дифференциацию как частный случай индивидуализации (А.С. Границкая [140], В.И. Загвязинский [141] и др.); другие характеризуют дифференциацию как правомерное и необходимое условие индивидуализации (М.В. Волкова [142]); третьи рассматривают дифференцированное обучение в качестве средства реализации индивидуального подхода (В.А. Гусев [143]). Оппоненты данной точки зрения (Шахмаев Н.М. [131]. Н.С. Пурышева [144] и др.), напротив, родовым понятием считают «дифференциацию обучения», а «индивидуализацию обучения» определяют одной из ее составляющих. К примеру, И.М. Осмоловская [130] характеризует индивидуализацию как предельный случай дифференциации. В данном вопросе мы солидаризируемся с ней.

Таким образом, определяясь в толковании содержания понятия дифференциация обучения/дифференцированное обучение, мы формулируем следующую дефиницию указанного терминосочетания, которая в качестве рабочего определения используется в рамках настоящей работы: система методических мер, направленная на изучение, учет и развитие типологических индивидуальных особенностей различных групп обучающихся, работающих по единой образовательной программе.

Актуальность дифференцированного обучения на новом уровне его развития сегодня объясняется, во-первых, пересмотром концептуального содержания процесса дифференциации обучения, во-вторых, открытием новых возможностей дифференциации в связи с демократизацией образовательной сферы, действием в ней принципов многовариантности и альтернативности. И хотя в педагогике в целом достаточно подробно рассмотрены различные формы дифференциации, вместе с тем психофизиологические особенности личности, в частности, типы интеллекта обучающихся как основание для дифференциации выделяются редко, а целостная система использования указанного вида дифференциации на сегодня отсутствует. В данной работе предпринята попытка впервые представить лингводидактические возможности дифференцированного обучения филологическому анализу (постмодернистского) художественного текста, учитывающего типы интеллекта обучающихся.

Здесь важно отметить, что идея дифференцированного обучения находит оптимальное созвучие с современной постмодернистской культурной парадигмой, основанной на принципе антропоцентризма, на приоритете отдельного человека, утверждающей мысль о том, что каждый человек представляет собой личность с определенными способностями в конкретной области деятельности.

Приоритет личности в постмодернизме перекликается с индивидуально-личностным содержанием дифференцированного обучения и обусловливает в последнем действие фактора учета психологического типа, к которому относится тот или иной студент. Таким образом, вполне логичным является, с

нашей точки зрения, рассмотрение теории типов интеллекта Говарда Гарднера в контексте дифференцированного обучения.

Среди представленных в современной психологической науке классификаций психологических типов личности наиболее оптимальной, на наш взгляд, является теория множественного интеллекта американского психолога Говарда Гарднера [145]. Говард Гарднер разрабатывает проект идеальной школы, который состоит в следующем: 1) не все имеют одинаковые способности и интересы, поэтому каждый обучается иным образом; 2) никто не в состоянии обучиться всему, чему можно обучиться. Ученый утверждает, что как содержание, так и средства его выражения должны быть направлены на развитие соответствующего типа интеллекта.

Утверждая тот факт, что тест на IQ не подтвердил ожидаемых результатов, Г. Гарднер представляет собственное видение в решении обозначенной проблемы. Он выделяет следующие восемь типов интеллекта человека: *лингвистический, логико-математический, визуально-пространственный, телесно-кинестетический, музыкальный, натуралистический, экзистенциональный, межличностный* [146]. Сущность разработанной ученым теории множественного интеллекта сводится к тому, что человек обладает не единственным интеллектом, а рядом относительно независимых интеллектов (сочетанием интеллектов) [146].

К примеру, *лингвистический* психологический тип основан на любви к слову, письму, чтению [146, с. 180-121], а *логико-математический* тип личности относится к людям, обладающим способностью постигать окружающую действительность посредством чисел, с развитыми аналитическими и синтетическими умениями.

Визуально-пространственному же типу студента предпочтительными являются рисунки, иллюстрации, а также когнитивные сценарии.

Имидж *телесно-кинестического* типа интеллекта проявляется паравербальным способом, то есть посредством тела, жестов, мимики, сценических действий.

Обладающая *музыкальным* типом интеллекта личность воспринимает мир посредством звуков, ритма, музыки. Согласно Говарду Гарднеру, лица *музыкального типа интеллекта* постигают мир с помощью звуков и через звуки выражают свое отношение к миру. Они слышат больше, чем все остальные люди [146]. Ученый соотносит музыкальные способности человека, с одной стороны, с пространственными, а, с другой – с математическими. Первое соотношение он, с опорой на физиолога Лорена Харриса, доказывает тем, что среди композиторов достаточно малую долю занимают женщины, что объясняется несовершенством их пространственных способностей. Утверждая второе соотношение, ученый пишет: «Как мне кажется, в музыке присутствуют если не элементы высшей математики, то явно математические составляющие, и от этого нельзя отмахиваться. Чтобы понять действие ритмов в музыке, человек должен обладать определенными познаниями в математике» [147].

Способность человека воспринимать мир посредством физических элементов, находящихся в природе, предопределяет выделение *натуралистического* типа интеллекта.

Среди личностных интеллектов Говард Гарднер различает внутриличностный интеллект (в иной терминологии: экзистенциональный, интравертный) и межличностный (в иной терминологии: экстравертный). Так, *экзистенциональный* тип интеллекта выражается в застенчивости человека, в его желании погрузиться в себя и изолироваться от общества. Как отмечает Говард Гарднер, «развитый внутриличностный интеллект позволяет человеку различать и давать символическое описание сложным и крайне запутанным вещам» [148].

Представленная здесь теория множественного интеллекта Говарда Гарднера, если исходить из сущностных характеристик самой теории и дифференцированного обучения, вполне логичным, естественным образом рассматривается нами в рамках дифференцированного обучения, как основание дифференциации и является определяющей компонентой в реализуемой нами методике филологического анализа (постмодернистского) художественного текста. Целевые ориентации дифференцированного обучения делают возможным определить теорию типов интеллекта Говарда Гарднера в качестве основания для дифференциации: 1) обучение каждого на уровне его (психофизиологических) возможностей; 2) приспособление (адаптация) обучения к особенностям различных групп обучающихся.

Таким образом, свойства антропоцентризма, многомерности и целостности, специфично характеризующие дифференцированное обучение, являются также определяющими характеристиками и теории многообразия интеллектов Говарда Гарднера. В итоге можно констатировать о соотнесенности, взаимосвязанности и взаимообусловленности указанных категорий. И сегодня также можно констатировать педагогическую целесообразность в целом дифференциации обучения как одного из перспективных направлений совершенствования отечественной системы образования, обеспечивающего гуманизацию образовательного процесса, способствующего развитию индивидуальных способностей обучающихся, раскрытию их творческого потенциала, более полному удовлетворению их образовательных потребностей.

3.2 Модель опытно-экспериментальной работы, ориентированной на формирование креативной личности обучающегося на основе художественного текста

Педагогический эксперимент: цели, условия, диагностический аппарат

Педагогический эксперимент – это научно поставленный опыт преобразования педагогического процесса в точно учитываемых условиях [149]. В рамках настоящего исследования был востребован педагогический

эксперимент, поскольку возникла необходимость: в проведении анкетирования, позволяющего выявить уровень способности к филологическому анализу текста (начальный срез); в выявлении доминирующих типов интеллекта в экспериментальной и контрольной группах студентов; в разработке и внедрении комплекса заданий, методов и приемов обучения, способствующих эффективности филологического анализа на основе многообразия интеллекта; наконец, в проведении контрольного среза.

При проведении педагогического эксперимента мы опирались на концептуальные идеи одного из основоположников советской психологии Л.С. Выготского, создавшего теорию общественно-исторического происхождения высших психологических функций человека, обосновавшего важность связи социального и биологического фактора в психическом развитии ребенка. Ученый утверждал, что при отсутствии собственной активности личности ни среда, ни наследственность уже не могут оказать на неё влияния. Также Л.С. Выготский отмечал, что обучение должно быть впереди развития, подтягивать развитие за собой, а не идти позади него. И, безусловно, значимой в рамках нашего исследования, в практике управления умственным развитием стала концепция «зоны ближайшего развития». Согласно данной концепции в умственном развитии личности выделяются два уровня: «актуальный» − достигнутый к настоящему времени, и «потенциальный» − связанный с зоной ближайшего развития [150].

В содержании и структуре проведенного нами педагогического эксперимента нашли отражение пять следующих аспектов:

- понятийный аспект, предполагающий определение, уточнение ключевых понятий настоящего исследования и их соотношение с близкими по содержанию понятиями-терминами;

- методологический аспект, предусматривающий построение теоретико-методологической модели дифференцированного обучения студентов-словесников филологическому анализу художественного текста;

- психолого-педагогический аспект, представляющий собой диагностику индивидуально-типологических особенностей личности обучающихся в связи с реализацией опытно-экспериментальной работы;

- организационно-педагогический аспект, основанный на разработке и апробации методики дифференцированного обучения филологическому анализу постмодернистского художественного текста;

- результативный аспект, реализующийся в ходе проверки разработанной методики дифференцированного обучения филологическому анализу постмодернистского художественного текста на занятиях одноименной элективной дисциплины.

Эксперимент проводился в естественных условиях, без нарушения хода образовательного процесса и без проведения специальной психологической подготовки студентов.

Эксперимент осуществлялся с учетом следующих требований:

1) создание оптимальных условий для экспериментальной работы;

2) учет и точное фиксирование изменений в ходе наблюдения за педагогическим экспериментом;

3) апробация полученных в ходе опытно-экспериментальной работы данных на различных уровнях;

4) обработка полученного материала путем теоретического и количественно-качественного анализа.

Проведенный педагогический эксперимент имел неварьируемые и варьируемые условия: а) *неварьируемые условия*: примерно одинаковый уровень филологической подготовки обучающихся к началу экспериментальной работы; одинаковое количество часов; общие условия обучения (к примеру, обычное расписание); объем дидактического материала, подлежащего усвоению в рамках элективного курса «Филологический анализ художественного текста»; одинаковые задания для контрольного среза; б) *варьируемые условия*: группы испытуемых; отбор и организация дидактического материала; характер и виды заданий к ним.

Целью педагогического эксперимента стала проверка эффективности дифференциации обучения филологическому анализу художественного текста, основанной на учете типов интеллекта обучающихся как условия повышения качества указанного вида анализа, осуществляемого студентами-филологами.

В ходе опытно-экспериментальной работы проверялась следующая гипотеза: проведение филологического анализа художественного текста способствует повышению его эффективности, а также созданию психологически комфортной среды обучения (снятие тревожности, негативных эмоциональных переживаний, связанных с процессом обучения) и повышению мотивации студентов, если:

- дифференциация обучения строится на учете типов интеллекта обучающихся, классифицируемых в соответствии с теорией Говарда Гарднера;

- при организации учебной деятельности каждый обучающийся имеет возможность выбора индивидуальной траектории обучения сообразно его типу интеллекта.

Для экспериментальной проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие показатели:

1. *Уровень обученности учащихся*. Определение уровня обученности позволяло, в первую очередь, продемонстрировать соответствие знаний, умений, навыков учащихся образовательному стандарту и показать умение студентов проявлять себя в процессе обучения.

2. *Психологическая комфортность обучения*. Важно отметить имеющуюся связь типов интеллекта обучающихся с дискомфортом, испытываемым ими во время обучения (в вузе): недопонимание материала, обусловленное в том числе и особенностями типа интеллекта, ведет к неуверенности в ответах, что в свою очередь способствует негативному отношению к учебе, заниженной самооценке и т.д.

3. *Мотивация обучения*. Наличие мотивации обучения обеспечивает целенаправленность действия обучающегося, его активную познавательную и творческую деятельность.

В ходе эксперимента нами были осуществлены качественные описания уровней проявления творческих способностей студентами и использования их в творческой деятельности:

Средний уровень. Обучающиеся этого уровня могут ставить осознанные цели, творческая деятельность для них личностно-значимая, у них почти регулярно наблюдаются положительные мотивы к решению творческих задач, вместе с тем потребность в формировании новых умений, в дополнительной информации избирательна, импульсивным является и проявление потребности в творческой деятельности.

Хороший уровень. У обучающихся данного уровня в достаточной мере выраженно проявляются осознанность цели деятельности, интерес к процессу творческой деятельности. Студенты этого уровня могут в достаточной мере проявить оригинальность суждений. Им в достаточной степени присуще стремление к решению творческих задач; они настойчивы в достижении цели, испытывают потребность в получении новых знаний.

Отличный уровень. У студентов этого уровня осознанность цели деятельности выражена в полном объеме. Они ярко проявляют интерес к процессу творческой деятельности, могут сформулировать целеполагание. Студенты данной категории уже стремятся к лидерству, способны проводить в жизнь свои идеи и замыслы, могут проявить оригинальность суждений. Обучающиеся данного уровня стремятся к творческой деятельности, настойчивы в достижении творческих результатов, испытывают большую потребность в новой информации, способны к активной самообразовательной деятельности.

Апробация и внедрение результатов исследования проводились на базе КазНПУ им. Абая, КазгосженПУ, г. Алматы. Участниками эксперимента стали 29 (14/15) студентов 3-го курса, специальности «Русский язык и литература».

Для проведения педагогического эксперимента были выделены экспериментальная группа (14 студентов 3-го курса КазНПУ им. Абая) и контрольная (15 студентов 3-го курса КазгосженПУ) группы.

Для оценки эффективности разработанной нами дифференциации обучения филологическому анализу художественного текста, учитывающей типы интеллекта обучающихся, экспериментальная работа сопровождалась соответствующими диагностическими действиями, что позволяло отслеживать результативность проводимого исследования и своевременно вносить необходимые коррективы.

В соответствии с логикой исследования нами были выделены и реализованы три диагностических этапа:

1. Этап исходно-констатирующей диагностики. Данный этап включал в себя изучение исходного состояния предмета, подлежащего дальнейшему

преобразованию; установление психологических типов обучающихся в экспериментальной и контрольной группах; определение уровня их читательской грамотности на материале анализа «Чернобыльской молитвы» С. Алексиевич.

2. Этап преобразующего эксперимента предусматривал диагностические исследования, включающий в себя изучение происходящих изменений, связанных с предметом экспериментальных преобразований, а также динамику этих изменений.

3. Этап итогово-констатирующей диагностики. На данном этапе осуществлена диагностика достигнутых к завершению формирующего эксперимента результатов. Проведенный диагностический анализ итогов опытно-экспериментальной работы позволил проверить и объективно подтвердить выдвинутую нами гипотезу и сформулировать выводы.

В целом диагностические процедуры педагогического эксперимента позволили целостно рассмотреть личность студента в единстве его познавательной, мотивационной, духовно-нравственной сфер на основе учета особенностей его психологического типа.

Таким образом, в ходе педагогического эксперимента были определены и обоснованы организационно-методические условия дифференциации обучения, учитывающей типы интеллекта обучающихся; разработаны: модель результативности филологического анализа художественного текста, построенного на учете типов интеллекта обучающихся; система критериев и показателей читательской грамотности обучающихся (сообразно таксономии Блума); обнаружена взаимосвязь между типами интеллекта учащихся и их познавательной активностью; между типами интеллекта обучающихся и степенью их читательской грамотности.

Филологический анализ постмодернистского художественного текста: содержание и структура

Впервые о филологическом анализе текста, как методе и предметном курсе, о необходимости и важности изучения последнего в школе и в вузе заговорил известный ученый-филолог Н.М. Шанский, и он же дал следующее определение филологическому анализу текста – это «анализ, цель которого выявление и объяснение использованных в художественном тексте языковых единиц в их значении и употреблении, причем лишь постольку, поскольку они связаны с пониманием литературного произведения как такового» [151, с. 5].

Данное толкование, ставшее классическим, находит подтверждение в исследованиях многих ученых. Так, Николина Н.А. отмечает, что «филологический анализ художественного текста <…> обобщает и синтезирует данные лингвистического, лингвостилистического и литературоведческого анализа» [152, с.15]. Лингвистический анализ текста составляет начальный этап филологического анализа. Это определение «тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка», «разыскание значений:

слов, оборотов, ударений, ритмов и тому подобных языковых элементов», «создание... инвентаря выразительных средств русского литературного языка» [153]. То есть лингвистический анализ представляет собой комментарий «различных языковых единиц, образующих текст, и рассмотрение особенностей их функционирования с учетом их системных связей» [154, с. 15]. Лингвостилистический анализ – это уже анализ, «при котором рассматривается, как образный строй выражается в художественной речевой системе произведения» [152]. Наконец, литературоведческий анализ воплощает собой, прежде всего, «анализ идейно-эстетического содержания текста, рассмотрение проблематики, жанровой специфики, системы образов литературного произведения, определение его места в ряду других текстов и др.» [154, с. 15]. Таким образом, филологический анализ художественного текста – интегративное единство лингвистического, лингвостилистического и литературоведческого видов анализа, то есть он транслирует собой комплексный, многоаспектный подход к трактовке природы художественного текста. Именно многоаспектность, комплексность и интегративность филологического анализа, на наш взгляд, дали возможность Б.Г. Бобылеву следующим образом охарактеризовать место и значение одноименной дисциплины в системе профессиональной подготовки филологов: «…филологический анализ применительно к подготовке будущих словесников выступает не только средством, но и показателем, индикатором филологического развития студентов» [155, с. 186]. Нельзя не согласиться с такой оценкой «Филологического анализа художественного текста», с такой оценкой его роли в специальной подготовке будущих филологов. Интегративный, многозначный характер филологического анализа отмечает и Н.Н. Болдина: «Филологический анализ художественного текста – это всесторонний, глубокий анализ, то есть органическое соединение литературоведческого анализа (определение жанра, художественного метода, темы, главной мысли, композиции, системы образов и образных средств для раскрытия темы) и уровневого лингвистического анализа, помогающего автору выразить идейно-тематическое содержание, авторскую позицию; это анализ языковых средств, целесообразно отобранных и объединенных в единое и качественно новое целое» [156, с. 3]. И если к этому добавить, что речь идет о филологическом анализе *художественного* текста, а последний понимается как «эстетический феномен, обладающий цельностью, образностью и функциональностью» [152, с. 4], то, безусловно, можно согласиться с той фундаментальной оценкой, которой удостоился филологический анализ художественного текста и как метод, и как одноименная дисциплина.

Разработанное нами в рамках настоящего исследования содержание элективного курса «Филологический анализ постмодернистского художественного текста» строится на вышеуказанных концептуальных основах, вместе с тем предметом исследования в нем стали тексты постмодернистского течения: знаковые в контексте постмодернизма,

разножанровые произведения современной литературы: роман Б. Акунина «Внеклассное чтение», повести В. Пелевина «Принц Госплана», рассказы М. Веллера «Колечко» и И. Одегова «Пуруша», а также документально-художественная проза – произведение С. Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)». В частности последнее произведение стало основой для проведения констатирующей части педагогического эксперимента.

В плане структуры филологический анализ в указанном элективном курсе нами представлен трехчастным, состоящим из трех этапов (здесь мы придерживаемся позиции Б.Г. Бобылева): «на первом этапе осуществляется филологическое комментирование художественного текста, задачей которого является создание условий для адекватной эстетической рецепции текста»; при этом составными частями такого филологического комментирования становятся лингвистическое, литературоведческое, культурно-историческое комментирование, граница между которыми достаточно условная [155, с. 187].

На втором этапе филологического анализа создаются условия «для адекватного понимания эстетической значимости текста, что предполагает, с одной стороны, выработку готовности к осознанию принципов его художественно-стилистической организации, а с другой – развитие способности к восприятию эмотивной символики (Б.А. Лапин) эмпатии, без которой невозможно достигнуть высшего уровня понимания произведения – постижения «образа автора» [155, с. 187]. Наконец, третий этап филологического анализа представляет собой «синтезирующий, итоговый аспект рассмотрения художественного текста»; обучающая задача этого этапа – «включение анализируемых литературных произведений в систему ценностно-культурных ориентиров обучаемых, введение прецедентных текстов в «дискурс языковой личности», в «интеллектуально-эмоциональное поле коммуникации» [155, с. 189].

Вместе с тем в соответствии с целью и гипотезой педагогического эксперимента в указанную выше структуру филологического анализа нами были внесены изменения; так, второй, основной, этап стал предваряться выполнением специального комплекса заданий, построенных на дифференциации, условием которой стал учет психологических типов обучающихся, выделенных согласно теории Говарда Гарднера.

Объем разработанного нами элективного курса «Филологический анализ постмодернистского художественного текста» составил 24 часа, из которых 6 часов отведено на лекционные занятия и 18 часов – на практические. (См. приложение Б, с. 164)

Содержание апробированной экспериментальной программы указанного элективного курса включает в себя следующие темы:

Лекционные занятия:

1. Место филологического анализа текста в текстоведении. Филологический анализ постмодернистского художественного текста: предмет, цель и задачи курса, ключевые понятия и категории. – 1ч.

2. Теория возможных миров в исследовании художественного текста литературы постмодернистского направления (См. приложение В, с.181). – 1ч.

3. Текстообразующие возможности языковых единиц разных уровней. – 1ч.

4. Художественный текст постмодернистского направления как объект лингвистического, стилистического, литературоведческого анализа. – 2ч.

5. Особенности филологического анализа постмодернистского художественного текста. – 1ч.

Практические занятия:

1. Определение психологических типов обучающихся. Филологический анализ произведения Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)». Проведение начального среза. – 2 ч.

2. Обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта (См. приложение Г, с.194). – 2 ч.

2. Филологический анализ романа Б. Акунина «Внеклассное чтение». – 3ч.

3. Филологический анализ рассказа В. Пелевина «Принц Госплана». – 3ч.

4. Филологический анализ рассказа М. Веллера «Колечко». – 3ч.

5. Филологический анализ рассказа И. Одегова «Пуруша». – 3ч.

6. Контрольный срез: на материале художественных текстов постмодернизма. – 2ч.

Как было выше указано, констатирующая часть педагогического эксперимента была реализована нами на материале произведения С. Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)».

В документально-художественной прозе воплощение времени основывается на принципе синергетизма. Это связано с тем, что документальная проза в чистом виде предполагает достоверность отражения временного пласта изображаемого события. И в этой связи ее авторы передают так называемое «событийное» время, основанное на репрезентации времени в его прямом значении. Иными словами, передается физическое время, воплощающее точные сведения о периоде произошедших событий. Что касается художественной прозы, то она призвана актуализировать внутренний мир человека, который направлен, в том числе и на раскрытие художественного времени. В этом аспекте категорию времени предпочтительно интерпретировать как художественное время, следовательно, как социально-психологическую и литературоведческую категории. Документально-художественная проза, основанная на изложении актуальных проблем современности, передает данные проблемы сквозь призму индивидуального, то есть сквозь призму внутреннего мира человека. Вследствие этого в прозе такого типа время может обладать не только прямолинейностью (физическое время), но и иметь свойства метафоричности (социально-психологическое и

художественное время). При этом метафорический характер времени основывается далеко не на отдельных языковых характеристиках составляющих, входящих в поле темпоральности и передающих переносное значение времени. Он основывается, прежде всего, на дискурсивном пласте, в который включен текст документально-художественной прозы. На этой основе для автора документально-художественного произведения важно восприятие читателем именно литературоведческого характера времени в общей канве художественного времени. В этой связи интерес представляет исследование восприятия современными студентами темпоральных характеристик, воплощенных в документально-художественной прозе. Такого рода восприятие возможно лишь при условии креативного подхода к прочитанному произведению.

С целью выявить степень креативности в восприятии времени в документально-художественной прозе нами было проведено исследование среди студентов экспериментальной и контрольной групп. Всего в исследовании приняли участие 29 студентов. Начальный срез был проведен нами в форме анкетирования как составной части лингвопсихологического метода.

За основу текстового восприятия был взят отрывок из произведения документально-художественной прозы С. Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)». При этом само название произведения, в котором уже обозначены определенные временные планы (*молитва, будущего* – план будущего*: хроника* – план прошлого), – студентам не озвучивалось. Вместе с тем и название предложенной главы также отнюдь не лишено темпоральных характеристик – «Монолог о старых пророчествах». В основе словосочетания *старые пророчества* лежит оксюморон: с одной стороны, определение *старых*, с другой – определяемое слово *пророчествах*. Эти лексемы, в семантическом плане исключающие друг друга, между тем образуют единое словосочетание. Причем если определяемое слово проецирует на план будущего, то определяющее − на план прошлого [157, с.158].

Осмысление такого рода темпоральных характеристик как наиболее оптимальное зависит от целого ряда факторов, главным из которых является читательская грамотность, которую следует рассматривать как составную часть функциональной грамотности. Читательская грамотность в большинстве исследований определяется как способность человека понимать и осмысливать письменные тексты с целью использовать их в практической деятельности [158, с. 167]. Если чтение не преследует обозначенных целей, то оно не рассматривается в рамках читательской грамотности. В нашем исследовании такого рода чтение также имело место.

Предложенная студентам анкета состояла из семи вопросов:

1. Какая эпоха отражена в тексте?
2. Кто такая С. Алексиевич?
3. Знаете ли Вы, из какого произведения автора этот отрывок?

4. Читали ли Вы другие её произведения?

5. Какое время (настоящее, будущее или прошедшее) актуализируется (является для автора доминирующим) в отрывке текста? Почему?

6. Укажите языковые единицы, транслирующие футуральную семантику.

7. Определите, какие формы выражения темпоральной семантики используются в данном фрагменте текста. Почему?

Анализ анкет, представленный семью вопросами, свидетельствует о невысоком уровне читательской грамотности испытуемых. Ответ на вопрос 1 «Какая эпоха отражена в тексте?» свидетельствует о том, что испытуемые студенты не только не смогут извлечь уроки из печального прошлого бывшего СССР, то есть применить печальный опыт прошлого с целью предупреждения его ошибок, но и даже осознать этот опыт. Из 29 анкетируемых только 4 студента правильно ответили на вышеизложенный вопрос, то есть определили эпоху, отраженную в тексте как период советской эпохи. Большинство же опрашиваемых рассматривают ее как *современную эпоху, наши дни, современность*. При этом ряд из них (9 человек), интерпретируя изображенный период как современную эпоху, указывают даты 1986-2000 годы. Таким образом, студенты гуманитарного профиля в возрасте 19-20 лет не отличают советский период времени, отраженный в тексте, от постсоветского периода, представителями которого они являются [157, с. 158].

Второй – четвертый вопросы были включены нами в анкету постольку, поскольку для восприятия темпоральных характеристик значительную роль играет событийная составляющая. Полученные анкетные данные свидетельствуют о том, что 26 опрошенных студентов не знают, кто такая Светлана Алексиевич, получившая, однако, в 2015 году за свое творчество Нобелевскую премию. Соответственно данные студенты в своем большинстве не имеют никакого представления о творчестве писательницы [157, с. 159].

Вместе с тем четверо из студентов подробно ответили на поставленные вопросы. Так, молодой человек 19 лет пишет: *Белорусская писательница, автор многих книг о социальных проблемах*. Произведение, из которого извлечен отрывок предложенного текста, однако, оказалось незнакомым и данным студентам. Студент указывает произведение «Уходили мальчики», посвященное войне в Афганистане, две студентки – «У войны не женское лицо».

Отнесенность событий к определенному историческому срезу представлена в предложенном для анализа отрывке предложениями: **…** *мне твердили: «Ваша девочка – инвалид детства». «Какой же она инвалид детства? Она – инвалид Чернобыля»*… Приведенные предложения, к сожалению, не попали в поле зрения испытуемых. Это предопределило восприятие темпорального фона отрывка в целом большинстве не имеют никакого представления о творчестве писательницы [157, с. 159].

Испытуемым также необходимо было выявить актуализацию временного плана отрывка текста вне зависимости от грамматических показателей времени.

Последние представляют в отрывке довольно пеструю картину: глаголы будущего, настоящего и прошедшего времени. Прошедшее время используется при изложении воспоминаний матери девочки, которая стала жертвой Чернобыльской катастрофы.

Глаголы в прошедшем времени передают действие как фактор и наделены аористическим значением: *родилась, не умерла, ходила, рассказала, вычеркнули, изучила, не случалось, отказывали* и др. Однако только шесть студентов обозначили данное время в ответе на пятый вопрос.

Совершенно очевидно, что прошедший временной план достаточно значим для изображаемых событий. И уже тот факт, что он не был отмечен испытуемыми, свидетельствует о поверхностном прочтении отрывка.

Вызывает недоумение обозначенная в большинстве анкет актуализация настоящего времени (из 29 студентов – 22). Оно называется в сочетании с будущим временем, изолированно либо в составе всех трех времен. Если обратиться к предложенному для анализа отрывку, то в нем глаголы настоящего времени занимают примерно третью часть от употребляемых глаголов. Однако все используемые глаголы наделены значением постоянного настоящего времени, иными словами, они обозначают действия, происходящие постоянно, всегда, следовательно, делокализованы во времени: *Я ее очень люблю; она ничем не отличается от других; в четыре года она поет, танцует, читает наизусть стихи; мы с ней живем в больнице* и др. [157, с. 159].

Употребление настоящего времени глаголов с обозначенной семантикой свидетельствует о глубокой смысловой нагрузке – связать прошлый и будущий временные планы, но отнюдь не актуализировать самое настоящее время. Такое осмысление темпоральности отрывка оказалось не под силу почти ни одному из студентов.

Футуральная семантика, метафорически проходящая через весь текст, определена, к сожалению, в единичных случаях. Причем большинством испытуемых студентов, судя по данным анкетирования, она воспринята не изолированно, а в контексте с другим временными планами, главным образом с планом настоящего времени. Так, в одной из анкет совершенно справедливо указывается: *Будущее, потому что идет речь о продолжении рода человечества*. Однако данное высказывание, к сожалению, сопровождается и следующей фразой: *и о настоящем, потому что ошибки совершаются здесь и сейчас*. Совершенно очевидно, что приведенная фраза еще раз подтверждает обозначенное нами выше отсутствие навыка у студентов филологического профиля ориентироваться в исторических срезах нашего общего советского прошлого [157, с. 159-160].

Единичный ответ представлен восприятием изолированной футуральной семантики: *Будущее, так как лирический герой думает о будущем ребенка*.

И только в четырех случаях обнаруживается осмысленное восприятие темпоральной семантики, которая метафорически выражена автором отрывка, а именно: будущее через прошлые события. В частности, заслуживает внимание

следующий ответ*: Здесь описывается, что она думает о будущем, что она хочет подарить дочери будущее. Но из-за прошлого добиться будущего тяжело*.

Кроме того, осмысленной видится темпоральная семантика студенткой (20 лет, женский пол, русская), которая не только определяет соотношение временных планов будущего через прошлое, но и обозначает формальную выраженность этой метафорически переданной автором оппозиционной пары. Согласно данным анкеты студентки, план будущего наиболее актуализирован следующим высказыванием: *Я согласна, чтобы она стала подопытным кроликом, только бы она выжила;* а план прошлого – в следующем фрагменте текста: *Я хотела получить документы …Чтобы она выросла и узнала; это не мы с мужем виноваты… Не наша любовь…* [157, с. 160].

Представленный нами уровень знаний студентов на констатирующем этапе опытно-экспериментальной работы отражен на рисунке 8.

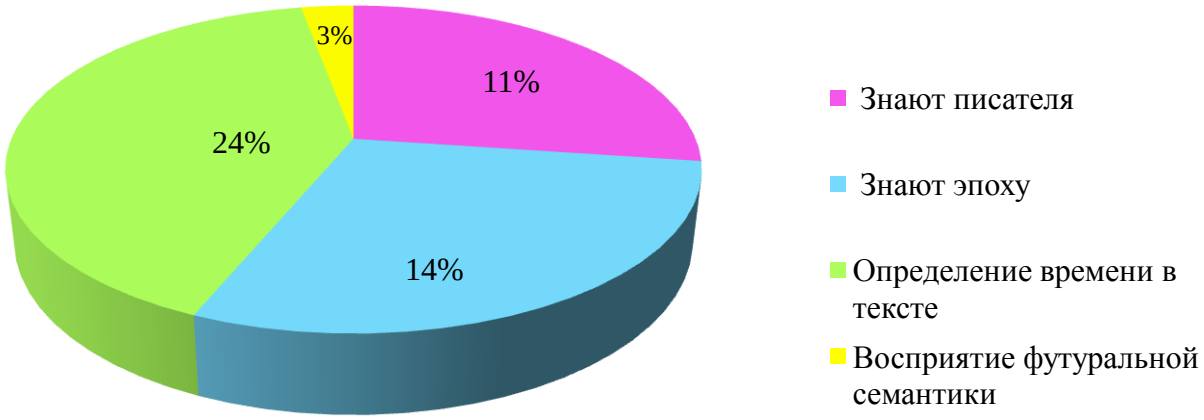

Рисунок 8 – Результаты констатирующего этапа (%)

Итак, представленный анализ приведенных единичных случаев адекватного осмысления темпоральной семантики с учетом дискурсивной составляющей определения исторического фона текста, формальной выраженности заданного плана содержания позволяет утверждать, что в целом читательская грамотность студентов на старте обучающей части педагогического эксперимента находилась на достаточно низком уровне.

3.3 Экспериментальное обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта обучающихся

С целью проверки правильности выдвинутой гипотезы и результативности разработанной обучающей модели филологического анализа художественного текста, построенного на учете типов интеллекта обучающихся, нами был проведен формирующий эксперимент в 2017-2018

учебном году в течение II семестра с составом студентов-филологов 3 курса специальности «Русский язык и литература». Экспериментальной базой стали Казахский национальный педагогический университет имени Абая, а также Казахский государственный женский педагогический университет. В последнем обучалась контрольная группа примерно такого же количественного состава, что и экспериментальная группа (КазНПУ им. Абая). Обучение в контрольной группе осуществлялось по традиционной методике.

В ходе обучающего эксперимента проверялись: а) эффективность действия разработанной нами модели филологического анализа художественного текста, построенного на учете типов интеллекта обучающихся; б) действенность системы критериев и показателей читательской грамотности обучающихся, составленной сообразно таксономии Блума; в) продуктивность взаимосвязи между типами интеллекта учащихся и их познавательной активностью, между типами интеллекта обучающихся и степенью их читательской грамотности.

Читательские навыки осмысливания и оценивания событийности текста наиболее эффективно формировать уже в процессе обучения в школе. С этой целью необходимо научить учащегося размышлять об информации, заложенной в тексте, высказывать согласие/несогласие с авторской позицией, мотивируя его путем общих фоновых знаний, возможно, не содержащихся в тексте. Читательскую грамотность, с нашей точки зрения, эффективно развивать также на основе сравнения прочитанного с тем, что учащийся уже читал раньше и со своим еще не значительным жизненным опытом. Актуальным в этом плане представляется формирование навыка прогнозирования дальнейших событий, изложенных в тексте. Наконец, немаловажным является умение определять формальную сторону текста, то есть языковые единицы, благодаря которым передается идейный замысел автора текста.

Приведенные навыки, сформированные в период обучения в школе, позволяют будущим студентам вне зависимости от получаемой специальности обладать читательской грамотностью как основой креативного мышления современного человека.

Таким образом, нами в целях подтверждения продуктивности взаимосвязи между типами интеллекта учащихся и их познавательной активностью, между типами интеллекта обучающихся и степенью их читательской грамотности в ходе обучающего эксперимента была апробирована методика подбора к соответствующим психологическим типам обучающихся, определявшихся согласно классификации Говарда Гарднера, оптимальных технологий обучения, точнее ключевых, основополагающих приемов из них.

Очевидно, что филологический анализ художественного текста не может иметь эффекта вне использования в процессе преподавания соответствующих технологий обучения. Под технологией обучения, вслед за многими

исследователями-методистами, мы понимаем приемы и способы научной организации труда преподавателя, благодаря которым наилучшим образом достигаются поставленные цели обучения [158].

Основным критерием отбора ключевых, основополагающих приемов из соответствующей технологии обучения для нас служил показатель специфичности того или иного психологического типа. В итоге тщательного отбора нами были актуализированы приемы следующих технологий:

а) коллективного взиамообучения;

б) сотрудничества;

в) модульного обучения;

г) перспективно-опережающего обучения;

д) лингвокультурологической методики;

д) игровых технологий;

е) проблемного обучения [159; 160].

В рамках дифференцированного обучения разработку заданий эффективно производить в направлении от психологического типа личности к технологии обучения, к ключевым ее приемам. В обобщенном виде этот процесс в подготовке к занятиям по «Филологическому анализу (постмодернистского) художественного текста» может сводиться к следующему: 1) психологический тип ↔ 2) ключевые приемы отобранной технологии обучения↔ 3) методы и приемы, задания.

Как отмечалось выше, постижение художественного текста осуществляется разными типами личности по-своему.

Приоритет лингвистического психологического типа студентов, основанный на любви к слову, письму, чтению [146, с. 180-121] предопределяет, на наш взгляд, применение к этой группе обучающихся ключевых приемов перспективно-опережающей технологии обучения. Данная технология подробно разработана в исследованиях С.Н. Лысенковой. Идея ученого основывается, согласно приводимым ей данным, на «трех китах»: «думаю, говорю, записываю». Это производится с целью постижения наиболее трудных тем, которые будут осваиваться на следующих занятиях, то есть с так называемой работой на опережение [147]. В частности, постигая закодированный в языковых единицах художественный образ, студент вырабатывает навыки с перспективой на будущее: анализировать языковые единицы иного характера с той же целью – выявление идейного замысла автора через используемые им языковые средства. Приведенный постулат особенно значим для избранной нами аудитории – студенты-филологи. Ведь, как можно полагать, априори они относятся к множественному типу интеллекта.

Также проведенный обучающий эксперимент подтвердил наши предположения о том, что наиболее приемлемыми заданиями для реализации ключевых приемов перспективно-опережающей технологии обучения являются лексико-грамматический и семантический анализ языковых единиц художественного текста, установление причинно-следственных связей между

текстовыми единицами и выражениями посредством их художественных образов.

Результаты обучающего эксперимента подтверждают также правомерность использования нами в интеграции с указанной перспективно-опережающей технологией (ключевые ее приемы) с технологией межличностного сотрудничества (основные приемы) [147]. Это предопределяет взаимосвязь лингвистического типа личности с межличностным психологическим типом. При небольшом количестве аудитории студенты обоих типов могут получить идентичные индивидуальные либо групповые задания.

Применительно к группе студентов с логико-математическим типом личности наиболее эффективными оказались ключевые приемы технологии проблемного обучения согласно данным обучающего эксперимента. Суть ее заключается в получении знаний на основе решения определенной проблемы и представления на этой основе определенных выводов.

Вместе с тем межличностный психологический тип вписывается в большей мере в технологию коллективного взаимообучения, как и в технологию сотрудничества. Данные технологии, согласно ученым, являются смежными, но не идентичными. Если технология коллективного взаимобучения основана на приемах организованного диалога, работы в парах, то технология сотрудничества сосредоточена на работе в малых группах [147]. В качестве актуального задания, приемлемого для межличностного типа, нами использовались дидактические возможности, прежде всего совместной проектной деятельности.

Для визуально-пространственного типа студента предпочтительными оказались когнитивные сценарии, ассоциативный эксперимент, комментарии, представляемые в контексте и стиле лингвокультурологического подхода [160].

Телесно-кинестический тип интеллекта вписывается в систему приемов, которые в совокупности представляют игровые технологии (имитационные, операционные, ролевые). Их сущность сводится к воссозданию условий определенной ситуации в виде игры.

Достаточно проблемный музыкальный тип интеллекта нами был соотнесен с технологией проблемного обучения, равно как и с технологией коллективного взаимообучения, с ключевыми их приемами.

Натуралистический тип интеллекта также нами был соотнесен с технологией проблемного обучения, посредством применения ключевых приемов которой на визуальной основе студенты решали поставленную перед ними проблему.

Как мы отмечали выше, среди личностных интеллектов Говард Гарднер различает внутриличностный интеллект (в иной терминологии: экзистенциональный, интравертный) и межличностный (в иной терминологии: экстравертный). Если о втором типе и соотносимых с ним технологиях речь уже шла выше, то первый, экзистенциональный, требует особого рассмотрения.

Как показал проведенный обучающий эксперимент, *экзистенциональный* тип интеллекта в большей степени вписывается в технологию модульного обучения. Суть составляющих ее приемов и методов сводится прежде всего к индивидуальной работе студента, что в полной мере соответствует рассматриваемому типу интеллекта и духу, концептуальной идее дифференцированного обучения.

Обобщенно представленная и апробированная в ходе обучающего эксперимента разработка соотношения типов интеллекта с ключевыми приемами соответствующих технологий обучения и заданий отражена в следующей таблице (таблица 4).

Таблица 4 – Технология обучения в соответствии с типом интеллекта

Тип интеллекта	Доминирующая технология обучения	Ключевой прием	Актуальные задания
Лингвистический	Перспективно-опережающая	Опережающее домашнее задание	Лексико-грамматический и семантический анализ языковых единиц
Логико-математический	Проблемного обучения	Мозговой штурм	Алгоритм схем и лексико-грамматический анализ
Визуально-пространственный	Лингвокультурологическая	Когнитивный сценарий, ассоциативный эксперимент	Лингвокультурологический комментарий, презентация
Телесно-кинестический	Игровые	Ролевая игра	Сценарий, скрипт (ментальный образ)
Музыкальный	Проблемного обучения	Пошаговая деятельность	Схема, звуковой и грамматический анализ
Натуралистический	Проблемного обучения	Классический кластер / обратный кластер	Сценарий
Экзистенциональный	Модульного обучения	Индивидуальная работа	Освоение модуля
Межличностный	Коллективного взаимообучения / сотрудничества	Работа в парах, группах	Проект

Итоги обучающего эксперимента по части совмещения типов интеллекта с ключевыми приемами соответствующих технологий обучения подтвердили продуктивность взаимосвязи между типами интеллекта учащихся и их познавательной активностью, между типами интеллекта обучающихся и степенью их читательской грамотности. В частности это регулярно подтверждалось в ходе апробации разработанной нами модели

филологического анализа художественного текста, проверки эффективности ее действия, а также проверки действенности системы критериев и показателей читательской грамотности обучающихся, составленной сообразно таксономии Блума.

Таблица 5 – Критерии читательской грамотности обучающихся, соотносящиеся с уровнями таксономии Блума

Уровень / критерий читательской грамотности	**Уровень таксономии Блума**
Первый. Извлекать информацию, данную в тексте в явном виде.	*Знание*
Второй. Извлекать информацию, данную в тексте в неявном виде.	*Понимание*
Третий. Формулировать выводы и вопросы на основе информации, данной в тексте в явном виде.	*Применение*
Четвертый. Формулировать выводы и вопросы на основе информации, данной в тексте в неявном виде.	*Анализ*
Пятый. Интерпретировать и обобщать информацию, полученную из текста.	*Синтез*
Шестой. Интерпретировать и оценивать информацию, полученную из текста.	*Оценка*

Так, предпринятое нами совмещение типов интеллекта с ключевыми приемами соответствующих технологий обучения позволило в ходе обучающего эксперимента продуктивно использовать задания, выстроенные в соответствии с таксономией Б. Блума, и наблюдать прогрессивную динамику роста у студентов уровня их читательской грамотности. Важно здесь отметить, что таксономия Б. Блума находит оптимальное созвучие с идеей дифференцированного обучения, построенного на учете психологических типов обучающихся, поскольку в свое время именно Б. Блумом было предложено определять способности обучаемого темпом учения не при усреднённых, а при оптимально подобранных для данного ученика условиях [161].

В частности нами периодически использовалось задание на составление вопросов по материалам рассматриваемых художественных текстов, которые были сгруппированы в соответствии с уровнями таксономии Блума. Каждый вопрос следовало начинать с данного в задании клише: 1. *Знание.* Назовите … . Где происходит … . В каком году … . Отметьте … . Перечислите … . 2. *Понимание.* Закончите фразу … . Что вы узнали … . Почему … . Преобразуйте выражение … . Расскажите своими словами. 3. *Применение.* Предложите несколько выходов из создавшейся ситуации … . Какое объяснение можно найти данному явлению? Проверьте предложенную гипотезу … . Выводы … . 4. *Анализ.* Что является следствием … . Классифицируйте … . Проанализируйте причины … . Сравните … . 5. *Синтез.* Найдите альтернативу … .

Предложите алгоритм … . Каковы возможные изменения … . Систематизируйте … . Исследуйте … . 6. *Оценка.* Выделите критерии … . Опишите достоинства … . Соответствуют ли … . Что вы думаете о … .

Обучающий эксперимент показал, что с каждым разом использования данного задания студенты в целом все быстрее справлялись с его выполнением, при этом более качественными становились формулировки вопросов по всем шести уровням и количественно росли вопросы последних трех уровней.

На первых четырех практических занятиях в соответствии с экспериментальной программой (см. 3.2) элективного курса «Филологический анализ постмодернистского художественного текста», наряду с проведением начального среза, филологического анализа произведения Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)», нами определялись и психологические типы обучающихся. Далее приводится нами фрагмент одного из этих четырех практических занятий, посвященных, как мы уже отметили, выявлению психологических типов студентов экспериментальной группы.

Фрагмент одного из практических занятий, посвященного выявлению психологических типов студентов экспериментальной группы.

Занятие началось с выполнения студентами следующего задания: *выберите среди хаотично разбросанных открыток с рисунками наиболее близкий вам, вашему психологическому состоянию*.

Примечание: это нередко используемый в психолого-педагогической практике прием, и его реализация не требует много времени на занятиях, но является достаточно эффективной для дальнейшего плодотворного проведения занятий [160]. С целью реализации данного этапа занятия нами были приготовлены открытки, изображающие: отрывок стихотворного / прозаического текстов, решенные уравнения / примеры / функции, красочные иллюстрации к художественным текстам, ноты к популярным песням/популярные музыканты, природные пейзажи, группы людей/контакты между людьми, одиночество в сети/ одинокие прогулки и т.д. Студентам предлагалось выбрать одну из наиболее близких по духу открыток и кратко прокомментировать причину своего выбора. Естественно, с определенной долей погрешности, предположить, что открытки со стихотворными/прозаическими надписями в большей степени близки людям с лингвистическим типом интеллекта; с уравнениями, математическими формулами, разного рода схемами – логико-математическому типу (хотя существует возможность такого соотношения также с музыкальным типом); рисунки, иллюстрации – с визуально-пространственным и натуралистическим типами; группы людей – с межличностным типом; а изображение личности одинокой – с экзистенциональным типом. Стоит отметить, что данное предположение послужило основой разделения студентов на группы в соответствии с их врожденными интеллектуальными способностями.

Следующим этапом после выявления психологического типа личности студента как сопутствующего доминирующему в нем лингвистическому типу стало приготовление заданий для каждого из них. Далее здесь нами приводится фрагмент занятия, связанного с использованием таких заданий, составленных в этом конкретном случае на материале анализа произведения Михаила Веллера «Колечко».

План одного из практических занятий, связанного с использованием дифференцированных в соответствии с психологическим типом студентов заданий.

I этап занятия. Занятие началось с формирования групп. В этих целях студенты выполняли следующее задание: *опишите последовательность происходящих в произведении событий в виде хроники.*

Примечание: Одним из методов, стимулирующих *лингвистический интеллект*, является метод Хроники.

II этап занятия. Сформированные группы получают задания:

1. Задание для студентов с *лингвистическим* типом интеллекта: *приведите обоснования для подобранного и устно описанного ребятами другой группы воображаемого природного фона, на котором могли бы развиваться действия из представленного вам фрагмента текста*.

2. Задание студентов с *логически-математическим* типом интеллекта: *составьте с разбросанными на столе словами два предложения, которые бы заключали основную мысль анализируемого произведения*. Резервное задание: *составьте и заполните таблицу с рубриками:*

а) автор произведения;

б) название произведения;

в) обусловливающий предшествующий временной срез;

г) обуславливаемый последующий временной срез.

3. Задание студентов *визуально-пространственного* типа интеллекта: *составьте на материале данного фрагмента художественного текста когнитивный сценарий передаваемых инфинитивом действий*. Резервное задание: *выявите в данном фрагменте текста семантические средства, выражающие пространство, и предоставьте иллюстрации и/или лингвокультурологические комментарии к нему*.

4. Задание студентов с *телесно-кинестическим* типом интеллекта: *постройте два контейнера. В один из них вложите карточки с надписями позитивных оценочных ключевых слов, извлеченных из анализируемых произведений, а в другой – негативных ключевых слов*.

5. Для студентов с *музыкальным* интеллектом были использованы разнообразные музыкальные отрывки произведений. Задание: *установите, с какими ключевыми словами произведений ассоциируется тот или иной музыкальный отрывок.*

6. Задание студентов *натуралистического* типа интеллекта: *подберите и устно опишите воображаемый природный фон, на котором могли бы развиваться действия из представленного вам фрагмента текста*.

7. Задание студентов *экзистенционального* типа интеллекта: *выступите в качестве экспертов, определяющих правильность выполняемых другими студентами заданий*.

8. Задание студентов *межличностного* типа интеллекта: *выступите в роли консультантов-помощников для сформированных групп студентов. Устно расскажите об особенностях проведенной вами работы*.

III этап занятия. Доклады групп студентов (один спичрайтер) о выполненных заданиях.

IV этап занятия. Рефлексия студентов.

V этап занятия. Комментарий домашнего задания. Перспективы следующего занятия.

Примечания к приведенному плану практического занятия:

1. Задание студентов *натуралистического* типа интеллекта способствовало развитию не только доминирующего натуралистического, но и лингвистического (приведение обоснования) типа интеллекта.

2. Как показали результаты обучающего эксперимента, задание, данное студентам с *логически-математическим* типом интеллекта, было выполнено правильно и в отведенное для его выполнения время.

3. Выполняя задание, студенты *визуально-пространственного* типа интеллекта пришли к выводу, как показали итоги обучающего эксперимента, о том, что смысловая нагрузка пространства представляет собой лишь фон доминирующей в тексте футуральной семантики.

4. С целью стимуляции обучающихся с характерно выраженным *двигательно-кинестетическим интеллектом* нами учитывалось их стремление к гармонии движений, эластичности и к телесному выражению эмоций. Работа в экспериментальной группе студентов была организована таким образом, чтобы, хотя бы в одной-двух малых группах, находился студент с низким уровнем двигательно-кинестетического интеллекта. Это позволило выровнять группы в интеллектуальном отношении.

5. Музыкальные отрывки явились тем стимулом, который вызывает соответствующую реакцию. В группе студентов с *музыкальным* интеллектом использовался прием мозгового штурма. Все реакции преподаватель записывал на доске. В качестве домашнего задания всем студентам этого типа было предложено подобрать музыкальное сопровождение для соответствующего произведения в случае его экранизации.

6. *Натуралистический тип интеллекта* присущ людям, которые проявляют особый интерес к окружающей человека природе, к миру в его природно-географическом контексте. Эти люди в большей степени, чем другие, ощущают свою связь с окружающей средой, ищут с ней контакт и не представляют своей жизни в дистанции от нее [150].

7. Согласно Говарду Гарднеру, *интраперсональный (внутренний)* тип интеллекта основывается на сосредоточении человека на себя, своем характере, своей внутренней жизни, что позволяет ему соответствующим образом вести себя в обществе. В то время как человек *интерперсонального* типа интеллекта способен и стремиться к сотрудничеству с другими, человек интраперсонального типа интеллекта пытается понять себя и работать над собой [150]. В связи с чем мы пришли к выводу о том, что приемы технологии модульного обучения, наиболее сопоставимы с *экзистенциональным* интеллектом; это и предопределило задания индивидуального характера. Помимо этого, с целью объективного оценивания иных студентов данные студенты заранее самостоятельно в виде модулей получили материалы, изучили критерии оценивания и, естественно, самостоятельно предварительно выполнили оцениваемые задания.

8. *Интерперсональный (внешний)* тип интеллекта характерен для людей с повышенной чувствительностью к отношениям между людьми, заинтересованностью другим человеком, стремлением его понять, поддержать. Особы данного типа часто являются лидерами: они влияют на других людей, улаживают конфликты, умеют организовать группу [150]. Поэтому с целью стимуляции обозначенного типа интеллекта была организована работа консультантов-помощников для студентов с указанным типом интеллекта.

3.4 Результаты педагогического эксперимента: их оценка и интерпретация

Для оценки результатов формирующего этапа опытно-экспериментальной работы нами был проведен контрольный эксперимент. При осуществлении итогового среза мы придерживались тех же принципов, что и при проведении обучающей части педагогического эксперимента. Смысловая направленность и структура заданий контрольной части опытно-экспериментальной работы были те же, что и в обучающей части.

Так, студентам *лингвистического* психологического типа в контрольном срезе были предложены следующие задания: 1) определить прямое и переносное значения глаголов в данных предложениях; выявить авторскую прагматическую составляющую, сконцентрированную в переносном значении глаголов:

1. *И выбирается заурядная девчонка с первого курса… Раз: она его уважает и почитает: он взрослый, способный, умный, герой-фронтовик.. Два: единственная дочь обеспеченных родителей, им подкидываю, в плане материальном он не отяготился… оптимальное решение… Четыре: до распределения они рожают ребенка, и их оставляют в областной больнице. Он идет на место хирурга и становится дельным хирургом… У него и научная работа, он и в общественники лезет, и речи толкает, и кандидатскую кропает, и с любым умеет поладить…* [К., с. 3].

2. *Семья − куда лучше. Дочка славная растет, а больше детей и не было*…[К., с.5].

Контрольный эксперимент показал, что если на уровне промежуточного контроля (в середине обучающей части) с заданием справилось 67% студентов, то на уровне итогового контроля подобное задание выполнило 92% студентов. Студенты способны выявить наглядно-примерное значение глаголов, выявить в них общую сему ’расчет’, а также определить ее значимость в изображении главного героя рассказа.

С целью стимулирования *логическо-математического типа* интеллекта предлагалась работа с целой группой студентов, независимо от учета типа интеллекта каждого из них. На доске были развешаны карточки с именем одного из героев произведения. Необходимо было составить алгоритм, который дает возможность определить данное имя.

Для студентов *логическо-математического типа* интеллекта также предлагалось решить проблему главной героини рассказа «Колечко» и построить алгоритм конструирования возможного мира, заменив второй элемент следующей семантической конструкцией на элемент ’с положительной коннотацией’:

’Союз *если* + глагол в инфинитиве с положительной коннотацией…, *то* + глагол в будущем времени с *отрицательной коннотацией*’

Для анализа использовался следующий фрагмент текста, предложения которого воплощают ее смысл. 1. (О девушке) *Она осталась беременной… Аборты были запрещены. Довериться? Кому? Как? Чем поможет: сознаться в тайном, подсудном деле, огласка, позор…*[К., с. 4].

2. *Бросить институт, уехать, устроиться на работу, родить… Куда? Как? На какие деньги*? [К., с. 4]

На промежуточном уровне контроля с данным заданием справились почти 74% студентов, на итоговом контроле – ~ 94%. Это свидетельствует о том, что студенты научились не только определять функцию инфинитива глагола как наименование действия возможного мира, но и конструировать этот возможный мир, придавая ему положительную футуральность.

Учитывая тот факт, что обучающиеся с высоким уровнем *визуально-пространственного* интеллекта интересуются такими видами искусства как живопись, скульптура, фотография, студентам предлагалось создать иллюстрации к отдельным фрагментам текстов. Такого рода иллюстрации ко всем анализируемым текстам предлагалось вывесить на доске с той целью, чтобы остальная часть группы попыталась распознать произведение, соответствующее данной иллюстрации, и пересказать фрагмент сюжета из него. Это позволяло всем студентам включиться в работу и стимулировало у них развитие лингвистического интеллекта.

В рамках визуально-пространственного интеллекта студентам было предложено следующее задание. На доске были приклеены карточки с названиями местности, в которых происходят события в анализируемых

произведениях. Необходимо было соотнести названия данных местностей как топонимов с соответствующими произведениями. Этот прием является эффективным для стимуляции не только визуально-пространственного типа интеллекта, но и лингвистического.

Студенты с *телесно-кинестическим* типом интеллекта на основе игровой технологии способны воспроизвести извращенную в мыслях главного героя ситуацию перевоплощения объекта

плод → ребенок → дочь → невеста приемного отца.

Основой послужил следующий фрагмент текста: (я) *понял, что это моя жизнь – ошибка, я не на той женился, а надо жениться на дочери. И логически подумал, что могу это сделать, так она мне, во-первых, не дочь, а во-вторых, меня любит* [К., с. 7].

Выполнение данного задания, результаты которого на этапе итогового контроля были почти 100%, позволили студентам сделать вывод том, что утрата человеческих ценностей неизбежно приводит к гибели моральной, а затем физической.

Для студентов *музыкального типа* было приготовлено задание выявить на основе следующих предложений минорные и мажорные ноты:

а) 1. (О друге Брянцеве) *Даже – я желал его гибели*. 2. (О друге Брянцеве) *Мог ли я в глубине души не желать ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего …* 3. *… временами мне вовсе не хотелось жениться на этой девочке, беременной от другого, не любящей меня…* [К., с. 7].

б) в прогнозах героя: 1. *Я рассчитал правильно*. 2. .. *женитьба на ней уже не представлялась мне обязательной.* 3. *Предусмотренный вариант: предлагает для выручки фиктивный брак*. 4. *Планы безумные перебирал. Надеялся еще на что-то?... Все продумал, все просчитал, все учел. Семь раз отмерил…*[К., с. 7].

Натуралистический тип интеллекта предопределяет задания, связанные с природой, натурой, физическим состоянием. Эффективность такого рода заданий заключается в том, что они вырабатывают способность сопоставления значения слова с реальной действительностью. Студентам предлагалось написать групповой сценарий, раскрывающий смысл слова *обскакал*, *жертва* в следующих предложениях: 1. *И по прошествии двадцати пяти лет окончательно явствует, что парнишка-то нас всех обскакал*. 2. *Я почувствовал себя жертвой собственного воплощенного плана, который теперь диктовал мне мое прошлое, настоящее и будущее* [К., с. 3]. Студенты с *экзистенциональным* типом интеллекта в контрольном эксперименте, как и в обучающем, получили задание выступить в качестве экспертов, определяющих правильность выполняемых другими студентами заданий. Помимо модульного обучения, необходимыми в этом случае оказались ключевые приемы

технологии перспективно-опережающего обучения, поскольку с целью объективного оценивания иных студентов данные студенты должны были самостоятельно в виде модулей получить материалы, изучить критерии оценивания и, естественно, самостоятельно предварительно выполнить оцениваемые задания. Минимальность студентов, обладающих экзистенциональным типом интеллекта, обусловило итоговый показатель в виде 100% эффективности.

Как подчеркивалось выше, *межличностный* тип интеллекта соотносится с технологией коллективного взаимообучения и предполагает работу в парах и группах. Актуальность проекта в качестве задания для студентов данного типа также было апробирована в ходе проведенного контрольного эксперимента. В качестве темы проекта было предложено «Футуральная семантика в рассказе М. Веллера «Колечко» в контексте смежных семантических составляющих». В групповом проекте было задействовано 3 студента. Ими было выявлено соотношение футуральной семантики в рассказе с гипотетической и императивной семантикой, а также со значением плана прошлого и настоящего.

С этой целью был интерпретирован ряд примеров, в частности: *Да я бы сжег этот институт, весь этот город со всеми обитателями, чтоб ничего этого не было и она любила меня; … мне представлялось, как славно, если б они поженились с Брянцевым, и я бы пил на их свадьбе, и у них родился ребенок, и так далее* (связь гипотетической и футуральной семантики); *Человек не должен жить с тем, кого знает как убийцу любимого… Пусть же хоть сейчас сумеет быть верной; она должна ждать его, она должна остаться с ним… иначе что же от нее останется* (связь футуральной семантики с императивной); (о друге Брянцеве) *Мог ли я в глубине души не желать ему низведения с высот до надлежащего уровня – ниже моего …* (связь плана настоящего с планом будущего) [К., с. 7].

Как свидетельствует проведенный контрольный эксперимент, наиболее сложным при выполнении проекта оказалось для студентов указанного типа не выявление семантических связей, а схематическое их обобщение, где требуется поддержка лидера, в качестве которого может выступать наиболее подготовленный в филологическом отношении студент либо сам преподаватель.

Трудности для всех студентов, независимо от выполняемого задания, также представляла передача через языковые средства идеи образа в произведении и на этой основе – целостного филологического анализа.

В целом опытно-экспериментальная работа подтвердила эффективность использования ключевых приемов отобранных технологий обучения на основе выявления доминирующих типов интеллекта обучающихся.

Результаты контрольного эксперимента доказывают эффективность разработанной нами экспериментальной программы элективного курса «Филологический анализ постмодернистского художественного текста»,

построенной на учете психологических типов обучающихся в рамках дифференцированного обучения.

На этапе итогового контроля способность студентов экспериментальной группы производить семантический анализ художественного текста в заданном ключе приближалась к 100%.

Данные проведенного анализа педагогического эксперимента обобщены на рисунке 9.

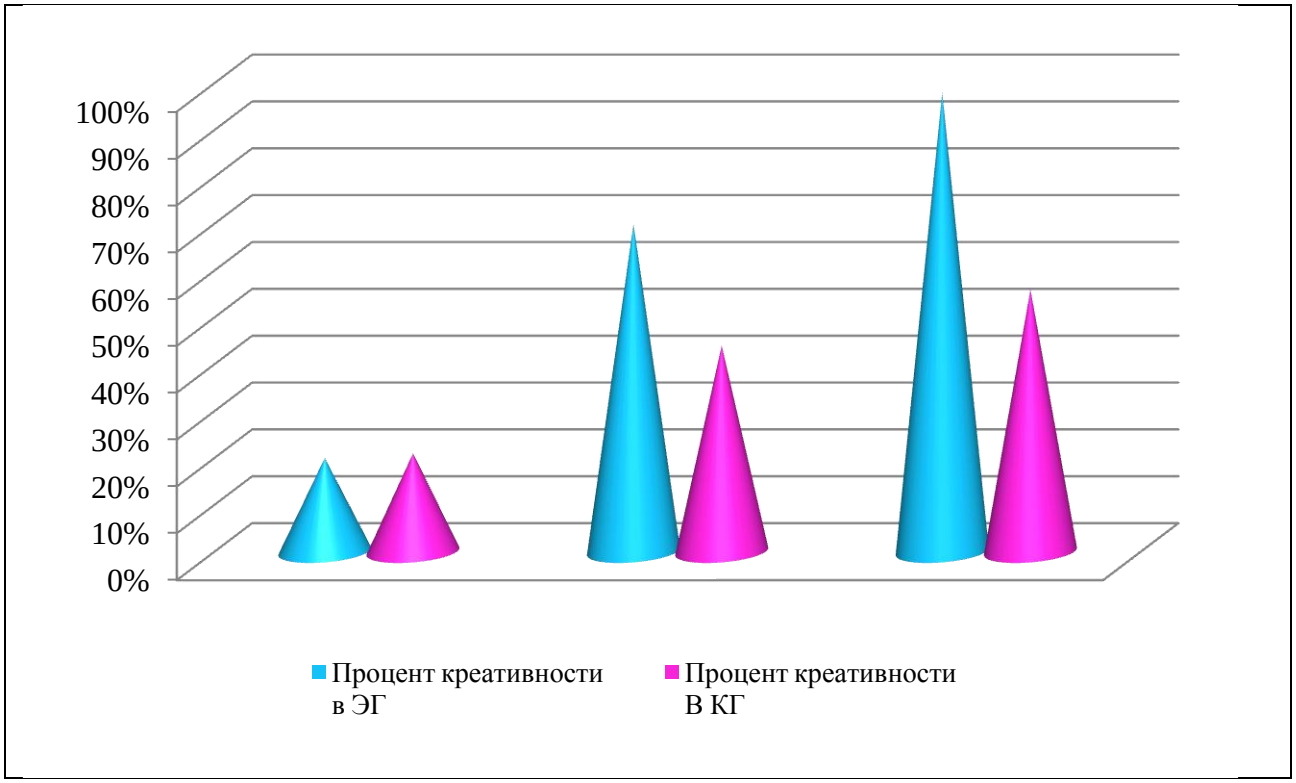

Рисунок 9 − Итоги педагогического эксперимента, разработанного на основе учета многообразия типов интеллекта Говарда Гарднера (%).

Как видно из представленного рисунка 9 процент креативности при филологическом анализе художественного текста возрастает примерно в пять раз у студентов экспериментальной группы. Это актуализирует используемую методику с экстраполяцией на другие гуманитарные науки и дисциплины, где также актуален фактор читательской грамотности.

Сравнительное рассмотрение результатов констатирующего и итогового среза дает нам основание сделать вывод о достижении основных целей исследования и подтверждении выдвинутой гипотезы. Разработка и теоретическое обоснование методической системы обучения филологическому анализу художественного текста постмодернистской литературы, ориентированной на формирование креативной личности обучающегося с учетом их типов интеллекта, подтвердили научно-методическую

целесообразность ее использования в практике преподавания современного лингвистического и литературного образования.

Выводы по третьему разделу

1. Эффективное восприятие обучающимися темпоральных характеристик художественного текста, в частности футуральной, а в ее составе проспективной семантики, происходит путем применения нетрадиционной методики преподавания.

2. Креативный анализ художественного текста в контексте формирования читательской грамотности эффективен на основе применения технологии дифференцированного обучения, учитывающей особенности психологических типов обучающихся.

3. Личностно-ориентированная технология базируется на принципе антропоцентризма, характерного для современной постмодернистской парадигмы, и вписывается в контекст данной парадигмы по многим другим параметрам.

4. Проведенный педагогический эксперимент подтверждает эффективность применения в учебном процессе методики Говарда Гарднера, основанной на многообразии учета разных типов интеллекта, поскольку она способствует формированию креативного подхода к анализу текста.

5. Согласно используемой методике многообразия интеллекта, преподаватель подбирает комплекс заданий и упражнений, соответствующих типу интеллекта обучающегося, что стимулирует его познавательную деятельность и реализацию соответствующего ему типа интеллекта в процессе анализа художественного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистический постмодернизм как направление в языкознании, порожденное современной постмодернистской знаниевой парадигмой, предопределяет нелинейный, когнитивно-коммуникативный подход к анализу языковых явлений, невозможность установить иерархический порядок между ними. Между тем данное направление в лингвистике возникает на основе переосмысления семантики и функционирования языковых единиц, что свидетельствует о значимости исследования семантических категорий и функционально-семантической интерпретации языковых фактов в художественном тексте. В рамках функциональной грамматики одной из неразработанных семантических категорий в настоящее время является категория проспективности.

Согласно проведенному исследованию, семантическое пространство с ядерным компонентом проспектива образует категорию проспективности, которую логично отнести к семантической субкатегории внутри категории футуральности. В значительной степени данная субкатегория также является смежной семантическим категориям аспектуальности и модальности. С аспектуальностью ее связывают семы темпоральности, а заложенная в ней субъективная модальность способствует формированию возможных миров.

На семантическом уровне субкатегория проспективности представлена двумя временными планами, предшествующий из которых предопределяет облигаторность последующего будущего действия.

На языковом уровне субкатегория проспективности реализуется в целом комплексе языковых единиц, доминирующим среди которых является глагол в форме проспектива. Он представляет собой форму, идентичную формам будущего времени, воплощая несколько иную футуральную семантику. Если форма глагола будущего времени содержит один временной план и передает значение действия непосредственно после момента речи, то глагол в проспективе заключает в себе два временных плана: предшествующий и последующий, причем последующее действие обусловливается предыдущим действием или событием. Данные действия или события создают благоприятную среду для реализации позитивных либо негативных действий, выраженных проспективом. На этом основании в настоящем исследовании проспектив интерпретируется как форма, идентичная по семантике древнерусской форме условного будущего времени и современной форме Future Perfect английского языка.

Согласно проанализированному в диссертационном исследовании фактическому материалу, проспективная семантика выражается в русском языке в сложноподчиненных предложениях с условной придаточной частью, включающей глаголы будущего времени, и имплицитно — в других типах придаточных предложений; а также в лексических единицах и отдельных фрагментах фразовых и текстовых структур.

Способствуя формированию возможных миров, проспектив достаточно часто используется современными писателями с целью реализации основной идеи произведения.

Как свидетельствуют проанализированные тексты современной документально-художественной и художественной прозы, в них воплощается идея о том, что советская действительность обусловливает события современности. К негативным событиям такого рода относится чернобыльская трагедия в произведении С. Алексиевич «Чернобыльская молитва», убийство друга в рассказе М. Веллера «Колечко», неверие в себя в рассказе В. Пелевина «Принц Госплана», к позитивным – рассказ И. Одегова «Пуруша». Советская действительность, согласно проанализированным художественным текстам, формирует характеры персонажей. В частности, это всецело можно отнести к героям произведений «Чернобыльская молитва», «Пуруша» как проявившим позитивные качества. В равной мере она формирует и людей с низким нравственным потенциалом, к которым относится герой рассказа «Колечко», либо бесхарактерных людей типа Саши Лапина из рассказа «Принц Госплана».

Общей сюжетной линией, объединяющей избранные для анализа тексты, является наличие в них двух временных планов, предшествующий из которых предопределяет неизбежность влекущих за ним последствий, представленных в виде имеющей место действительности. Совершенно очевидно, что данная сюжетная канва представляет собой своего рода схематически выраженную проспективную семантику.

Смысловая обусловленность событий и характеров способствует репрезентации проспективной семантики в художественном тексте, формируя ее онтологический план. При этом авторы произведений как креативные языковые личности воплощают мысль о возможности выбора человека, тем самым передавая эпистемический и аксиологический планы проспектива с проекцией на возможные миры.

Обозначенная в последние десятилетия прошлого века теория возможных миров в рамках структуралистской парадигмы продолжает развиваться в настоящее время. В современной постмодернистской культуре, с развитием нового знания в лингвистических исследованиях, эта теория реализуется на основе принципа антропоцентризма. Возможные миры исследуются в логико-философском, литературоведческом и лингвистическом плане.

В свете логико-философской направленности анализ семантики возможных миров производится с учетом критерия истинности/ложности высказывания. При этом второй из компонентов рассматривается как алогичный, поэтому противоречащий понятию «возможный мир».

С лингвистических позиций, согласно проанализированным источникам, возможные миры рассматриваются в диахронии и синхронии, на всех уровнях языка, прежде всего на уровне грамматики, синтаксиса предложения, синтаксиса текста, а также на уровне лексики, в частности при анализе полисемантической лексики. В ряде исследований анализируются языковые

средства гипотетической семантики, главным образом глаголы в сослагательном наклонении, модальные слова и частицы, предикативность и модальность отдельно взятых предложений.

Большой вклад в развитие семантики возможных миров вносят исследования, в которых рассматриваются функции этой семантики для выражения частной или общей идеи художественного текста. В контексте постмодернистской парадигмы, сводящей «на нет» возможность установления какой-либо иерархии и приоритетов в жизни отдельного человека и общества в целом, значимость представляет исследование возможного мира, сформированного на основе проспективной семантики. Предшествующий временной план, заложенный в данной семантике, обусловливает последующие будущие действия в их разветвленной траектории, то есть как возможные миры. Выбор приоритетов остается за персонажами произведений.

В проанализированных нами художественных текстах семантика возможных миров, основанная на проспективной семантике, заключает в себе значительную долю субъективной модальности. В связи с этим в настоящем исследовании анализ производился с актуализацией глубинного синтаксиса, с учетом пропозициональных структур предложений, сложных синтаксических целых и отдельных фрагментов текстов. При этом обязательным являлся учет пресуппозиционных установок авторов произведений как креативных языковых личностей.

Постижение идеи художественного произведения, формирование читательской грамотности, креативный подход к восприятию художественного времени как составляющей пространственно-временного континуума предопределяет необходимость поиска новых технологий в практике преподавания таких дисциплин, как «Лингвистический анализ текста», «Современный литературный процесс» и др. В контексте постмодернистской парадигмы эффективным является обучение с использованием теории многообразия интеллекта, сущность которой сводится к учету типа интеллекта студента. Как показал проведенный педагогический эксперимент, подбор методов и приемов обучения, заданий и упражнений в зависимости от типа интеллекта в значительной степени улучшает постижение структурно-семантических и формальных компонентов художественных текстов, освоение их идейной направленности. А это в свою очередь способствует становлению студента как творческой личности, что в полной мере отвечает требованиям к современному образованию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 396-411.

2 Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие /сост. Л.Н. Чурилина. – 5-е изд. – М.: Флинта, 2010. – 416 с.

3 Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. − М.: Языки славянской культуры, 2010. − 480 с.

4 Широкова Е.Н. Темпоральный код русского языка как репрезентант понятийной категории времени: дисс. … док. филол. наук. − Нижний Новгород, 2012. − 417 с.

5 Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Темпоральность. − М.: Наука, 1990. − 263 с.

6 Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. Семантика и прагматика *последнего* и *предпоследнего* // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. − М., 2011. – 512 с.

7 Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). − М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. − 576 с.

8 Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). − М.: Гнозис, 1994. − 344 с.

9 Лазарев В.А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: дисс. … док. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. − 356 с.

10 Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. − М.: Либроком, 2010. − 368 с.

11 Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании: Монография. – СПб.: Наука, 2009. – 316 с.

12 Аюпова С.Б. Категория пространства в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургнева): автореф. д. филол.н. – Уфа, 2012. – 26 с.

13 Сагирян И.Г., Богуславская В.В., Чубова Е.П., Комахидзе М.Г. К вопросу о формировании корпоративной культуры вуза в рамках СМК // Вестник ДГТУ. − 2010. − № 3-4 (72-73). − С. 177-182

14 Ляпон М.В. Время как предмет рефлексии у В. Набокова // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. − М.: Изд-во «Индрик», 2011. − С. 336-350.

15 Панова Ю.Н. Форма будущего категорического времени в современном персидском языке: значение и сфера употребления // Вопросы языкознания. − 2000. − № 1. С. 33-45.

16 Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Academa», 2003. – 256 с.

17 Ноздрина Л.А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий: учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. – М.: Дрофа, 2009. – 252 с.

18 Рянская Э.М., Федорова Р.В. Категория проспективности: специфика, вербализация: монография. − Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. − 166 с.

19 Арзива Е.Р. Лингвофилософские основы взаимопересечения времен в документально-художественной прозе //Przegląd Wschodnioeuropejski, IX/1, 2018. –V. 9. – Iss. 1. –P. 343-355.

20 Аргустынек З. Лейбницево определение времени //Вопросы философии. −1973. − №5. – С. 107-121.

21 Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 336 с.

22 Блаженный А.В.: Эл. вариант. Режим доступа: URL:http://www. mudriyfilosof.ru/2014/07/filosofiya-avgustina-avreliya.html 12.07. 2016.

23 Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его соотношении к физическому и философскому аспектам// Вопросы языкознания. – 1975. − №2. – С. 111-117.

24 Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. − М.: Языки славянских культур, 2012. − 648 с.

25 Буркова С.И. Показатели с семантикой проспектива в северно-самодийских языках // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. − 2015. − № 1(7). – С. 9-18.

26 Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматическая система языков мира. − М.: РГГУ, 2011. − 377 с.

27 Маслова Е.С. К типологии проспектива: категория провиденциалиса в юкагирских языках // Исследования по теории грамматики. / Под ред. Ю. А. Ландера, В. А. Плунгяна, А. Ю. Урманчеевой. − М.: Гнозис, 2004. − Вып.3. − С.212-225.

28 Комри Б. // Comrie, Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. − Cambridge University Press, 1976. − P. 64-65.

29 Дика С. // Dik, 1997: 238-239 Dik S. The theory of functional grammar. The structure of the clause. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. – P.1

30 Хайне Б. Heine 1994. Heine B. On the genesis of aspect in African languages: the proximative // Proceedings of the 20th annual meeting of the BLS. – 1994. − P. 35-46.

31 Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). − Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 2000. – 85 с.

32 Гапонова Ю.В. Особенности функционирования лексики с модальным значением возможности в текстах печатной рекламы // Семантические процессы в языке и речи: Матер. ежегодного научн. семинара аспирантов. − Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. − С. 15-22.

33 Жеребило Т.В. Термины и понятия общей морфологии: Словарь-справочник. Эл. вариант. Режим доступа:https://lingvistics_dictionary.academic.ru/3181/ 12.10.2017 г.

34 Ипатова Л.В. Семантико-грамматическая связь аналитических средств выражения понятий модальности и будущности в английском, французском и русском языках: сравнительный анализ: автореф. к.филол.н. − М., 2003. – 219 с.

35 Веревкина В. Универсальность и уникальность пространственно-временных представлений русского народа и их отражение в русской языковой картине мира: автореф. … канд. филол. н. − Елец, 2009. − 24 с.

36 Гердт Е.В. Образная основа фразеологических единиц русского и английского языков (на материале фразеосемантического поля 'проживаемое время') // Вестник Омского университета. − 2011. − №1. − С.142-146.

37 Килевая Л.Т. Становление категории наклонения славянского глагола: дисс. д. филол. наук. – Алматы, 2003. – 276 с.

38 Казарян В.П. Понятие времени в структуре научного знания. − М.: Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1980. – 174 с.

39 Бенвенист Э. Общая лингвистика// Под ред., с вступительной статьей и комментарием Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.

40 Килевая Л.Т., Стэрналь Э. Семантика грамматики в свете освоения темпоральной парадигмы английского глагола // Идеи. Поиски. Решения. Научн. публикации филологического факультета. Электр. библиотека БГУ, 2018. – Т. 2.

41 Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. − Ростов-на-Дону, 2010. – 562 с.

42 Кадало Т.А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности: дисс. … канд. филол. н. − Кемерово, 2004.− 189 с.

43 Бычко А.К. Народная мудрость Руси: анализ философа. – Киев: Высшая школа. Изд-во при Киевск. ун-те, 1988. – 200 с.

44 Кадырова Г.Р. Функционально-семантическое поле гипотетичности в древнерусском языке: прагматический аспект: дисс. … канд. филол. наук. – Алматы, 2005. – 130 с.

45 Вьюнов Ю.А. Русский народ: национальный характер и духовные ориентации // Метод. пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного: в 2-х частях. / под ред. Э.Г. Азимова. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Часть II. – 312 с.

46 Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова…» – СПб.: «Златоуст», 1999. – 368 с.

47 Крипке С. Очерк теории истины. – Эл.версия. Режим доступа: [philosophy.ru/library/logik/kripke.html]. 23.11.2015.

48 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат// Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч.1.– С. 1-74.

49 Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 382 с.

50 Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – С. 3-6.

51 Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

52 Серль Дж., Вандервекин Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике: Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 242-263.

53 Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.

54 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

55 Лурье В.М. Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России// Модальная логика времени в естественном языке: Доклады междунар. науч. конф. – СпбГУ, 2012. – С. 241-246.

56 Назаренко М. «Возможные миры» в исторической прозе. Русская литература. Исследования: сбр. науч. трудов. – 2006. – Вып. Х. – К.: БиТ. – С. 105–115.

57 Эко У. Парадоксы визуальной семиотики. – Электр. версия. Режим доступа:[www.e-reading.ws]. 04.03.2016.

58 Новикова А.В. Лингвистический анализ реализации возможных миров в художественном тексте: дисс. … канд.филол.н. – Пермь, − 2010. – 170 с.

59 Бразговская Е.Е.Текст в пространстве культуры. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 113 с.

60 Левина С.Д. Лингвистический анализ текста: учебное пособие для студентов. – М.: Просвещение, − 1986. – 123 с.

61 Луговая Е.А. Философские основы добровольчества // Исторические, философские, политические практики. – Тамбов, 2011. – № 7 (13). – С. 138-141.

62 Медведева Г.Р. Художественный текст: специфика интерпретации. – Электр. версия. Режим доступа: [www.texst]. 13.03.2017.

63 Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. – Учебное пособие для студ. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

64 Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации //Логический анализ языка: Культурные концепты / отв.ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 21-30.

65 Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 209-233.

66 Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.

67 Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семантики в СССР. – М.: Наука, 1976. – 303 с.

68 Иванов Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология// Проблемы структурной лингвистики, 1980. – М.: Наука, 1982. – С. 5-19.

69 Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251-275.

70 Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-122.

71 Черемисина Н.В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филологические науки. – 1992. – №2. – С. 111-117.

72 Бабушкин А.П. Перевод поэтического произведения как реализация «возможных миров» // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 79-82.

73 Юдина И.А. Формирование и распад полисемантов в процессе исторического существования слова в языке (на примере семантической структуры слова «живой» // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: Реноме, 2012. – С.183-185.

74 Заика В.И. Очерки по теории художественной речи: монография. – Великий Новгород, 2006. – 407 с.

75 Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.

76 Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86с.

77 Русская грамматика. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М.: Наука, 1982. –Т. I. – С. 582-723.

78 Михалькова Е.В. Семантические функции сослагательного наклонения в повести Дж.Р.Р. Толкиена «Хоббит, или Туда и обратно» // Экология языка на перекрестке наук . // Вестник Тюменского гос.ун-та. – 2014. – №1. – С. 215-221.

79 Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. Стилистика. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – Ч.3. – С. 38-294.

80 Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23: Когнитивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – 317 с.

81 Болдырев В.В. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц. – Электр. версия. Режим доступа [www. academia.edu/362574 1/ Фреймовая семантика]. 14.03.2017.

82 Хлебодарова А.Г. Когнитивный сценарий для курса мечты: конструирование возможного мира // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – №3(24). – Электр. версия. Режим доступа: [cyberleninka.ru/article/n/roqnitiny] 24.12.2017.

83 Куклева Т.В. Инфинитивные предложения как средство выражения модального значения сомнительности // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1999. – С. 85-86.

84 Трофимова О. В. Сочетание *как бы* в сверхтексте «Литературной газеты» // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1999. – С. 91.

85 Новикова А.В. Лингвистический анализ реализации возможных миров в художественном тексте: автореф…. канд. филол. н. – Пермь, 2010. – 170 с.

86 Арзиева Е.Р. Виртуальная реальность в прозе В. Пелевина // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия филологическая. − №4 (58). − 2016. − С. 93-99.

87 Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мира. – М.: Интрада, 1998. – Электр. версия [lib.ru/CULTURE/ILIN/postmodern.txt]. 06.07.2016.

88 Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – Электр. версия. Режим доступа: [www.guelman.ru/5level/postmod/1.html]. 10.05.2016.

89 Сафронова Л.В. Современный литературный процесс: учебное пособие. – Алматы: АГУ им. Абая, 2001. – 48 с.

90 Киклевич А. Художественный текст и теория возможных миров // Киклевич А. Притяжение языка. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Olsztyn, 2007. – Том. I. – С. 267-290.

91 Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XXвеков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 85-90.

92 Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: монография. – Алматы: Жазуены, 2013. – 520 с.

93 Алтыбаева С.М. Документальные и квазидокументальные нарративы современной казахской прозы // Семиосфера нарратологии: диалог языков и культур: международный сбор. науч. Ст. – Балашов, 2013. – С. 69-83.

94 Ильина Е.Ю. Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте: дисс. … д. филол.наук. – Волгоград: Волгоградский гос. пед.ун-т, 2009. – 445 с.

95 Шмид Вольф. Нарратология. – Эл. версия. Режим доступа:[noyallib. com].

96 Вежбицкая Анна. Семантика грамматики. – М.: Наука, 1992. – 31 с.

97 Арзиева Е.Р. Автор как речевая личность сквозь призму темпоральной семантики //Сбор. стат. матер. IX-X междунар. науч. конф. «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки», №4-5 (8). − Новосибирск: Изд. «СибАК, 2018. − С. 50-56.

98 Жаналина Л.К., Килевая Л.Т. и др. Язык современной науки: Языковые портреты. Учимся искусству научной речи: учебное пособие / под ред. Л.К. Жаналиной. – Алматы, 2010. – 344 с.

99 Алефиренко Н.Ф. История лингвистических учений. – Белгород: ИД. «Белгород» НИУ»БелГУ», – 2013 . 404 с.

100 Арзиева Е.Р. Футуральная семантика в свете воплощения основной идеи «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич // Сборник статей по

матер. LXV междунар. науч.-прак. конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи» №10 (65). Новосибирск: Изд. «СибАК, 2016. – С. 108-114.

101 Борис Акунин. Википедия. – Электр. версия. Режим доступа: [https://ru. wikipedia. org/wiki/ Борис Акунин]12.09.2015.

102 Кемпинский А. Психология шизофрении. Пер. с польского. – СПб., 1988. − 294 с.

103 Авдонин Г.В. Символ как способ актуализации невидимого // Человек. Общество. Инклюзия. – 2016. − №4. – С. 52-59.

104 Джундубаева А.А. Неомифологизм рассказа И. Одегова «Пуруша» // Науч. дискусс.: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи: сбор. ст. по материалам XVII международной заочной науч.-практич. конфер. – М., Изд.: «международный центр науки и образования», 2013. – № 10 (17). – 122 с.

105 Сафронова Л.В., Жансыбекова Э.Т. «Мифологема Нарцисса и мотив первотворения в рассказе И. Одегова «Пуруша». //Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. – Серия филол., 2017. – № 6. – С. 75-83.

106 Веллер М.И. «Колечко» 2006, г. М.:, издатель АСТ. Электр. версия. Режим доступа: [www.bookcity.club./32246-михаил-веллер-колечко.html] 16.03.2017.

107 Арзиева Е. Р. Репрезентация футуральной семантики в произведении М. Веллера «Колечко» // Humanistica21. Tom 2: Człowiek na skrzyżowaniu materialno-duchowych wyzwań współczesności. Монография по матер. междунар. науч. конф. // Świecie: Wydawnictwo ULT w Świeciu, 2018. – С. 145-165.

108 Арзиева Е. Р. Сослагательное наклонение как средство реализации возможного мира в художественном тексте // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Экономика, право, культура в эпоху общественных преобразований» АФ Санкт-Петербургского Гуманитар. ун-та профсоюзов. − 2016 г. − С.401-406.

109 Арзиева Е.Р. Семантика возможных миров в повести Виктора Пелевина «Принц Госплана» // Матер. междунар. науч.-прак. конф. «Экономика, право, культура в эпоху общественных преобразований», приуроченной к 100-летию со Дня рождения академика Д.С. Лихачева. АФ Санкт-Петербургского Гуманит.-го ун.-та профсоюзов. − 2017 г. − С.158-162.

110 Волков Вяч. (2010), Философия: основные проблемы, понятия, термины. Эл. версия. Режимдоступа: [www.rovallid.com/book//volkov_vyachesla v//filosofiya_osnovnieproblemi…]16.03.2017.

111 Постовалова В.И. Герменевтика «Философии имени» А.Ф. Лосева (философия языка и язык философии) // Критика и семиотика. – 2009. − Вып. 13. – С. 141-168.

112 Алексиевич С. Чернобыльская молитва (хроника будущего). – 2-е издание. – М.: Изд. дом: время, 2006. – 304 с.

113 Арзиева Е.Р. Вербальная репрезентация концепта «будущее» в «Чернобыльской молитве» С. Алексиевич //Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. − 2016.− № 1(147). − С. 278-282.

114 Батракова Н. Рецензия на книгу Св. Алексиевич «Чернобыльская молитва». – Электр. версия. Режим доступа: [www. sozvuchie. ву/ news/ 2014-11-10].03.10.2015.

115 Одегов Илья. Пуруша//Дружба народов. – 2012.− №3. – С.61-68.

116 Одегов Илья. «Все мы пришельцы»// Свобода слова. Еженедельник. – 15.07.2014. – Электр. версия. Режим доступа [www.russpremia.ru /press/ 000 000 195]. 09.05.2016.

117 Арзиева Е.Р. Гипотетическая семантика как способ моделирования возможного мира: магист. дисс. − Алматы, 2015. – 90 с.

118 Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. − М.: Гнозис. – 1994. – Том I. – 608 с.

119 Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 240 с.

120 Плотникова С.Н. Счастье как возможный мир и его дискурсивная реализация// Проблема систематики языка и речевой деятельности. – Вестник ИГЛУ. – Сер.3. – Матер. конф. – Иркутск: ИГЛУ, 2003. – Вып.1. – С.108-117.

121 Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1990. – 372 с.

122 Килевая Л.Т. Картина мира древних славян. Категория наклонения.− Алматы: АГУ им.Абая, 2002. – 176 с.

123 Курилович Е. Очерки по лингвистике // М.: Изд-во иностранной литературы. 1962. − 456 с.

124 Аксаков К. О русских глаголахъ. Сочинения филологические. Въ университетской типографіи (Катковъ и К), на Страстномъ бульварЬ, − 1875. − Часть I. – М. – С. 410-438.

125 Бардасова Э.В. Концепция «возможных миров» в свете эстетического идеала писателей-фантастов А.и Б. Стругацких: дисс. … канд. филол.наук. – Казань, 1995. – 159 с.

126 Лунькова Л.Н. Возможные миры художественной литературы // Вестник Челябинского гос. ун-та. – №33(173). Филология. Исследование. – 2009. – Вып. 37. – С. 52-63.

127 Жумабекова А. К., Килевая Л.Т. Структура современного языкознания.− Алматы. − 2015. – 240 с.

128 Кирсанов А.А. Индивидуализация процесса обучения как средство развития познавательной и самостоятельности учащихся // Советская педагогика. – 1963. – №5. – С. 27-34.

129 Рабунский Е.С. Индивидуальный подход в процессе обучения школьников (На основе анализа их самостоятельной учебной деятельности). – М.: Педагогика, 1975. – 182 с.

130 Осмоловская И.М. Дифференциация процесса обучения в современной школе: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск-го психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МО-ДЭК», 2004. – 176 с.

131 Шахмаев Н.М. Дифференциация обучения в средней общеобразовательной школе / Дидактика средней школы / под ред. М.Н. Скаткина. 2-е изд., перераб. и доп. – И.: Просвещение, 1982. – 319 с.

132 Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. М.: Педагогика, 1990. – 184 с.

133 Дифференциация обучения по направлениям: Матер. третьей науч.-практ. конф. / Составитель-редактор Броневщук С.Г., науч. редакция Кривошеев В.Ф. – М.: Изд-во ИОО МО РФ, 1992. – 95 с.

134 Иванов. В.В. Способы управления учебной работой школьников в условиях индивидуально-дифференцированного подхода: дисс. канд. пед. наук: 13.00.01. – Казань, 1977. – 172 с.

135 Якиманская И.С. Дифференцированное обучение: «внешние» и «внутренние» формы /Директор школы. – 1995. – № 3. – С.39-45.

136 Утеева Р.А. Теоретические основы организации учебной деятельности учащихся при дифференцированном обучении математике в средней школе: автореф. … док. пед. Н.: 13.00.02. – М., 1998. – 37 с.

137 Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития: инновационный курс: В 2 кн. Кн.2. – Казань: Изд-во КГУ, 1998. – 318 с.

138 Актуальные вопросы дифференцированного обучения / Л.Н. Рожина, Н.А. Циркули, А.Б. Василевский и др. – Минск: Народная Асвета, 1982. – 189 с.

139 Смирнова И.М. Научно-методические основы преподавания геометрии в условиях профильной дифференциации: дисс. … док. пед. наук: 13.00.02. – М., 1994. – 364 с.

140 Границкая А.С. Научить думать и действовать: Адаптивная система обучения в школе: Кн. для учителя. – М.: Просв., 1991. – 250 с.

141 Загвязинский В.И. Теория обучения: Современная интерпретация. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 192 с.

142 Волкова М.В. Организация дифференцированного обучения старшеклассников в условиях учебно-воспитательного комплекса: автореф. … канд. пед. наук: 13.00.01. – Чебоксары, 1997. – 24 с.

143 Гусев В.А. Психолого-педагогические основы обучения математике. – М.: ООО «Издательство «Вербум – М», ООО «Изд. центр «Академия», 2003. – 432 с.

144 Пурышева Н.С. Дифференцированное обучение физике в средней школе. – М.: Прометей, 1993. – 162 с.

145 Howard Gardner. (2010). Multiple intelligences. Электр. версия. Режим доступа: [http://www.howardgardner.com/MI/mi.html]. [Gardner, H. (2006 b). Multiple intelligences: New horizons. New York: Basic Books.

146 Говард Гарднер: Структура разума: теория множественного интеллекта. – М.: ООН «Н.Д. Вильямс», 2007. – 512 с.

147 Лысенкова С.Н. Метод опережающего обучения. Книга для учителя. Из опыта работы. – М.: Просв., 1988. – 192 с.

148 Тренинг «Академия лидеров будущего, проведенный проф. Владимиром Свёнтком в Лингв.-технич. ун.-те в Пшасныше (Польша, 2018 г. Март)

149 Воронин А.С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Учебное электронное текстовое издание / Науч. ред. Г.Д. Бухарова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2006.

150 Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. – 480 с.

151 Шанский Н.М., Махмудов Ш.А. Филологический анализ художественного текста: Пособие для студентов филол. фак. пед. вузов. – СПб: Спец. Лит., 1999. – 317 с.

152 Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 256 с.

153 Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Избр. раб. по русскому языку. – М., 1957. – С. 27.

154 Максимов Л. Ю. О методике филологического анализа художественного произведения (на материале рассказа И.А.Бунина «Легкое дыхание») // Рус. яз. в школе. – 1993. – № 6. – С. 5.

155 Бобылев Б.Г. О методике филологического анализа художественного текста // Ученые записки Орловского госуд.-го ун.-та. – 2017. – №3(76). – С. 185-190.

156 Болдина Н.Н. Филологический анализ произведений М.Ю. Лермонтова : учеб.-метод. пособие. – Пенза: Тип. ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. – 162 с.

157 Арзиева Е.Р. Степень креативности в восприятии времени документально-художественной прозы современными студентами //Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Педагогика и психология». Научно-педагогический журнал. – 2016. – №3 (28). − С. 157-161.

158 Новый словарь методических терминов и понятий. − Электр. версия. Режим доступа: [https: //methodological – terms. Academic. Ru] 07.03.2017.

159 Сальникова Т.П. Педагогические технологии: учебное пособие. – М.: ТЦ, Сфера, 2005. − 57 с.

160 Кажигалиева Г.А. Лингвокультурологический комментарий на занятиях по практическому курсу русского языка. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2003. – 92 с.

161 Бактыбаев Ж.Ш. Использование технологии таксономии Блума в учебном процессе вуза // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – №1. – С. 150-153.

Приложение А

Акт о внедрении завершенной научно-исследовательской работы в учебный процесс

«УТВЕРЖДАЮ»
Проректор по научной работе
и международному
сотрудничеству
доктор философских наук,
профессор,
член-корреспондент НАН РК
А.Т. Кулсариева
КазНПУ им. Абая
«__» марта 2019 г.

АКТ
внедрения результатов диссертационного исследования Арзиевой Евгении Руслановны на тему «Проспективные основы семантики возможных миров в художественном тексте» в учебный процесс Казахского национального педагогического университета имени Абая

Диссертационное исследование Е.Р. Арзиевой обладает актуальностью и практической значимостью для внедрения в вузовское образование. Результаты работы апробированы на базе КазНПУ им. Абая, на 1, 3 курсах специальностей «5В011800 – Русский язык и литература», «5В012200 – Русский язык и литература в школах с нерусским языком обучения».

При проведении занятий по дисциплинам «Филологический анализ текста», «Современный литературный процесс в России и Казахстане», «Автор и герой в постмодернистской литературе диссертантом были использованы и апробированы разработанные им в научном исследовании новые междисциплинарные технологии анализа художественного текста. Применение их в учебном процессе оказало положительное влияние на лингвистическую и литературоведческую подготовку будущих учителей русского языка и литературы, расширило их исследовательские возможности и практические умения.

Активное обращение соискателем Е.Р. Арзиевой на занятиях в вузе к анализу процессов, происходящих в современной литературе Казахстана (неомифологизму и др.), способствовало формированию нравственных ориентиров и духовному развитию студентов.

Директор Института филологии
и полиязычного образования Б. Әбдіғазиұлы

Зав.кафедрой русского языка
и литературы С.Д. Абишева

Приложение Б

Силлабус дисциплины «Филологический анализ постмодернистского художественного текста»

(элективный курс)

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АБАЯ
Факультет филологии и полиязычного образования
Кафедра русского языка и литературы

Утверждаю

Председатель Совета института филологии и полиязычного образования
Б.Абдіғазиұлы

_____ (подпись)
«28» 09 2018 г.

СИЛЛАБУС
по дисциплине
«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА»

«5В011800 – Русский язык и литература»

Алматы, 2018

Ф КазНПУ 0703-03-18 (2). Учебно-методический комплекс дисциплины. Издание второе.

СИЛЛАБУС ДИСЦИПЛИНЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

1. Информация о дисциплине

Наименование дисциплины «Филологический анализ постмодернистского художественного текста»

Количество кредитов 3

Курс 3, семестр 1

Шифр - наименование специальности «5В011800 − Русский язык и литература»

Институт филологии и полиязычного образования, кафедра русского языка и литературы

Время и место проведения дисциплины: Институт филологии и полиязычного образования.

Степень, звание, должность Ф.И.О преподавателя: м. г. н., Арзиева Е.Р.

контактная информация (телефон, e-mail): 87472905537; belong_to_dreams@mail.ru

2. Краткое описание дисциплины

Дисциплина «Филологический анализ постмодернистского художественного текста» – неотъемлемая составная часть профессионального цикла образовательной программы бакалавра в сфере педагогической деятельности.

3. Цели и задачи дисциплины

Целью дисциплины «Филологический анализ постмодернистского художественного текста» является формирование у бакалавров, обладающих базовыми знаниями, целостного представления о концептуальном фонде литературоведения X1X-XX1 вв., об основных подходах к анализу текста, разнообразных методах литературоведческого анализа, выработанных филологической наукой на протяжении всей своей эволюции, ознакомление с различными общетеоретическими и конкретными практическими аспектами изучения текста на современном этапе.

Основными задачами дисциплины «Филологический анализ постмодернистского художественного текста» являются формирование обучающихся наряду с ключевыми компетенциями специальные компетенции как:

- *знание и понимание* об истории становления и развития русской филологии X1X-XX1 вв., ее целях, задачах, направлениях и инструментарии современного филологического анализа;

- *применение знаний и пониманий* о теоретических и методологических основах современного литературоведения в практическом анализе текстов;

- *формирование собственных исследовательских суждений в области педагогических коммуникаций* с учетом способности логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;

- *личностные способности* к саморазвитию, повышению квалификации и профессионального мастерства с использованием традиционных и современных технологий.

4. Календарно-тематический план

	Наименование тем дисциплины	неделя	Аудиторные занятия		Вид задания (описание)		Всего (ч.)
			Лекции (ч.)	Пр/сем/ лаб (ч.)	СРСП	СРС	
1	*Лекция № 1. Философская основа времени в свете категории виртуального пространства*	1	1				1
	Темы семинарских занятий к лекции №1 *Время и пространство* 1. Развитие виртуального понятия от древнего мира до современности. 2. Общее понятие о времени. Философские и лингвистические понятия времени и пространства.			2			2
	Задания СРСП к № 1 лекции: 1. История развития о времени и пространстве из разных областей наук.				3		3
	Задания СРС к № 1 лекции: 1. Презентация «Мифологической школы».					3	3
2	*Лекция №2. Проблема интерпретации проспективной семантики в современных филологических исследованиях*	2	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции № 2 *Проспективность как семантическая субкатегория*			2			2
	Задания СРСП к лекции № 2 Работа в микрогруппах по инд.заданиям. 1.Взгляды разных ученых на проблему проспективной семантики. 2. Составление кластера «Интерпретации категории проспективности».				3		3
	Задание СРС к лекции № 2. Составление таблицы «Различие понятий «проспективность» и «перспективность»					3	3
3	*Лекция №3. Возможный мир в проспективной семантике* 1. Понятие «возможный мир» в контексте антропоцентризма. 2. Памятники письменности.XIV-XVI в.	3	1				1

	Тема семинарского занятия к лекции № 3 *Понятие «возможный мир» в логико-философских и лингвофилософских источниках* 1. Интерпретация возможного мира в филологических исследованиях: к вопросу о проспективе 2.Двойственность бытия в свете истины.			2			2
	Задание СРСП к лекции № 3 Работа в микрогруппах. Теория возможных миров у С. Крипке, Людвига Витгенштейна и др.				3		3
	Задание СРС к лекции № 3 Презентация: 1. О Готфриде Лейбница. 2. О современных учениях возможных миров.					3	3
4	*Лекция №4. Текст как объект изучения лингвистического анализа текста* 1. Понятие о тексте. 2. Объект и предмет изучения текста. 3. Палеография. 4. Текстология.	4	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №4 *Особенности художественного текста* 1. История литературного языка. 2. Стилистика художественной речи. 3. Теория языка художественной литературы. 4. Художественный текст в свете возможного мира.			2			2
	Задания СРСП к лекции № 4 Работа в группах. 1. Презентация: лингвоцентрический подход изучения текста; текстоцентрический; антропоцентрический. 2. Анализ отрывков художественных текстов. (Выполнение лексико-грамматических заданий)				3		3
	Задание СРС к лекции № 4 1. Презентация: «Текст и культура» 2. Составление схемы «Признаки текста».					3	3
5	*Лекция №5. Исследование художественного текста в свете футуральной семантики и семантики возможных миров*	5	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №5: *Семантика нарратива в свете категорий времени и возможного мира*			2			2

	1. Авторская позиция в художественном тексте. 2. «Человек в речи» в контексте нарратива.						
	Задания СРСП к лекции № 5 1. Роль «сноведения» в художественном тексте. 2. Анализ текста рассказа И. Одегова «Пуруша».				3		3
	Задание СРС к лекции № 5 Составление композиционно-смысловой структуры рассказа И. Одегова «Пуруша».					3	3
6	*Лекция №6. Место филологического анализа текста в текстоведении* Филологический анализ постмодернистского художественного текста: предмет, цель и задачи курса, ключевые понятия и категории.	6	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №6: *Структурная организация текста.*			2			2
	Задания СРСП к лекции №6 1. Выполнение лексико-грамматических упражнений (работа с таблицей Н. С.Болотновой). 2. Творческая работа: Кто быстрее? (ассоциации с именами поэтов и писателей разных эпох).				3		3
	Задание СРС к лекции №6 *Индивидуальное задание.* Аргументация вопроса: Как соотносятся категории художественного хронотопа с реальным временем и реальным пространством (на примере художественного текста по выбору студента)?					3	3
7	*Лекция №7. Художественный текст в постмодернизме* У. Эко. Концепции медиазависимости литературы. Социологические методы в литературоведении (П. Бурдье, М. Берг, В.В. Бадиков).	7	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №7 *Параллельные миры в контексте проспективной семантики в художественном тексте* 1. Временной план 1, предшествующее действие. 2. Временной план 2, действие как эффект. 3. Реальный и возможный мир. 4. Идейный замысел произведения.			2			2

	Задание СРСП к лекции №7 Анализ рассказа М. Веллера «Колечко».				3		3
	Задание СРС к лекции № 7 Составление таблицы «Параллельные миры в контексте проспективной семантики в художественном тексте» (на материале произведений (Б.Акунин «Внеклассное чтение», Алексиевич «Чернобыльская молитва», В. Пелевин «Принц Госплана», М. Веллер «Колечко», И. Одегов «Пуруша»)					3	3
8	*Лекция №8. Теория возможных миров в исследовании художественного текста литературы постмодернистского направления* 1. Понятие терминов «мир», «возможный мир». 2. Виртуальные образы и технообразы. 3. «Интерактивность» и «виртуальность».	8	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №8 *Картина мира в повести В. Пелевина «Принц Госплана»*			2			2
	Задания СРСП к лекции № 8 1. Филологический анализ повести В. Пелевина «Принц Госплана» или др. произведения (на выбор) 2. Выполнение лексико-грамматических заданий по содержанию.				3		3
	Задание СРС к лекции № 8 Составление ассоциограммы содержания текста «возможные миры» в повести В. Пелевина «Принц Госплана»					3	3
9	*Лекция №9. Содержание текста как основа формирования проспективной семантики*	9	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №9 *Типология постмодернистских героев (персонажей) и проблема автора*			2			2
	Задания СРСП к лекции № 9 Анализ романа Б.Акунина «Внеклассное чтение»				3		3
	Задание СРС к лекции № 9 Работа в группах 1. Подготовка сообщений об особенностях *постмодернистских героев.* 2. Ролевая игра. Манипуляция как авторская коммуникативная стратегия в произведениях художественных					3	3

	текстах постмодернизма (на выбор из предложенных преподавателем).						
10	*Лекция №10. Текстообразующие возможности языковых единиц разных уровней* 1.Сослагательное наклонение как проспектив. 2. Условные конструкции. 3. Имплицитность условной семантики в придаточных разных типов. 4. Модальные конструкции.	10	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №10 *Лексико-семантические средства вербализации возможных миров с проспективной семантикой* 1. Инфинитивные конструкции гипотетической семантики 2. Разделительные союзы. 3.Формы сравнительной степени. 4. Вопросительные конструкции.			2			2
	Задание СРСП к лекции № 10 1. Лингвистический анализ романа Б. Акунина «Внеклассное чтение» (глаголы будущего времени) 2. Составление таблицы «Вербализация возможных миров в современном художественном тексте с проспективной семантикой»				3		3
	Задание СРС к лекции № 10 Самостоятельная работа по карточкам. Выявление языковых единиц фрагментов художественных текстов.					3	3
11	*Лекция №11. Особенности филологического анализа постмодернистского художественного текста*	11	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №11 *Проблема речевой личности автора как категория художественного текста*			2			2
	Задание СРСП к лекции № 11 Филологический анализ Св. Алексиевич «Чернобыльская молитва»				3		3
	Задание СРС к лекции № 11 Презентация «Эмотивность как средство выразительности разговорной речи»					3	3
12	*Лекция №12. Текстовые фрагменты воплощения возможных миров с проспективной семантикой*	12	1				1
	Подтемы семинарского занятия к лекции №12			2			2

	1. Семантическое пространство текста и его анализ *2. Концептуальное пространство текста* *3. Денотативное пространство текста* *4. Эмотивное пространство текста*						
	Задание СРСП к лекции № 12 Филологический анализе текстов (роман Б. Акунина «Внеклассное чтение», повесть В. Пелевина «Принц Госплана», рассказы М. Веллера «Колечко» и И. Одегова «Пуруша»; документально-художественная проза – произведение С. Алексиевич «Чернобыльская молитва (хроника будущего)» на выбор.				3		3
	Задание СРС к лекции № 12 *Творческая работа. Составление рубрики «Знаете ли вы»?* (Необходимо раскрыть понятие термина «творческое поведение» на материале творчества и судьбы какого-л. писателя (по выбору студента).					3	3
13	*Лекция №13. Формирование креативной личности обучающегося на основе художественного текста* 1. Проблема дифференцированного обучения. 2. Понятие «креативность». 3. Личностно-ориентированное обучение	13	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №13 *Методика обучения филологическому анализу художественного текста.*			2			2
	Задание СРСП к лекции № 13 Работа в группах. Ролевая игра. «Я – учитель».				3		3
	Задание СРС к лекции № 13 Творческая работа. Составление кластера «Ступени восхождения от Реального мира к Античному миру» (по данным анализируемых произведений)					3	3
14	*Лекция №14. Обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта обучающихся* 1. Лингвистический, 2. Логико-математический, 3. Визуально-пространственный, 4. Телесно-кинестетический, 5. Музыкальный,	14	1				1

	6. Натуралистический, 7. Экзистенциональный, 8. Межличностный						
	Тема семинарского занятия к лекции №14 *Обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта обучающихся* Работа в группах. Характеристика психологических типов обучения личности обучающегося			2			2
	Задание СРСП к лекции № 14 1. Составление задания с учетом психологического типа (на материале изученных произведений) 2. Проведение анкетирования по творчеству С. Алексиевич 3. Анализ и обмен мнениями по итогам анкет.				3		3
	Задания СРС к лекции № 14 *1. Грамматическое задание.* Используя текстовой материал анализируемых произведений, заполните таблицу «Вербализация возможных миров в современном художественном тексте с проспективной семантикой» по образцу *2. Творческое задание.* Используя методику пуантилизма, представьте рисунок из понравившегося вам художественного произведения постмодернистской литературы. (Фрагмент пейзажа природы, портрет героя и др.) 3. *Индивидуальное задание. (Работа в парах).* Разыграйте диалог между главными героями изученных вами произведений. 4. *Написание эссе на тему*: «Я – креативная личность».					3	3
15	*Лекция 15. Современный литературный процесс в России и Казахстане*	15	1				1
	Тема семинарского занятия к лекции №15 *Межкультурная коммуникация в области литературоведения*			2			2
	Задание СРСП к лекции №15 Подготовка рефератов по изученной теме (на выбор предлагаемых преподавателем)				3		3
	Задание СРС к лекции №15 1. Выступление с рефератами. 2. Обмен информацией по итогам					3	3

	выступлений.						
	ИТОГО	15	15	30	45	45	135

5. КАРТА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ

Специальность «5В011800 – Русский язык и литература»
по дисциплине «Филологический анализ художественного текста»

№	Изучаемый раздел	Основная литература (автор, наименование, год издания, стр. по изучаемому разделу)	Дополнительная литература и Интернет источники	Прочие ресурсы в случае необходимости (программное обеспечение, презентации, нагл. пособия и др.)
1.	Тема №1. Философская основа времени в свете категории виртуального пространства	1.Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтмана. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. 2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. - СПб.: «Искусство – СПБ», 2000. 3. Гируцкий А.А. Общее языкознание. – Минск: ТетраСистемс, 2001. - 304 с.	1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие /сост. Л.Н. Чурилина. – 5-е изд. – М.: Флинта, 2010. – 416 с. 2. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. − М.: Языки славянской культуры, 2010. − 480 с.	Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. − Ч. 2, кн. 1.
2.	Тема №2. Проблема интерпретации проспективной семантики в современных филологических исследованиях	1.Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. - СПб.: Невский Простор, 2002. 2. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). − М.: Гнозис, 1994. − 344 с.	1. Радченко О.А. Язык как миросозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдианства. – М.: КомКнига, 2006. – 312 с.	1.http://www.stoliarov.narod.ru/ 2. Крипке С. Очерк теории истины. – Эл.версия. Режим доступа: [philosophy.ru/library/logik/kripke.html]. 23.11.2015.

3.	Тема №3. Возможный мир в проспективной семантике	1 Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании: Монография. – СПб.: Наука, 2009. – 316 с. 2 Аюпова С.Б. Категория пространства в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургнева): автореф. д. филол.н. – Уфа, 2012. – 26 с.	1. Ляпон М.В. Время как предмет рефлексии у В. Набокова // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. − М.: Изд-во «Индрик», 2011. − С. 336-350. 2. Панова Ю.Н. Форма будущего категорического времени в современном персидском языке: значение и сфера употребления // Вопросы языкознания. − 2000. − № 1. С. 33-45.	1.http://www.stoliarov.narod.ru/
4.	Тема №4. Текст как объект изучения лингвистического анализа текста	1. Левина С.Д. Лингвистический анализ текста: учебное пособие для студентов. – М.: Просвещение, − 1986. – 123 с. 2. Ноздрина Л.А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий: учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. – М.: Дрофа, 2009. – 252 с.	1. Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. – М.: Наука, 1982. – С. 56-70. 2. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе: Учебное пособие для студентов педвузов. – М.: Фемида, Наука, 1998. – С. 18-29.	2.http://www.philarts.spbu.ru
5.	Тема №5. Исследование художественного текста в свете футуральной семантики и семантики возможных миров	1. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 8 2. Иванов Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология// Проблемы структурной лингвистики, 1980. – М.: Наука, 1982. – С. 5-19.	1. Арзиева Е.Р. Футуральная семантика в свете воплощения основной идеи «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич // Сборник статей по матер. LXV междунар. науч.-прак. конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи» №10 (65). Новосибирск: Изд. «СибАК, 2016. – С. 108-114.	1.http://www.philarts.spbu.ru 2. Болдырев В.В. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц. – Электр. в ерсия. Режим доступа [www. a cademia.edu/3625741/ Фреймовая семантика]. 14.03.2017.
6.	Тема №6. Место филологического анализа	1. Новикова А.В. Лингвистический анализ реализации возможных миров в	1. Киклевич А. Художественный текст и теория возможных миров //	1. ttp://www.newruslit.ru 2. Курицын В. Русский

	текста в текстоведении	художественном тексте: автореф…. канд. филол. н. – Пермь, 2010. – 170 с. 2. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. Стилистика. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – Ч.3. – С. 38-294.	Киклевич А. Притяжение языка. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Olsztyn, 2007. – Том. I. – С. 267-290.	литературный постмодернизм. – Электр. версия. Режим доступа: [www.guelman.ru/5level/postmod/1.html]. 10.05.2016.
7.	Тема №7. Художественный текст в постмодернизме	1. Ильина Е.Ю. Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте: дисс. … д. филол.наук. – Волгоград: Волгоградский гос. пед.ун-т, 2009. – 445 с. 2. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. - СПб.: Алетейя, 2000. 3. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. - СПб.: Невский Простор, 2002.	1. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: монография. – Алматы: Жазуены, 2013. – 520 с. 2. Джундубаева А.А. Неомифологизм рассказа И. Одегова «Пуруша» // Науч. дискусс.: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи: сбор. ст. по материалам XVII международной заочной науч.-практич. конфер. – М., Изд.: «международный центр науки и образования», 2013. – № 10 (17). – 122 с.	1.ttp://www.newruslit.ru 2. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мира. – М.: Интрада, 1998. – Электр. версия [lib.ru/CULTURE/ILIN/postmodern.txt]. 06.07.2016. 3. Медведева Г.Р. Художественный текст: специфика интерпретации. – Электр. версия. Режим доступа: [www.texst]. 13.03.2017.
8.	Тема №8. Теория возможных миров в исследовании художественного текста литературы постмодернистского направления	1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с. 2. Бавильский Д. Человек без свойств // Октябрь. – 1996. – № 7. – С. 172-181. 3. Генис А. Поле чудес. Виктор Пелевин // Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М., 1999.	1. Киклевич А. Художественный текст и теория возможных миров // Киклевич А. Притяжение языка. – Том. I.: Семантика. 2. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. –Olsztyn, 2007. – С. 267-290. 3. Лурье В. М. Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России// Модальная логика времени в естественном языке: Доклады международной научной конференции. – СпбГУ, 2012. – С. 241-246.	1. ttp://www.newruslit.ru 2. Эко У. Парадоксы визуальной семиотики. – Эл. Версия. Режим доступа:[www.e-reading.ws].

			4. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347с.	
9.	Тема №9. Содержание текста как основа формирования проспективной семантики	1 Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 240 с.	1. Арзиева Е.Р. Гипотетическая семантика как способ моделирования возможного мира: магист. дисс. − Алматы, 2015. – 90 с	1.http://www.gumer.infobibliotek_Buks|Literat
10.	Тема №10. Текстообразующие возможности языковых единиц разных уровней	1.Черемисина Н.В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филологические науки. – 1992. – №2. – С. 111-117	1.Жаналина Л.К., Килевая Л.Т. и др. Язык современной науки: Языковые портреты. Учимся искусству научной речи: учебное пособие / под ред. Л.К. Жаналиной. – Алматы, 2010. – 344 с.	1.http://www.gumer.infobibliotek_Buks|Literat
11.	Тема №11. Особенности филологического анализа постмодернистского художественного текста	1.Рабунский Е.С. Индивидуальный подход в процессе обучения школьников (На основе анализа их самостоятельной учебной деятельности). – М.: Педагогика, 1975. – 182 с. 2.Осмоловская И.М. Дифференциация процесса обучения в современной школе: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск-го психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МО-ДЭК», 2004. – 176 с.	1. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: монография. – Алматы: Жазуены, 2013. – 520 с. 2. Алтыбаева С.М. Документальные и квазидокументальные нарративы современной казахской прозы // Семиосфера нарратологии: диалог языков и культур: международный сбор. науч. Ст. – Балашов, 2013. – С. 69-83.	1.http://www.gumer.infobibliotek_Buks|Literat
12.	Тема №12. Текстовые фрагменты воплощения возможных миров с проспективной семантикой	1. Бабушкин А.П. Перевод поэтического произведения как реализация «возможных миров» // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 79-82. 2. Назаренко М. «Возможные миры» в исторической прозе. Русская литература. Исследования: сбр. науч. трудов. – 2006. – Вып. Х. – К.: БиТ. – С. 105–115.	1. Бобылев Б.Г. О методике филологического анализа художественного текста // Ученые записки Орловского госуд.-го ун.-та. – 2017. – №3(76). – С. 185-190.	1. ttp://www.newruslit.ru 2. Тренинг «Академия лидеров будущего, проведенный проф. Владимиром Свёнтком в Лингв.-технич. ун.-те в Пшасныше (Польша, 2018 г. Март)

13.	Тема №13. Формирование креативной личности обучающегося на основе художественного текста	1. Арзиева Е.Р. Степень креативности в восприятии времени документально-художественной прозы современными студентами //Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Педагогика и психология». Научно-педагогический журнал. – 2016. – №3 (28). − С. 157-161. 2. Сафронова Л.В., Жансыбекова Э.Т. «Мифологема Нарцисса и мотив первотворения в рассказе И. Одегова «Пуруша». //Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. – Серия филол., 2017. – № 6. – С. 75-83.	1. Арзиева Е.Р. Автор как речевая личность сквозь призму темпоральной семантики //Сбор. стат. матер. IX-X междунар. науч. конф. «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки», №4-5 (8). − Новосибирск: Изд. «СибАК, 2018. − С. 50-56.	1.ttp://www.newruslit.ru 2. Новый словарь методических терминов и понятий. − Электр. версия. Режим доступа: [https: //methodological – terms. Academic. Ru] 07.03.2017. 3. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 382 с.
14.	Тема №14. Обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта обучающихся	1. Бразговская Е.Е.Текст в пространстве культуры. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 113 с. 2. Новикова А.В. Лингвистический анализ реализации возможных миров в художественном тексте: дисс. … канд.филол.н. – Пермь, − 2010. – 170 с.	1. Арзиева Е.Р. Семантика возможных миров в повести Виктора Пелевина «Принц Госплана» // Матер. междунар. науч.-прак. конф. «Экономика, право, культура в эпоху общественных преобразований», приуроченной к 100-летию со Дня рождения академика Д.С. Лихачева. АФ Санкт-Петербургского Гуманит.-го ун.-та профсоюзов. − 2017 г. − С.158-162. 2. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Academa», 2003. – 256 с.	1. ttp://www.newruslit.ru 2. Howard Gardner. (2010). Multiple intelligences. Электр. версия. Режим доступа: [http://www.howardgardner.com /MI/mi.html]. [Gardner, H. (2006 b). Multiple intelligences: New horizons. New York: Basic Books.
15.	Тема№15.Современный литературный процесс в России и Казахстане	1. Бадиков В.В. Авторское сознание и социальный заказ в структуре текста. (Запрещенная советская литература 20-х годов): автореф. … д-ра филол. наук: 10.01.08. - Алматы, 2000. - 55 с. 2. Майтанов Б.К. Автор в повествовательной системе казахского	1. Жаксылыков А.Ж. Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Типология, эстетика, генезис. - Алматы: Қазақ университеті, 1999. – 422 с.	1. ttp://www.newruslit.ru

		романа. - Алматы: Қазақ университеті, 2003. - 54 с. 3. Сафронова Л.В. Современный литературный процесс: учебное пособие. – Алматы: АГУ им. Абая, 2001. – 48 с.	2. Сафронова Л.В. Постмодренистская литература и современное литературоведение Казахстана. - Алматы, 2006.	

6. Критерии оценки

Формы аттестации	Виды контроля	Оценка (max балл)	Количество	Сумма
Рубежный контроль №1	Посещение занятий	1	7	7
	Текущий контроль (прак. сем., лаб. и студ. занятия)	4	4	28
	Контроль самостоятельной работы (СРСП,СРС)	5	7	35
	Рубежный контроль (колоквиум, контрольная работа, презентация и т .д.)	30		30
Рубежный контроль №2	Посещение занятий	1	7	7
	Текущий контроль (прак. сем., лаб. и студ. занятия)	4	4	28
	Контроль самостоятельной работы (СРСП,СРС)	5	7	35
	Рубежный контроль (колоквиум, контрольная работа, презентация и т .д.)	30		30
Итоговый контроль	*Экзамен*			100

При текущем контроле успеваемости учебные достижения студентов оцениваются по 100-балльной шкале за каждое выполненное задание (ответ на текущих занятиях, сдача домашнего задания, самостоятельной работы студента (далее - СРС), (рубежный контроль) и окончательный результат текущего контроля успеваемости подводится расчетом среднеарифметической суммы всех оценок, полученных в течение академического периода (Правила, п.7).

Исходя из вышеизложенного, в Журнале посещаемости и успеваемости по всем видам текущего контроля обучающимся выставляются оценки:

- 0 - если задание не сдано:
- 49 (F) - если задание выполнено на «Неудовлетворительно»:
- от 50 до 100 (от D-до A) - в зависимости от полноты и точности устного (письменного) ответа /выполненного задания.

Составитель **магистр гуманит.н. Е.Р. Арзиева**

Научный руководитель **проф. Л.В. Сафронова**

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Разработка лекции №8
(согласно составленному силлабусу)
на тему «Теория возможных миров в исследовании художественного текста литературы постмодернистского направления»

Цели лекции: ознакомление с теоретическим понятием термина «возможные миры», ознакомление с теорией возможных миров в литературоведении;

формирование целостного представления у обучающихся о современных литературоведческих исследованиях виртуальности в художественном тексте; на примере повести Виктора Пелевина «Принц Госплана» показать изображение специфики возможных миров в художественном мире;

воспитание эстетического восприятия окружающего мира, интереса к художественной литературе.

План-конспект лекции.

1. Понятие терминов «мир», «возможный мир».
2. Этапы развития теории возможных миров в литературоведении.
3. Виктор Пелевин – представитель постмодернистской литературы и его произведения.
4. Вывод. Рефлексия.
5. Задание для СРС.
6. Список использованной литературы.
7. Обратная связь. (Карточка выхода студента. Дифференцированные задания).

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья.
М.Ю. Лермонтов

I. *Вступительное слово*. Цель нашей лекции заключается в том, чтобы рассмотреть проявление возможных миров в художественном тексте.

Вопросно-ответная беседа.

- *Как вы понимаете слово «мир»*?

(Понятие «мир» определяется при этом как окружающая действительность и одновременно как ментальное устройство, воспринимающее его, то есть как «мой мир». Насколько адекватно мы воспринимаем мир, какова степень иллюзорности его восприятия – данные вопросы до настоящего времени остаются открытыми в целом цикле гуманитарных наук).

- *Как вы понимаете термин «возможный мир»?*

(В первую очередь истоки семантики возможных миров зародились в философских трактовках. Здесь известны такие философы, как Готфрид Лейбниц – вторая половина XVII в., Людвиг Витгенштейн, затем В.П. Руднев. Каждый из ученых дает свое представление о теории возможных миров. Анализ исследований показывает, что действительный мир рассматривается в философии как один из возможных миров (Лейбниц, Р. Монтельо, Сол Крипке, Я. Хинтикка).

Запись в тетради. Так, философ Лейбниц утверждает, что «Божественный разум «непременно и извечно содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каков он есть».

А Я. Хинтикка подчеркивает: «Пафос философии возможных миров в том, что абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетеля событий»).

Говоря о возможных мирах, нельзя не остановиться на лингвистическом анализе возможных миров. Мы можем остановиться с вами на одной из категорий истины/правды − т категории возможного мира в трактовке Н.Д. Арутюновой.

Актуализируя понятие истины, ученый подчеркивает, что оно является обязательным для любой языковой системы. Но, «для того чтобы это понятие сложилось, необходимы условия, определяющие восприятие мира человеком». Согласно ученому, дуализм бытия человека заключается в постижении окружающего мира, с одной стороны, а с другой стороны ─ разумом. Истина «всегда апеллирует либо к «другому миру», либо к отношению между двумя мирами». Исследователь указывает при этом на принципиальное различие в природе этих «соотносительных друг с другом миров. Один из них принадлежит к реальному плану, а другой ─ к идеальному. Отсюда оппозиция подлинного и мнимого миров. На основании этого в образе мир противопоставляются следующие сущности: 1) временное-вечное; 2) изменчивое – неизменное; 3) наблюдаемое-ненаблюдаемое; 4) настоящее – ненастоящее. Данные противопоставления объединяются на основе понятия истины.

II. Теория возможных миров сегодня активно разрабатывается и в литературоведении. Согласно исследованиям ученых, именно в литературоведении своеобразием отличается теория возможных миров. В контексте этой дисциплины возможный мир трактуется как «литературная» истина, а его теория связывается с изучением природы вымысла и определением соотношения миров литературы и реального мира. Так, анализ сочетания вымысла и реальности обнаруживается в исследованиях В. Лурье, альтернативной истории в работах М. Назаренко. Кроме того, теория возможных миров в литературоведении связывается с именем У. Эко, в

работах которого возможные миры ранжированы по признаку ролевого предназначения автора, персонажей и читателя.

Наиболее удачной, на наш взгляд, являются следующая трактовка о том, что художественный текст является вторичной моделирующей системой, предполагающей двойную референциальную соотнесенность: а) внешнюю – к действительному миру и б) внутреннюю – к миру субъекта.

Таким образом, запись в тетради «Внешние» возможные миры определяются как «трансформационные модели, не имеющие аналогов в действительном мире»; а «внутренние» – как «истинные миры субъектов.

Запись в тетради. Термины «референтная (референциальная) ситуация» основан на понятии «референция», под которой подразумевается «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности» .

Формирование возможного мира обусловливается и спецификой современной русской литературы постмодернистского направления, во многом опирающейся на структуру гипертекста.

Большая группа современных исследователей – Ж. Делез, И. Шевченко и П. Высевков, Д. Галкин, Н. Маньковская, Д. Бавильский, А. Генис и многие другие, занимаются вопросом выявления характера изменений классического художественного образа под воздействием компьютерных технологий, в связи с чем возникают такие термины, как *виртуальные образы* и *технообразы*. Речь идет не только о феномене киберкниги, организованной как гипертекст, но и о возникновении гиперлитературы, трансформирующейся под повсеместным влиянием нового «виртуального существования и мировоззрения». Гиперлитература, по мнению Н. Маньковской, оперирует уже не текстами, но текстопорождающими системами, актуализируя ризоматичность, дискретность, интерактивность (взаимодополняемость за счет процесса читательского сотворчества) художественного образа. Компьютерное мировосприятие конституирует фигуру автора-конструктора и читателя-соавтора, который, идентифицируясь с образами виртуальной реальности, одновременно имеет возможность видоизменять любого из персонажей.

Свободу постмодернистской интерпретации вытесняет в виртуальном образе необходимость регламентированного интерактивного вмешательства аудитории в его существование. Все это, по мнению исследователей, как бы отменяет технику создания и функционирования классического искусства. Происходит становление и развитие нового понятийного аппарата и эстетических принципов. Произведение превращается в открытую, суперпроницаемую систему, где смешиваются роли творца и публики. Интерактивность меняет художественный образ, обращая его в некий перманентный процесс становления, с полимодальной и многофокусированной проекцией восприятия. Новый техноперсонаж лишается характера, личностного начала, однако это достаточно упорядоченный конструкт (в отличие от хаотичного постмодернистского), снабженный «инструкцией по

применению», так как post-постсовременное искусство рассчитано на ведомого читателя-интерактивиста, а не на интерпретатора .

Специфика виртуальности меняет механизмы эстетического восприятия. Именно *процесс* чтения, а не его результат оказываются сегодня в центре теоретических интересов. Стратегическими практиками коммуникативных отношений текста занимается российский ученый и философ В. Подорога. В. Подорога также считает, что в настоящий момент в культуре завершается период разрушения одной образной системы – реалистической, и начинается ее смена на другую - виртуальную. Критерием качества современного образа выступает именно его виртуальность. Поэтому основная питательная среда для художественного образа – это информационные системы СМИ и Интернета, где доминируют «простые радости копирования». СМИ – громадная фабрика образов «неважно чего», где смысл имеет только быстрота, с которой копируется их воспроизведение в массовом сознании. СМИ перерабатывают знания в образные технологии, причем изготавливается и образ, и сразу – его потребитель. Гуманитарное знание начинает перенимать этот производственный, неизбежно плагиаторский в основе своей, принцип функционирования.

Российский философ исследует не образы-персонажи, но скорее процессы движения мысли, в которых они растворены. Отсюда и произведение мыслится им лишь как виртуальное. Техника анализа, которую он предлагает, определяется, прежде всего, уникальностью объекта анализа, «превосходством объекта». Мыслить – это как бы пытаться высвободиться от себя как субъекта, так как десубъективация сегодня становится социально значимым актом выживания общества. Поэтому литература, с точки зрения В. Подороги, должна найти для себя универсальные художественные образы, удобные для множественной аутентичности, иначе она прекратит существовать.

Представляет интерес тот факт, что постмодернизм вписывается в специфику русского менталитета. Так, И.П. Ильин говорит о «повышенной сослагательности русского менталитета с его постоянным стремлением переоценивать реальность прошлого и настоящего сточки зрения предположительного». Как утверждает исследователь, «любое явление неизбежно сопровождается длительным шлейфом интерпретаций и окутано туманной аурой исторического коллективного бессознательного, укорененного в мифологизирующей природе человеческого сознания. Приведенная цитата как нельзя лучше обосновывает соотношение русского менталитета с «возможными мирами».

По мнению В. Курицына, особенностями постмодернизма являются «интерактивность» и «виртуальность». Вячеслав Курицын определяет постмодернизм как явление, «для которого не характерны дружеские отношения со строгостью структур и четкостью систематики». Согласно ученому, для постмодернистской культуры характерна разорванность классической зависимости означающего от означаемого. Он характеризует

постмодернистскую ситуацию следующим образом. Это «состояние, в котором субъект теряет некую адекватность течению времени; ситуация, предполагающая возможность «одновременного» нахождения в разных временах». Значимым для нашей статьи является характеристика ситуации постмодернизма, основанная на возможности субъекта находится одновременно в разных временах, что, несомненно, провоцирует моделирование возможных миров.

В обозначенном контексте постмодернистский литературный процесс характеризует Л.В. Сафронова. Ученый, определяя современную литературную ситуацию, утверждает, что « прежняя динамика литературного процесса уходит из литературы в не литературу: в публицистику, философию, религию, культуру в целом». Поэтому в современной литературе говорят не столько как о процессе, а как о ситуации, «литературном пейзаже» или даже «натюрморте», имея в виду быстроту сменяющихся художественных событий и их наметившуюся ситуацию».

В современные литературные чтения, обозначенные Л.В. Сафроновой, вписывается повесть Виктора Пелевина «Принц Госплана», о которой мы с вами сегодня будем говорить.

Исследование языка художественного произведения в контексте теории возможных миров связывается в лингвистической науке именно с постмодернистским направлением в современной культуре и литературоведении как составляющей этой культуры. Отмечая значительный вклад структуралистов в изучение поэтического языка и художественного текста, польский лингвист А.Киклевич подчеркивает значимость такого рода исследования в свете антропологической парадигмы. Он пишет: «Поэтому совершенно очевидно, что изучение художественного текста в контексте идей и методов лингвистической прагматики и когнитологии представляет значительный интерес – и как возможность верификации репрезентативных интенций указанных научных направлений, и как возможность нетрадиционного подхода к традиционным проблемам художественного текста».

По справедливому утверждению А. Киклевича, (запись в тетради) специфика художественного текста, заключающаяся в его «непрозрачности», «проявляется и в том, что в его основе лежит особый языковой код, обладающий максимальной степенью специализации, включенности в сознание и миросозерцание автора. Художественный текст ориентирован на специфическую, «вторую» действительность – субъективную картину мира художника, объединяющую в себе множество его пресуппозиций, пропозициональных установок и интенциональных состояний». Эту «вторую» действительность, альтернативную реальной действительности, ученый определяет как «один из возможных миров, точнее – один из трансцедентных возможных миров, или макромиров». На этой основе он выделяет «два уровня обобщенности понятия возможного мира:

1) возможные миры как ситуации и события (онтологические сцены), при этом можно различать как минимум два их типа: референциальные (или онтологические), т.е. ситуации/события, которые описываются в высказывании/тексте, и коммуникативные (интерактивные), т.е. ситуации социального взаимодействия с использованием речевых сообщений;

2) возможные миры как виртуальные коалиции ситуаций и событий, т.е., с одной стороны, так называемые предметные области, … а с другой стороны, коммуникативные сферы – такие как наука, СМИ, образование, повседневная коммуникация и др».

Согласно ученому, в художественном тексте обнаруживаются категории, как первого, так и второго уровней.

В качестве фикционального текста в художественном произведении представлено сновидение. С вербальной точки зрения, согласно произведенному В.В. Савельевой филологическому анализу онейрических текстов, «переходя из визуальной субстанции в вербальную, сновидение обретает статическую форму». Это онейрический текст, представляющий собой последовательную цепь высказываний, содержащих элементы живой спонтанной речи. Возможный мир в онейрическом тексте представлен как онейрическое пространство, поражающее «сочетанием мнимо жизнеспособных форм с явно фантастическими». Онейрическое время «принадлежит внутреннему миру персонажа и измеряет ситуации его альтернативного существования…».

Как подчеркивает В.В. Савельева, «литература постмодернизма продолжила диффузию сна и яви в пределах одного текста». Данный постулат она раскрывает посредством анализа романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Возможные миры формируются в нем на основе «раздвоения мира между сном и явью, историческим временем и сумасшедшим домом». Примечательны следующие слова его персонажа: *И этой секунды хватило, чтобы увидеть обман, стоявший за тем, что я всегда принимал за реальность…*» .

Сегодня мы с вами остановимся на одном из ярчайших личностей русского постмодернизма, в сфере пристального наблюдения которого находится постсоветский человек.

Вопросы:

- Назовите писателей постмодернистского направления.

- Какие их произведения вы читали?

- Что вы знаете о Викторе Пелевине?

III. Виктор Олегович Пелевин (родился в 1962, по некоторым источникам в 1967 году) − один из наиболее ярких и читаемых писателей последнего десятилетия.

В каждом своем произведении Виктор Пелевин описывает воображаемую картину жизни: это мнимая прямая, проходящая через несколько плоскостей и тем самым являющаяся их связующим звеном. Герои пелевинской прозы

одновременно и находятся в каждой плоскости, и существуют лишь виртуально. Они в некоторой степени являются оптическим трюком, как в случае, когда перед вами два предмета − один вблизи, другой вдалеке: сфокусировав взгляд на ближнем предмете, вы видите дальний нерезко, размыто, и наоборот. И только тогда предмет становится для вас четким и реальным, когда попадает в поле вашего зрения.

Таким образом, если провести еще одну аналогию, пелевинские герои как будто являются диапозитивами в проекторе; либо кадры проектируются на экран, либо, при его отсутствии, луч растворяется в темноте. Руководителем процесса в данном случае является читатель: как он повернет проектор, с какой стороны взглянет на экран, так и отпечатается изображение в его сознании. Вот как комментирует эту ситуацию критик А. Генис: «В героях Пелевина больше и от насекомых, и от людей. Собственно, между ними вообще нет разницы, насекомые и люди суть одно и то же. Кем их считать в каждом отдельном эпизоде, решает не автор, а читатель».

Основной темой пелевинского творчества можно считать буддистский тезис «мир − это только мое впечатление». Но Пелевин развил его гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Для него любая проблема сводится к тому, что человеку часто навязывают это впечатление, заменяют его чужим, а он этого не осознает.

Все произведения Виктора Пелевина отображают сочетания реальностей, миров, внешних оболочек, его интересует ситуация их пересечения, жизнь «на стыке» или нечто запредельное: «Меня не столько интересует формальный диагноз, сколько та внутренняя причина, по которой человек выпадает из своей нормальной социально-психической ниши... Вы как раз принадлежите к тому поколению, которое было запрограммировано на жизнь в одной социально-культурной парадигме, а оказалось в совершенно другой... Одни люди оказываются в силах начать новую жизнь... а другие так и остаются выяснять несуществующие отношения с тенями угасшего мира».

Одна из тем, которые разрабатывает Пелевин, − тема исторического рубежа России: перехода ее от советской власти к новой эре − демократии. Хотя советская власть и не смогла изменить реальность, она видоизменила сознание людей, и именно такие люди, находящиеся в плену у собственного сознания, являются героями многих произведений писателя. Проблема их не в том, что они боятся карательной системы и четко следуют линии вождя, а в том, что они не понимают, что их существование виртуально, так как обусловлено чужой волей.

Эта тема особенно ярко проявилась в романе «Омон Ра», а также в рассказах «Миттельшпиль», «Вести из Непала» и в повести «Принц Госплана».

«С появлением сетей массовой коммуникации, Internet, с усилением в нашей жизни роли компьютеров появилась возможность замены реального мира компьютерной иллюзией. Таким образом, теперь мы все в большей или меньшей степени соприкасаемся с виртуальной реальностью, существование

которой порой ставит под сомнение существование действительной реальности. Именно на этом сомнении, как основном принципе и строятся все произведения постмодернистской эстетики». И таким примером может служить повесть В. Пелевина «Принц Госплана».

Каждый персонаж повести играет в какую-либо компьютерную игру, т.е. существует одновременно в двух пространствах – виртуальном и реальном. Пелевин только в начале и в конце повести указывает, что Саша Лапин сидит за компьютером, на протяжении остального повествования герой мгновенно перескакивает из реального мира в игру и так же мгновенно возвращается обратно. При этом между этими двумя мирами нельзя провести границы: одно и то же пространство является и пространством, в котором разворачивается игра, и реальным пространством. Как подметил М. Липовецкий, «Принц Госплана» наполнял плоскую и фиктивную рамку игры самим собой и тем самым превращал симуляцию в свою, свободную реальность». Мы видим полное отождествление персонажей со своими виртуальными alter ego. Здесь не компьютер очеловечивается, а сам человек виртуализируется, в буквальном смысле забывает себя:

«– Но куда деваются те, кто играет? Те, кто управляет принцем?

– Помнишь, как ты вышел на двенадцатый уровень? – спросил Итакин и кивнул на экран.

– Помню.

– Ты можешь сказать, кто бился головой о стену и прыгал вверх? Ты или принц?

– Конечно, принц, – сказал Саша. – Я и прыгать-то так не умею.

– А где в это время был ты?

Саша открыл, было, рот, чтобы ответить, и замер».

Главный герой, программист Саша из Госснаба, играет в компьютерную игру «Принц Персии». Играет на протяжении всей повести: разговаривая с начальством, отправляясь с поручением в Госплан, во время поездки на метро, встречаясь с приятелем и проч. И вместе с героем читатель «проваливается» из обыденной реальности в реальность игры. И происходит это совершенно неуловимо. Его мир — трехмерное графическое пространство монитора, заполненное игровыми атрибутами и командами на различных языках программирования. Он мыслит и изъясняется компьютерными терминами, что можно проиллюстрировать на примере его диалога с коллегой Эммой Николаевной:

«Саша, прикури мне, а?

— А вы что, сами не можете? — довольно холодно спросил Саша.

— Так я же не в «Принце», — ответила Эмма Николаевна, — у меня факелов на стенах нету.

— А что, раньше играли? — подобрев, спросил Саша.

— Приходилось, только вот эти стражники... Что хотели, то со мной и делали... В общем, дальше второго яруса я так и не попала.

— А там шифтом надо, — сказал Саша, взял у нее сигарету и шагнул к зыбкому факелу, горящему на стене. — И курсорными» .

В повести «Принц Госплана» доминирует одна реальность, из-за чего другая кажется иллюзорной. Преобладающая реальность аналогична советской — она давно навязала людям свои правила игры. Но проблема опять же в сознании самих героев — они не видят выхода и принимают эти правила, как единственно возможные. Саша Лапин не понимает, кто он на самом деле; он настолько поглощен виртуальным миром, что его истинная сущность растворяется в небытие. Цель игры превратилась в смысл его жизни, и он изо дня в день бежит по коридорам лабиринта, отыскивая нарисованную принцессу и думая, что она настоящая: «Если нажимать некоторые клавиши одновременно с другими, фигурка может подпрыгивать и подтягиваться, висеть, качаясь, на краю, и даже может с разбега перепрыгивать каменные колодцы, из дна которых торчат острые шипы. У игры много уровней, с нижних можно переходить вверх, а с высших проваливаться вниз − при этом меняются коридоры, меняются ловушки, по другому выглядят кувшины, из которых фигурка пьет, чтобы восстановить свои жизненные силы, но все остается по прежнему - фигурка бежит среди каменных плит, факелов, черепов на полу и рисунков на стенах. Цель игры - подняться до последнего уровня, где ждет принцесса, но для этого нужно посвятить игре очень много времени».

В конце концов, он находит ее: «Сделанная из сухой тыквы голова с наклеенными глазами и ртом... картонные руки... в рукавах дрянного ситцевого халата» .

Переход от одной деятельности к другой (например, от игры к работе, от сериала к приготовлению обеда) не происходит мгновенно, как представляется наблюдателю. Психические состояния обладают некоторой инерцией. Каждой деятельности соответствует специфическое состояние, оптимальное для ее выполнения. Смена деятельности требует перенастройки, и до того, как это произойдет, прежнее состояние по инерции сохраняется в новых условиях, определяя особенности восприятия реальности. Это знакомо каждому, кто вынужден был прерывать увлекательное чтение, просмотр интригующего фильма или захватывающую игру. Переход от игры к реальности не может совершаться мгновенно, как переключение тумблера. Поэтому кажется проблематичным утверждение, что ни один нормальный человек не спутает игру с реальностью. Человек часто не в силах достаточно быстро менять способ восприятия и привычный режим функционирования. Как долго длится период спутанности сознания, зависит от времени, затраченного на игру. Чем больше времени занимает игра, тем продолжительнее и сложнее последующий выход. Режим функционирования «зависает».

Но стирание грани между игрой и жизнью — лишь одно из возможных проявлений спутанности «реальностей». Другое проявление аналогичной природы — трудности адаптации людей в новых культурно-исторических и экономических условиях, когда они продолжают думать и жить по-старому в

новой ситуации. Мучительные проблемы людей на сломе эпох снова и снова демонстрируют инерционность психики. Молодежь легче переживает смену эпохи, потому что ее установки еще не зафиксировались, а психика очень подвижна. Чем моложе человек, тем легче ему сказать «а я так не играю» и перейти к другой игре.

Оба случая «зависания» психики, слияния разных «реальностей» воплощены в образе «Принца Госплана». Глобальная, исторически детерминированная смута сознания на сломе эпох предстает как синдром утраты границы между «реальностями». Пелевин первый в отечественной литературе показал внутренний психологический кризис не как нравственную коллизию, а как психодинамическую, даже психофизиологическую проблему смены режима функционирования, которая выражается в «наложении», смешении «реальностей».

Образ «Принца Госплана» вбирает в себя символы разных эпох: символ устойчивости и надежности социализма — «Госплан» — и символ смутной, призрачной переходной эпохи — компьютерную игру-бродилку «Принц Персии». В результате такого «сгущения» смысла (в терминологии Фрейда) читатель застает себя в третьей по счету реальности — реальности глобальных исторических процессов, составляющих стержень всех коллизий. Все три «реальности»: реальность обыденной жизни, реальность игры и социально-историческая реальность — вложены друг в друга и становятся понятными только друг через друга.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что возможные миры для писателя-постмодерниста В. Пелевина содержат сочетание иллюзорного и реального, уже не делятся на истинные и ложные и носят игровой характер, выражающийся в игре индивидуальным временем и пространством. Но граница между мирами неприступна, ее нельзя пересечь, потому что сами эти миры есть лишь проекция нашего сознания. «Единственный способ перебраться из одной действительности в другую − измениться самому, претерпеть метаморфозу».

Таким образом, этот специфический способ видения реальности и осмысления мира и составляет то «уникальное предложение», которое определяет интерес к произведениям Пелевина и позволяет ощутить дыхание смены «геологических эпох» в психике человека.

Итог. Вывод. Рефлексия: Что нового вы узнали? Какую интересную информацию вы получили сегодня на лекции?

СРС 1. Прочитайте произведение В. Пелевина роман «Игры без названия» («Generation «П») или «Чапаев и Пустота».

2. Составьте ассоциограмму содержания текста «возможные миры».

Список используемой литературы

1 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

2 Бавильский Д. Человек без свойств // Октябрь. – 1996. – № 7. – С. 172-181.

3 Генис А. Поле чудес. Виктор Пелевин // Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М., 1999.

4 Галкин Д. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. – 2000. – Вып. 1-2. – С. 26-34.

5 Делез Ж. Актуальное и виртуальное // Цифровой жук. – 1998. – № 2. – С. 52-57.

6 Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мира. – М.: Интрада, 1998. – Электрон.версия lib.ru/CULTURE/ILIN/postmodern.txt.

7 Курицын В. Группа продленного дня// Пелевин В. Жизнь насекомых. – М.: Вагриус, 1999; Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000

8 Киклевич А. Художественный текст и теория возможных миров // Киклевич А. Притяжение языка. – Том. I.: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. –Olsztyn, 2007. – С. 267-290.

9 Лурье В. М. Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России// Модальная логика времени в естественном языке: Доклады международной научной конференции. – СпбГУ, 2012. – С. 241-246.

10 Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347с.

11 Подорога В. Человек без кожи // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. – М.: Институт философии РАН, 1995. – С. 212-271.

12 Сафронова, Л.В. Современный литературный процесс: Учебное пособие. – Алматы: АГУ им. Абая, 2001. – 48 с.

13 Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: Монография. – Алматы: Жазуены, 2013. – 520с.

14. Эко У. Парадоксы визуальной семиотики. – Эл. Версия. Режим доступа:[www.e-reading.ws].

15 Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

16 Лингвистический энциклопедический словарь/Под ред.В.Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 396, 401, 411.

17 Пелевин В. Принц Госплана. – М.: Изд-во: Эскимо, 2011.

Карточка выхода студента

Тестовое задание

1. Понятие «мир» − это

a) Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная

b) Все сущее

c) Все страны и народы

d) Религиозные союзы

2. Термин «возможный мир» это

a) Возможный мир − это понятие философского дискурса, фиксирующее мыслимые состояния бытия, альтернативные наличному

b) Реальный и возможный диалог творческого сознания

c) Имеющий возможность

d) Окружающая действительность

3. Писатель постмодернист

a) Михаил Афанасьевич Булгаков

b) Эрих Мария Ремарк

c) Шарлотта Бронте

d) Виктор Олегович Пелевин

4. Постмодернизм − это

a) Направление в культуре 2-й пол. XX в., отвергающее основные принципы модернизма и использующее элементы различных стилей и направлений прошлого, нередко с ироническим эффектом.

b) Драматическое произведение с весёлым, смешным сюжетом, обычно осмеивающее общественные или бытовые пороки.

c) Направление в литературе и искусстве первой четверти XIX в., выступавшее против канонов классицизма и характеризовавшееся стремлением к национальному и индивидуальному своеобразию, к изображению идеальных героев и чувств, противопоставленных окружающей действительности.

d) Направление в искусстве XVII − начала XIX в., основанное на подражании античным образцам, античной поэтике.

5. Термины «референтная (референциальная) ситуация» − это

a) Воздействие компьютерных технологий

b) Взаимодополняемость за счет процесса читательского сотворчества.

c) Это «отнесенность актуализированных имен, именных выражений или их эквивалентов к объектам действительности»

d) Компьютерное мировосприятие

6. По мнению какого ученого «основная питательная среда для художественного образа – это информационные системы СМИ и Интернета, где доминируют «простые радости копирования»

a) Маньковская Н.Б.

b) Подорога В.А.

c) У.Эко

d) Я. Хинтикка

7. Отличительной чертой постмодернизма является

a) Прогрессивность

b) Утопизм

c) Нетрадиционность

d) Опосредованность знаками

8. Понятие «постмодернизм» было выработано в сфере

a) Философии

b) Культурологии

c) Филологии

d) Лингвистики

9. Какие достижения в развитии новейших средств массовых коммуникаций оказывали содействие возникновению постмодернизма

a) Телевидению, видеотехнике, компьютерной технике

b) Литературе, музыке, балету

c) Живописи, кино

d) Общественно-политическому движению

10. Постмодернистский герой - это человек, который…

a) Олицетворяет гармонию, эмоционально устойчива морально уравновешен

b) Противостоит реальному миру в поисках ирреального

c) Находится на перекрестке разных времен, эпох, пространств

d) Пытается найти точки соприкосновения между реальным и фантастическим мирами

Карточка выхода студента (обратная связь со студентами)

Проведение анкеты с целью получения имеющихся знаний у студентов о писателе.

Люди идут сюда, как на кладбище… Мир после технологии. Время пошло назад… Тут похоронен не только их дом, а целая эпоха. Эпоха веры! В науку! В справедливую социальную идею! Великая империя расползлась по швам. Развалилась; *Конечно, я согласен, когда пишут, что это не реактор взорвался, а вся прежняя система ценностей*; *Осталась за проволокой только земля… И могилы… Наше прошлое − наша большая страна….*

Вопросы:

1. «Знаете ли Вы, из какого произведения автора этот отрывок?», «Кто такая С. Алексеевич?», «Читали ли Вы другие её произведения?»

2. «Какая эпоха отражена в предложенном отрывке?»

3. «Какое время (настоящее, будущее или прошедшее) актуализируется (является для автора доминирующим) в отрывке текста? Почему?»

4. Дайте свою оценку происходящим событиям в произведении. Свой ответ аргументируйте.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Методическая разработка
семинарского занятия
на тему №14
(согласно составленному силлабусу)
«Обучение филологическому анализу постмодернистского художественного текста с учетом типов интеллекта обучающихся»

Цели: систематизация знаний анализа художественного текста на основе теории Говарда Гарднера о типах интеллекта обучающихся; формирование читательской грамотности студентов как основой креативного мышления современного человека путем практического умения анализировать текст;

развитие мыслительные способности обучающихся с использованием приемов активного обучения; закрепление навыков языковой компетенции путем совершенствования умений формировать собственное высказывание;

развитие интереса к творческой деятельности студентов и воспитание взаимного уважение друг к другу; а также пробуждение интереса к изучаемой дисциплине и научной работе.

Оборудование: компьютер, проектор, экран.

Дидактические материалы: ватман (формат А3) фломастеры, текст М.Веллера «Колечко».

Наглядные пособия: аудирование рубрики «Знаете ли вы?», видеосюжет художественного фильма «Чернобыль. Зона отчуждения» режиссера Йохана Рена).

Раздаточный материал: (предварительно на столах): оценочный лист студента (Приложение 1), листочки для ответов на тестовые задания (карточка выхода студента – Приложение 2 – дифференцированное задание).

Продолжительность занятия: 50 минут

СТРУКТУРА ЗАНЯТИЯ

Художественный текст − коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия.
В.А. Маслова

1. *Разминка. Блиц-опрос:*

- Как вы понимаете эпиграф? Аргументируйте ответ.
- Что представляет собой дифференцированное обучение? С какой целью оно используется в учебном процессе?

- Что представляет собой теории типов интеллекта Говарда Гарднера в контексте дифференцированного обучения? Аргументируйте ответ.

- Сколько типов интеллекта предлагает ученый? Перечислите их.

- Кратко охарактеризуйте каждый из них.

- От чего зависит успех предлагаемой методики?

Вывод: В современном образовательном процессе в методической литературе существуют различные точки зрения ученых на дифференцированное обучение, но все методисты сходятся в едином, что *дифференциация обучения – индивидуализация обучения*.

Необходимо отметить, что идея дифференцированного обучения находит оптимальное созвучие с современной постмодернистской культурной парадигмой, основанной на принципе антропоцентризма, на приоритете отдельного человека, утверждающей мысль о том, что каждый человек представляет собой личность с определенными способностями в конкретной области деятельности.

● Опираясь на свой жизненный и читательский опыт, смоделируйте ситуацию, когда *дифференцированное обучение* имеет положительные результаты на практике.

Оценочный лист студента.

II. *Закрепление. Работа с текстом* М. Веллера «Колечко». (Раздаточный материал)

☞ Дифференцированные задания. **(**Раздаточный материал**).**

Создание целевой установки: задача студентов заключается в том, чтобы с опорой на содержание текста М.Веллера «Колечко», выполнить дифференцированное задание в соответствии с их психологическим типом.

1. Задание для студентов с *лингвистическим* типом интеллекта: *приведите обоснования для подобранного и устно описанного ребятами другой группы воображаемого природного фона, на котором могли бы развиваться действия из представленного вам фрагмента текста*.

2. Задание студентов с *логически-математическим* типом интеллекта: *составьте с разбросанными на столе словами два предложения, которые бы заключали основную мысль анализируемого произведения*. Резервное задание: *составьте и заполните таблицу с рубриками:*

а) автор произведения;

б) название произведения;

в) обусловливающий предшествующий временной срез;

г) обуславливаемый последующий временной срез.

3. Задание студентов *визуально-пространственного* типа интеллекта: *составьте на материале данного фрагмента художественного текста когнитивный сценарий передаваемых инфинитивом действий*. Резервное задание: *выявите в данном фрагменте текста семантические средства, выражающие пространство, и предоставьте иллюстрации и/или лингвокультурологические комментарии к нему*.

4. Задание студентов с *телесно-кинестическим* типом интеллекта: *постройте два контейнера. В один из них вложите карточки с надписями позитивных оценочных ключевых слов, извлеченных из анализируемых произведений, а в другой – негативных ключевых слов*.

5. Для студентов с *музыкальным* интеллектом были использованы разнообразные музыкальные отрывки произведений. Задание: *установите, с какими ключевыми словами произведений ассоциируется тот или иной музыкальный отрывок.*

6. Задание студентов *натуралистического* типа интеллекта: *подберите и устно опишите воображаемый природный фон, на котором могли бы развиваться действия из представленного вам фрагмента текста*.

7. Задание студентов *экзистенционального* типа интеллекта: *выступите в качестве экспертов, определяющих правильность выполняемых другими студентами заданий*.

8. Задание студентов *межличностного* типа интеллекта: *выступите в роли консультантов-помощников для сформированных групп студентов. Устно расскажите об особенностях проведенной вами работы.*

Вывод. Доклады групп студентов (один спичрайтер) о выполненных заданиях.

Обмен информацией. Ответы на вопросы оппонентов.

Оценочный лист студента.

III. *Рубрика «Знаете ли вы»?*

Анализ полевой кейс-стади. Аудирование. Прослушайте отрывки из произведений. Укажите, какому писателю принадлежит данный отрывок.

● Сформулируйте основную мысль текста.

● Приведите примеры (использование различных языковых средств), доказывающие, принадлежность данного отрывка тому или иному автору.

Вывод. Обмен информацией. Оценочный лист студента.

IV. *Подготовительный этап к просмотру видеоролика.*

Работа с терминами. Студенты, используя лингвистический (литературоведческий, энциклопедический) словарь, уточняют значение предложенных слов и словосочетаний.

1. Объясните значение следующих слов и словосочетаний. 2. С данными словами составьте распространенные словосочетания.

Эпоха, изгои, маргиналы, апокалипсис, Чернобыльская трагедия, техногенная катастрофа, социальная катастрофа, советская ментальность, культура, цивилизация, зона отчуждения, АЭС.

● Вспомните, что такое аббревиатура. Расшифруйте АЭС. Определите род.

Просмотр видеоролика. (Отрывок из художественного фильма «Чернобыль. Зона отчуждения» режиссера Йохана Рена).

Вопрос: Какая идея лежит в основе фильма? Сформулируйте художественный замысел автора.

Задание. Раскройте жанрово-стилевую организацию фильма.

Оценочный лист студента.

V. *Игра «Кто быстрее?»* Выполнение лексико-грамматических заданий.

1). Определить прямое и переносное значения глаголов в данных предложениях; выявить авторскую прагматическую составляющую, сконцентрированную в переносном значении глаголов:

а). *И выбирается заурядная девчонка с первого курса… Раз: она его уважает и почитает: он взрослый, способный, умный, герой-фронтовик.. Два: единственная дочь обеспеченных родителей, им подкидываю, в плане материальном он не отяготился… оптимальное решение… Четыре: до распределения они рожают ребенка, и их оставляют в областной больнице. Он идет на место хирурга и становится дельным хирургом… У него и научная работа, он и в общественники лезет, и речи толкает, и кандидатскую кропает, и с любым умеет поладить…* [К., с. 3].

б). *Семья − куда лучше. Дочка славная растет, а больше детей и не было*…[К., с.5].

2). Опираясь на содержание рассказа «Колечко», необходимо построить алгоритм конструирования возможного мира, заменив второй элемент следующей семантической конструкцией на элемент ’с положительной коннотацией’: ’Союз *если* + глагол в инфинитиве с положительной коннотацией…, *то* + глагол в будущем времени с *отрицательной коннотацией*’:

а). (О девушке) *Она осталась беременной… Аборты были запрещены. Довериться? Кому? Как? Чем поможет: сознаться в тайном, подсудном деле, огласка, позор…*[К., с. 4].

б). *Бросить институт, уехать, устроиться на работу, родить… Куда? Как? На какие деньги*? [К., с. 4]

Вывод. Обмен информацией. Оценочный лист студента.

VI. *Рефлексия. Ответьте на вопрос:* Что нового вы узнали на занятии. Какие виды работ были для вас более трудными. Почему?

VII. *Выводы.*

В ходе семинарского занятия студенты подводятся к следующему выводы.

Филологический анализ художественного текста постмодернистской литературы через языковые единицы позволят определять формальную сторону текста, благодаря которым передается идейный замысел автора текста.

Читательская грамотность эффективно развивается на основе сравнения прочитанного с тем, что обучающийся уже читал раньше и со своим еще не значительным жизненным опытом.

VIII**.** *Заключение. Подведение итогов занятия***.** Таким образом, предложенные методы и приемы обучения, задания и упражнений в зависимости от типа интеллекта в значительной степени улучшает постижение структурно-семантических и формальных компонентов художественных текстов, освоение их идейной направленности, формирует читательскую грамотность, развивает креативный подход к восприятию художественного времени как составляющей пространственно-временного континуума.

IX. *Карточка выхода студента.* (Дифференцированный уровень)

X. *СРС*

1. *Грамматическое задание***.** Используя текстовой материал анализируемых произведений, заполните таблицу «Вербализация возможных миров в современном художественном тексте с проспективной семантикой».

Образец:

Языковые средства проспективной семантики (по степени доминирования)	Примеры	Соответствующая семантика возможного мира
1	2	4
Глаголы будущего времени	*Господи, да на что я* ***надеюсь****? - подумал он (Саша). - Что я* ***буду*** *здесь* ***делать*** *через год?..* (Пр.Гос.П.)	мир предписываемых действий, мир нежелательных перспектив, мир воображаемых перспектив, мир сомнений
Конструкции условной семантики с глаголами будущего времени		

Высказывания с условной семантикой		
Условная семантика в высказываниях в составе с частицей *бы* + инфинитив		
Инфинитивные конструкции		
Вопросительные конструкции		
Лексико-семантические единицы		
Текстовые фрагменты		

2. *Творческое задание***.** Используя методику пуантилизма, представьте рисунок из понравившегося вам художественного произведения постмодернистской литературы. (Фрагмент пейзажа природы, портрет героя и др.)

3. *Индивидуальное задание. (Работа в парах).* Разыграйте диалог между главными героями изученных вами произведений.

4. *Написание эссе на тему*: «Я – креативная личность».

Оценочный лист студента

Ф.И. студента _____

Задание 1	Задание 2	Задание 3	Здание 4	Задание5	Общий балл

Критерии оценки:

Задание №1 - 1 балл (Безупречное знание теоретического материала. Соблюдение грамматических норм устного изложения (грамотность речи, точность, краткость, понятность).

Задание №2 – 2 балла (1 балл, если есть небольшие неточности в ответе)

Задание №3 – 1 балл.

Задание №4 – 3 балла (2 балла за хорошее знание теоретического материла; отклонениях от нормы, недочеты в речи; неуверенная манера держаться; 1 балл за удовлетворительное знание теоретического материала; грубые ошибки в речи; неуверенная манера держаться).

Задание №5 – 2 балла.

**Карточка выхода студента* _____

Ответьте на вопросы по содержанию повести В. Пелевина «Принц Госплана» **(**таксономиия Блума)

1. *Знание.* Назовите … . Где происходит … . В каком году … . Отметьте … . Перечислите … .

2. *Понимание.* Закончите фразу … . Что вы узнали … . Почему … . Преобразуйте выражение … . Запишите своими словами.

3. *Применение.* Предложите несколько выходов из создавшейся ситуации … . Какое объяснение можно найти данному явлению? Проверьте предложенную гипотезу … Выводы … .

4. *Анализ.* Что является следствием … . Классифицируйте … . Проанализируйте причины … . Сравните … .

5. *Синтез.* Найдите альтернативу … . Предложите алгоритм … . Каковы возможные изменения … . Систематизируйте … . Исследуйте … .

6. *Оценка.* Выделите критерии … . Опишите достоинства … Соответствуют ли … . Что вы думаете о …

***Карточка выхода студента* _____

Задание. Заполните таблицу, основываясь на содержании предложенных произведений и изученного теоретического материала.

Образец:

Название произведения	Временная локализация: два временных плана	Пространственная локализация: два пространственных плана	Сюжетная линия: перевоплощение образа
1	2	3	4
Б.Акунин «Внеклассное чтение»	Екатерининский/ современный Постперестроечный	Россия периода Екатерины Второй/ Современная Россия	Семилетний вундеркинд при Екатерине Великой/русский англичанин Николас Фандорин
С. Алексиевич «Чернобыльская молитва»			
В. Пелевин «Принц Госплана»			
М. Веллер «Колечко»			
И. Одегов «Пуруша»			

***Карточка выхода студента _____

Метод незаконченных предложений.

1. Мне понравилось на занятии…

2. Я узнал (а)…

3. Больше всего мне запомнилось…

4. Удивительно было то, что…

5. Раньше я не знал (а)…

6. Думаю, это занятие …